

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 20.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово. въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. О повновѣніи власти. Преосвященнаго *Амвросія* . . . 447—460

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка (продолженіе). *Д. Леонардова*. 461—487

Очерки по исторіи древне-русской письменности (продолженіе). *Н. Протопопова*. 488—512

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Положеніе и нужды нашего духовнаго, преимущественно высшаго, образованія. Профессора Кіевской Духовной Академіи *П. Линицкаго*. 312—334

„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Герокла философа (продолженіе). *Проф. Г. В. Малеванскаго* 335—350

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. **Отдѣлъ церковный.** Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. **Отдѣлъ философскій.** Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „**Живое Слово**“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „**Древніе и современные софисты**“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. **Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“** Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1898 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1898 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1890 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1891 г., и по 9 р. за 1892, 1893, 1894.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 70 р. съ пересылкою, за исключеніемъ текущаго года.

Кромь того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брепташ. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истоминна. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1897 года.

Харьковъ. Губернская Типографія.

Πίστει νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1897 года.
Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія, Архієписнопа Харьновснаго,
въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

О повиновеніи власти.

*Потреба повиноватися не токмо за
иньог, но и за совѣсть (Рим. 13, 5).*

Въ этомъ краткомъ изреченіи Св. Апостола Павла заключается глубокое указаніе на главнѣйшія черты христіанскаго ученія о повиновеніи власти. Раскрытіе его можетъ быть весьма полезнымъ по обстоятельствамъ настоящаго времени. Кто не знаетъ о современной борьбѣ въ просвѣщенномъ христіанскомъ мірѣ между властями и подчиненными? Эта борьба сопровождается и теперь великими бѣдствіями для народовъ, но еще большими угрожаетъ въ будущемъ, если не будетъ остановлена. Но замѣчательно, что сами власти-тели и вравители затрудняются найти средство для укрощенія противниковъ власти, каковы: неправомыслящіе философы и писатели, социалисты, анархисты и т. д. Поднимаемая ими волненія угрожаютъ государственными потрясеніями и переворотами, отъ которыхъ не разъ уже страдали образованнѣйшія страны христіанскаго міра. Итакъ, гдѣ-же искать средствъ для прекращенія этого зла? Только въ возвращеніи самихъ народовъ къ здравомыслію; а здравомыслія надобно ис-

кати въ христіанствѣ. Всѣ истинные христіане вѣрують, что Богъ, сотворившій насъ и искупившій отъ вѣчной гибели крестною жертвою Богочеловѣка, промышляетъ изъ вѣка въ вѣкъ о спасеніи человѣчества. Если это истина, то вмѣстѣ съ нею должна быть признана и другая, именно, что Онъ промышляетъ и о правильности и порядкѣ нашей земной жизни, безъ чего не возможно мирное и христіанское духовное дѣланіе для нравственнаго усовершенствованія и спасенія нашего. Въ чемъ же осуществляется это божественное попеченіе о благоустройствѣ нашей земной жизни? Въ правахъ и дѣйствіяхъ земной власти, управляющей, повелѣвающей, судящей, карающей и милующей: *нѣсть власть, аще не отъ Бога*, говоритъ Апостоль, *сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Здѣсь заключается внутренняя связь царства Христова съ царствомъ человѣческимъ. Учредитель и верховный Правитель того и другаго царства есть единый Богъ, *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ* (Тим. 6, 15). Кому изъ людей, когда и какъ ввѣряется власть надъ подобными ему людьми, — имѣющимъ ли законныя права на нее, или ея похитителямъ, завоевателямъ, — достойнымъ, или недостойнымъ, — благодѣтелямъ, или бичамъ человѣчества, — все это дѣлается не безъ Божія распоряженія, или попущенія, — для счастья народовъ, пріобрѣтающихъ благочестіемъ Божіе благоволеніе, или для наказанія и исправленія развращенныхъ. „Въ рукахъ Господа власть надъ землею, говоритъ Писаніе, и человѣка потребнаго Онъ во время воздвигнетъ на ней“. (Сир. 10, 4). Потому во всѣхъ перемѣнахъ въ жизни народовъ начало повиновенія власти остается неприкосновеннымъ и неотложнымъ. Мы по благому промышленію Божію о нашемъ отечествѣ имѣемъ надъ собою наслѣдственную самодержавную власть Царей нашихъ,

носящую на себѣ свѣтлый образъ единодержавія *Царя царствующихъ и Господа господствующихъ*, власть Богомъ освященную и Его благоволеніемъ въ виду всего міра превознесенную и возвеличенную, власть, на которую нынѣ смотрятъ съ уваженіемъ и какъ бы съ нѣкоторою завистію другіе великіе властители и народы, лишенные единства, твердости и полноправія власти. Намъ нужно только утвердиться въ нашихъ православныхъ воззрѣніяхъ на священное значеніе власти, беречь себя отъ ложныхъ мыслей и чуждыхъ вліяній, служить и повиноваться отъ искренняго сердца, по слову Апостола Петра, *царю яко преобладающую и правителемъ отъ него посылаемымъ* (2, Пет. 13, 14), *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*, по словамъ Апостола Павла, *во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2).

„Надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти“. Это положительная заповѣдь, не допускающая ни сомнѣній, ни возраженій. Замѣчательно, что Св. Павелъ иначе преподаетъ ученіе о вѣрѣ, составляющей самую главную часть евангельской проповѣди. Онъ, предоставляя первоначальное движеніе къ вѣрѣ въ Христа нашему сердцу (Рим. 10, 10), дальнѣйшее усвоеніе и уразумѣніе ея поручаетъ нашему уму, восгрѣваемому вѣрою сердца. Такъ онъ осуждаетъ язычниковъ, которые не позаботились „имѣть Бога въ разумѣ“ (Рим. 1, 28); радуется, когда христіане обоготворяются познаніями въ вѣрѣ (1 Кор. 1, 5), поощряетъ къ высшему и твердому уразумленію ея догматовъ: „не будьте дѣтьми умомъ; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтні“ (1 Кор. 14, 20), и только предостерегаетъ отъ „превозношенія“ разума, заповѣдуя „плѣнять“ его въ послушаніе Христу (2 Кор. 10, 5). Такимъ образомъ руководство въ первомъ и главнѣйшемъ дѣлѣ нашего вѣчнаго спасенія,—въ вѣрѣ, онъ

съ довѣріемъ отдаетъ разуму, озаряемому „умомъ Христовымъ“ (1 Кор. 2. 16), а для сохраненія порядка въ нашей земной жизни предписываетъ безусловное повиновеніе власти. Очевидно, Апостолье высшее руководство въ сохраненіи верховнаго начала власти не довѣряетъ разуму, а поручаетъ главнымъ образомъ совѣсти. Въ чемъ же причина такого разграниченія?

Во первыхъ, въ различіи свойствъ разума и совѣсти; во вторыхъ, въ разности областей, въ которыхъ дѣйствуетъ разумъ и совѣсть въ общемъ дѣлѣ нашего спасенія. Свойства разума: размышлять, сомнѣваться, спорить и убѣждаться, а единственное свойство совѣсти—наблюдать за исполненіемъ непремѣнной воли и закона Божія. Гдѣ дѣйствуетъ разумъ и совѣсть? Разумъ въ области созерцательной, а совѣсть въ области нравственной, практической. Дѣло перваго—пріобрѣтеніе здравыхъ мыслей, дѣло второй—сознаніе необходимости исполненія закона и совершенія добрыхъ дѣлъ. По этому въ вѣрѣ позволяется испытаніе и изслѣдованіе: *испытайте писаній*, сказалъ Господь (Іоан. 5, 39), а въ нравственной дѣятельности требуется сознательное повиновеніе—непосредственно власти Божіей, или отъ Бога предоставленной людямъ: *повинитесь Богу, противитесь же діаволу* (Іак. 4, 7), говоритъ Апостоль Іаковъ, а Апостоль Павель настоятельно повелѣваетъ Епископу Титу: *вспоминай тѣмъ (пасомымъ), начальствующимъ и владѣющимъ, повиноватися и покорятися.* (Тит. 5, 1). Здѣсь ключъ къ разрѣшенію тайны современныхъ гибельныхъ движеній въ борьбѣ со властію. Люди образованные, руководители народовъ, перенесли вопросы о значеніи власти изъ области нравственной въ область умозрительную или созерцательную, гдѣ господствуетъ разумъ со всеми своими природными свойствами и недостатками. Отъ

того они, вмѣсто исполненія обязанности повиноваться власти, присвоили себѣ право свободныхъ сужденій не только о той, или другой формѣ проявленія власти, но о самомъ ея началѣ и основаніяхъ, а за тѣмъ и противленія ей. Какъ неправильны подобныя отношенія къ власти и гибельны ихъ послѣдствія, это доказывается Словомъ Божиимъ, свидѣтельствомъ исторіи и опытами нашей собственной жизни.

Первыя слова божественнаго законодательства о повиновеніи земной власти мы находимъ въ десятословіи, изреченномъ самимъ Богомъ на Синаѣ: это заповѣдь о самой начальной власти, родительской: *чти отца твоего и мать твою*. Въ этой заповѣди мы видимъ обѣтованіе благоденствія за исполненіе ея: *да благо ти будетъ и доли твоя будешь на земли*, т. е. указаніе на совѣсть, опытомъ познающую благо. Эта же заповѣдь подтверждается и страхомъ наказанія за неисполненіе: *человѣкъ, иже оубо зло речеть отцу своему, или матери своей, смертию да умретъ*, (Лев. 20, 9). За тѣмъ дается общій законъ о почитаніи лицъ начальствующихъ: *судей да не злословиши и князю людей твоихъ да не речеши зла* (Исх. 22, 28). Это зерно, такъ сказать, ученія о повиновеніи власти, данное Евреямъ, получило полное развитіе въ Новомъ завѣтѣ и вмѣстѣ съ другими истинами божественнаго откровенія возвѣщено всему міру. Съ особенною ясностію и силою оно изложено Апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ, предназначенномъ для самаго средоточія всемірной власти, т. е. для Рима. Вотъ сущность этого ученія.—Власть земная установлена Богомъ; поэтому противленіе ей есть противленіе самому Богу,—*есть грѣхъ: противляйся власти Божію повелѣнію противляется, противляющійся же себѣ грѣхъ пріемлетъ* (Рим. 13, 2.). Она облечена свойствами божественными: правосудія и милосердія и правами каз-

нить и миловать. Для непокорныхъ, въ рукахъ человѣка облеченнаго властію, какъ слуги Божія—мечъ, но онъ же есть и руководитель къ добру для покорныхъ. Отсюда происходятъ всѣ обязанности гражданина: уплата податей, урочные труды, уваженіе и почтеніе къ лицамъ начальствующимъ и пр., (Рим. 13, 1—7.). Возводя это ученіе о повиновеніи власти къ высшему уразумѣнію христіанскаго долга и свободы, Апостоль заключаетъ: „не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви: ибо любящій Бога исполнилъ законъ“ (Рим. 13, 8.).

Теперь вспомните исторію временъ апостольскихъ и первыхъ вѣковъ христіанства. Чѣмъ должны были ученики Христовы начать проповѣдь евангелія между язычниками,—ученіемъ о вѣчномъ спасеніи людей и Христъ Спаситель, или преобразованіемъ варварской, насильственной языческой власти, противленіемъ ей, какъ недостойной и несогласной съ духомъ христіанства? Конечно, новелѣніемъ о повиновеніи власти. И за одно осужденіе идолопоклонства и отчужденіе отъ суевѣрій языческихъ христіане были признаваемы врагами государственной власти и порядка, хотя это касалось не политическихъ, а только религіозныхъ убѣжденій: какъ же приняли бы ихъ язычники, еслибы они учили порицать существующую власть, противиться ей и отвергать государственныя установленія и законы? Очевидно, это было бы справедливымъ новодомъ уничтожать христіанъ, какъ дѣйствительныхъ враговъ государства, какъ бунтовщиковъ и преступниковъ. Сила власти подавила бы христіанство въ самомъ началѣ, а проповѣдь апостольская не нашла бы послѣдователей въ виду преступленій самихъ проповѣдниковъ. Святые Апостолы предвидѣли эту опасность, и заповѣдали своимъ ученикамъ смиреніе, кротость, послушаніе и привлекательныя даже для язычниковъ добродѣтели мило-

сердія, терпѣнія, мужественнаго перенесенія мученій и даже смерти за вѣрность принятой ими вѣрѣ. Св. Апостоль Петръ, убѣждая христіанъ съ радостию переносить порицанія и всѣ страданія за Христа, опасается, чтобы кто нибудь изъ нихъ не пострадалъ, „какъ убійца, или воръ, или злодей, или какъ посягающій на чужое, а если какъ христіанинъ, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь“ (1 Пет. 4, 15, 16.). Итакъ, первая забота Апостоловъ состояла въ томъ, чтобы чрезъ исполненіе ученія Христова возвести христіанъ къ нравственному совершенству поставляющему ихъ, какъ безупречныхъ въ общественной жизни, выше всякаго требованія государственныхъ законовъ, по слову Ап. Павла: „законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокорныхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ“ (1 Тим. 1, 9). Чтоже Апостолы предвидѣли въ будущемъ? То, что христіанство, входя въ духъ и внутреннюю жизнь человѣческихъ обществъ, научить ихъ самихъ измѣнить и усовершенить законы и перестроить государственный порядокъ согласно съ ученіемъ и правилами жизни христіанской. Это и утверждаютъ безпристрастные историки. именно, что христіанство улучшило человѣческіе нравы, смягчило жестокость и деспотизмъ правителей, повело къ уничтоженію рабства, къ уваженію человѣческой личности и свободы, къ заботѣ объ исправленіи преступниковъ, къ облегченію ихъ наказаній и проч. Такимъ образомъ христіанское ученіе и исторія преподають намъ такое нравственное правило относительно измѣненія государственныхъ учреждений: не мечтательными философскими проектами, не насиліемъ, не внѣшнимъ разрушеніемъ государственныхъ учреждений, не возстаніями, не взрывами, не убійствами царей и правителей, однимъ словомъ,—не борьбою съ властію достигается общественное благоустройство, а

внутреннимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ каждаго гражданина. Честный, кроткій и благожелательный голосъ такихъ гражданъ укажетъ, чего нужно желать отъ правителей въ смыслѣ устраненія препятствій къ дѣланію добра, защиты отъ нарушителей порядка, облегченія общественныхъ нуждъ. Это дастъ возможность и самимъ правителямъ дѣйствовать въ томъ же духѣ нравственнаго преуспѣянія и находить себѣ сотрудниковъ способныхъ и достойныхъ.

Изрекая неотложную заповѣдь о безусловномъ повиновеніи власти, Апостоль, какъ мы видѣли, указываетъ два побужденія къ исполненію ея: страхъ наказанія и внушенія совѣсти. Велико различіе между повиновеніемъ по страху и по совѣсти. Но то и другое опредѣляется нравственными свойствами людей и степенью ихъ пониманія нравственнаго долга.

Прирожденный человѣку грѣхъ и добровольное подчиненіе его вліянію, развращающее сердце и плодящее плотскія страсти, притупляетъ совѣсть и дѣлаетъ человѣка рабомъ грѣховныхъ навыковъ. Потребность удовлетворенія страсти, иногда жгучая, доводящая до невыносимыхъ страданій, какъ въ пьянствѣ, и жажда плотскихъ наслажденій въ развращенномъ человѣкѣ перевѣшиваютъ благородныя побужденія: чувство чести, стыдъ, естественное отвращеніе отъ преступленія, опасеніе за собственное благополучіе и близкихъ къ нему людей, и какъ невольника влекутъ его на дѣла злыя, страшныя для честнаго человѣка. Чѣмъ можно остановить его, вразумить, дать ему возможность опомниться и возвратить его къ правильной жизни? Человѣка съ „сожженою“ въ пламени страстей „совѣстію“ (1 Тим. 4, 2) можно вразумить только физическимъ, или душевнымъ страданіемъ отъ ожидаемаго, или испытываемаго наказанія, пересиливающимъ побужденія страстей. По-

этому Апостоль и указываетъ на мечъ въ рукахъ служителя власти, прибавляя, что онъ „не напрасно его носить“ (Рим. 13, 4). Отсюда видно, что чѣмъ меньше власть пользуется правомъ возмездія за преступленія и соотвѣтствующими важности ихъ наказаніями, тѣмъ больше умножаются не сдерживаемые страхомъ преступники, тѣмъ большимъ опасностямъ подвергаются отъ нихъ честные люди, самыя государства и ихъ правители. Когда въ христіанскомъ государствѣ, какъ въ языческомъ, умножаются преступники, перечисленные Апостоломъ Петромъ, каковы: „убійцы, воры, злодѣи, посягатели на чужое“, тогда самъ онытъ. сама жизнь говоритъ, что чѣмъ-то связываются руки, держащія знамя власти и мечъ правосудія. Если отъ „воровъ“ нѣтъ спасенія; ни дома, ни въ общественныхъ собраніяхъ, ни въ путешествіяхъ; если „убійцы и злодѣи“ цѣлыми шайками врываются въ жилище мирныхъ гражданъ, и вырѣзываютъ цѣлыя семейства, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей; если отъ „посягателей на чужое“ не защищены ни казна, ни общественныя учрежденія, наполненныя преимущественно людьми образованными; если все это взятое вмѣстѣ представляетъ печальную картину глубокаго разстройства общественной жизни: то очевидно, что преступники взяли силу, стали дерзки и умножаются съ каждымъ днемъ въ виду безнаказанности или слишкомъ легкихъ наказаній и что власть должна держать мечъ въ рукѣ своей обнаженнымъ, готовымъ на пораженіе злодѣевъ.

Гдѣ же однако причина этой совѣстливости власти предъ преступниками, этой робости и неумѣстной жалости къ нимъ болѣе. чѣмъ къ честнымъ гражданамъ, которые отъ нихъ страдаютъ, не находя надлежащей защиты?—Единственно въ ложныхъ ученіяхъ, возобладавшихъ надъ умами современныхъ христіанъ. Говорятъ, что въ наше время христіанство нонято лучше, чѣмъ

въ вѣка предшествовавшіе, что нынѣ высшимъ началомъ общественныхъ отношеній и самаго управленія признается „всепрощающая любовь“. Но проповѣдники этой неразборчивой, дешевой любви забываютъ, что безграничная, безконечная любовь принадлежитъ одному Богу, но и въ Его премудрости соразмѣряется съ нелицепріятнымъ правосудіемъ, и проявляется не только въ помилованіи, но и въ попечительномъ исправленіи заблуждающихся вразумленіями и наказаніями. Прибавьте къ этому ложному убѣжденію еще не вывѣтрившіяся у насъ матеріалистическія ученія о томъ, что человѣкъ есть произведеніе природы, подчиненное ея механическимъ законамъ, что не самъ человѣкъ, не развращенная его воля виновны въ преступленіяхъ, а *среда*, гдѣ онъ родился и жилъ; что нужно не казнить преступника, а лечить его и исправлять среду, гдѣ онъ живетъ. Но не трудно понять, что физически больнаго, потерявшаго сознаніе, нужно связывать; а упорнаго преступника, весьма рѣдко теряющаго сознаніе, необходимо лишать свободы по его ожесточенію, и исправлять, какъ сказано, наказаніемъ, что и дѣлалось во всѣ времена. А цѣлыя среды общественной жизни исправляются многими десятилѣтіями и даже вѣками, въ теченіе которыхъ отъ умноженія порочныхъ личностей самыя среды могутъ обратиться въ сборища злодѣевъ. Пора убѣдиться наконецъ, что не распространеніемъ только научныхъ свѣдѣній можно удерживать людей въ порядкѣ, а строгимъ наблюденіемъ власти за поведеніемъ ихъ, охраненіемъ религіозныхъ учрежденій и благочестивыхъ обычаевъ, просвѣтленіемъ человѣческаго сознанія божественными истинами христіанства и упражненіемъ въ добрыхъ дѣлахъ.

Указывая на страхъ наказанія, какъ на необходимое средство для обузданія людей грубыхъ и развращенныхъ, Апостоль почитаетъ его недостаточнымъ для

истинныхъ христіанъ, которые должны имѣть „благую совѣсть“ (Тим. 1, 5), бодрую, чистую, руководимую страхомъ *символическимъ*, или исходящимъ отъ любви опасеніемъ оскорбить проступкомъ любимое существо, и во первыхъ, конечно, Бога, а потомъ и ближнихъ. Велико различіе въ дѣятельности по страху и по совѣсти. Страхъ дѣйствуетъ только въ виду наказанія и прекращаетъ свое вліяніе, когда опасеніе наказанія проходитъ; поэтому онъ не ведетъ человѣка къ усовершенствованію, а держитъ во власти порока. Человѣкъ подъ вліяніемъ страха лжетъ, хитритъ, не гнушается и преступными средствами для спасенія отъ угрожающаго наказанія. Не таково дѣйствованіе по совѣсти.

Совѣсть во всѣхъ нашихъ поступкахъ, а слѣдовательно и въ дѣлѣ повиновенія власти стоитъ передъ данною намъ заповѣдію, какъ передъ волею Божіею, и потому исполненіе ея почитаетъ нашимъ долгомъ. Это сознаніе единства и обязательности Закона Божія объемлетъ всю нашу внутреннюю и внѣшнюю жизнь. А такъ какъ большая часть нашей жизни проходитъ во внѣшней нашей дѣятельности,—въ земледѣліи, торговлѣ, промышленности, въ общественной и государственной службѣ: то мы всюду, на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ законами земной власти, опредѣляющими всѣ роды нашей внѣшней дѣятельности. По этому постоянное, честное и усердное исполненіе этихъ законовъ въ смыслѣ нашего нравственнаго долга составляетъ путь къ нашему духовному усовершенствованію, столь же прямой и вѣрный, какъ внутреннее очищеніе нашего сердца, какъ молитва, какъ дѣла милосердія и проч. Въ этомъ направленіи христіанинъ видитъ предъ собою прежде всего обязанность предписанную закономъ, и не пускается въ праздные разговоры и разсужденія о начальникахъ, о достоинствѣ ихъ распоряженій, о государ-

ственныхъ порядкахъ и правительствѣ. Онъ знаетъ, что и недостаточный законъ можетъ быть восполненъ наилучшимъ его исполненіемъ, что начальники, какъ сами состоящіе подъ властію, не потребуютъ отъ него незаконныхъ дѣйствій, и правители, состоящіе изъ людей несвободныхъ отъ ошибокъ, какъ и всѣ люди, надѣются, что честные исполнители ихъ мѣропріятій не допустятъ недосмотрамъ обратиться во вредъ государству. Какъ очевидна при этомъ взглядѣ на повиновеніе власти неумѣстность, а иногда и преступность вольномысленныхъ разсужденій о властяхъ и порицаніе государственныхъ порядковъ на соблазнъ другимъ, когда предстоящее по прямой обязанности дѣло остается безъ исполненія, обличая лѣность, скрывающуюся подъ высокопарными разсужденіями!

Покорный правительству и его законамъ гражданинъ, ободряемый своею совѣстію, дѣйствуетъ спокойно и бодро, не опасаясь взысканій со стороны власти, такъ какъ свободенъ отъ преступленій, а въ невольныхъ ошибкахъ всегда надѣется на снисхожденіе. Онъ помнитъ наставленіе Апостола: *хочешь ли не бояться власти, благое твори* (Рим. 13, 3); но довольный своимъ внутреннимъ состояніемъ, ноощряемый одобреніемъ власти, онъ служить и примѣромъ для сослуживцевъ, проникающихся уваженіемъ къ нему и безъ зависти смотрящихъ на заслуженныя имъ отличія. Умноженіе такихъ гражданъ составляетъ силу государства. Мыслители и писатели въ духѣ современной свободы видятъ силу руководящую народы въ такъ называемомъ „общественномъ мнѣніи,“ вообще непрочномъ и ненадежномъ, но для распространенія ложныхъ взглядовъ весьма удобномъ. Но скромные и честные труженики служебнаго долга образуютъ другую, болѣе твердую и благотворную силу: „общественную совѣсть.“ А это свойство христіанскихъ

обществъ и есть охрана отъ преступленій; такъ какъ преступленія оскорбляютъ, и иногда приводятъ въ ужасъ цѣлыя общества. Посмотрите, не утрачиваемъ ли мы эту чуткость совѣсти, этотъ страхъ, который поражаетъ неиспорченнаго человѣка не только при видѣ тяжкихъ преступленій, но и при слухахъ о нихъ? Ежедневныя извѣстія газетъ о множествѣ совершаемыхъ у насъ преступленій, называемыхъ „звѣрскими,“ но въ которыхъ звѣри неповинны, не приучаютъ ли насъ считать ихъ дѣломъ обыкновеннымъ? Не привыкаемъ ли мы дышать этою тяжелою атмосферою порока? Не впитывается ли въ наши души эта язва зла? Не она ли, въ примѣрахъ старшихъ, заражаетъ нынѣ и дѣтей, съ недавняго времени составляющихъ особую заботу судей, и извѣстныхъ подъ печальнымъ именемъ „малолѣтныхъ преступниковъ?“

Конечно, намъ возразятъ: какъ же съ этимъ взглядомъ на безусловное повиновеніе власти согласить принятую во всемъ просвѣщенномъ мірѣ „свободу мысли“, „свободу слова“, „свободу совѣсти“? Для христіанина давно уже все это соглашено Іисусомъ Христомъ и Его Апостолами. Благая мысль, здоровое слово, дѣло совершаемое по совѣсти во всѣхъ странахъ, даже языческихъ, имѣютъ свободу. А намъ, христіанамъ, внушается съ особенною силою, что всякій помысль неправедный есть мерзость предъ Господомъ (Прит. 15, 26), что за всякое слово не только *гнилое*, но и „праздное мы дадимъ отвѣтъ въ день судный“ (Еф. 4, 29. Мат. 12, 36), что свобода имѣть свою особую совѣсть, противорѣчащую „благой“ общей совѣсти христіанской,—есть прямой путь къ уtratѣ совѣсти и вѣры (1 Тим. 1, 19). Вы вольны имѣть и нечистыя мысли въ глубинѣ своей души на свой страхъ и отвѣтственность передъ Богомъ, но извергать ихъ въ словѣ на развращеніе умовъ, но творить безсовѣст-

ныя дѣла на соблазнъ другимъ, каковы напр. открытыя незаконныя сожитія, это значитъ смѣяться надъ закономъ.

Высказывать здравыя мысли устно и печатно, — если мы имѣемъ для того достаточныя способности и познанія, мы обязаны какъ граждане и христіане, по скольку это согласно съ благоговѣніемъ къ верховной власти, въ предѣлахъ, указанныхъ ея добрымъ совѣтникамъ. На всѣ искусные подходы и покушенія выговорить отъ нея себѣ вольности подъ именемъ свободы, съ ограниченіемъ ея божественныхъ правъ, — всѣ такія мысли и соблазнительныя для неопытныхъ указанія уже становятся преступными дѣянiями. Провѣряйте, братія, новыя философскія ученія съ ученіемъ христіанскимъ, — и вы не будете жертвами человѣческихъ заблужденій. А повиновеніе нашей отечественной самодержавной власти, носящей на себѣ свѣтлыя черты власти богоучрежденной и промыслomъ Божиимъ хранимой и споспѣшествуемой, есть основаніе нашего мира и благоденствія, величія и славы нашего Государства.

Мы сегодня празднуемъ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя нашего и возносимъ молитвы объ Его здравіи и благоденствіи. Выслушайте съ особеннымъ вниманіемъ и сердечнымъ обращеніемъ къ Богу эти знаменательныя слова молитвы на предстоящемъ молебномъ пѣніи: *Покажи Его врагомъ побѣдительно, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна.* За тѣмъ, сколько намъ дозволено выражать Царю нашему наши вѣрноподданническія чувства, всѣ мы вознесемъ къ подножію Его престола, какъ „причастника божественнаго помазанія“ по образу Царя-Христа (Ис. 44, 7, 8), наши привѣтствія и благожеланія словами Царя-пророка Давида: *преполяши мечъ Твой по бедра Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы и уснѣвай и царствуй истины ради, и кротости, и правды* (Ис. 44, 4). Аминь.

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка.

(Продолженіе *).

ОТДѢЛЪ II.

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ до-схоластическое время (IX в.).

На Западѣ, за періодомъ блестящаго развитія богословской науки, во дни Августина, Иеронима и его современниковъ, наступило время постепеннаго ея упадка. Дальнѣйшее развитіе богословской науки встрѣтило для себя препятствіе въ неблагопріятныхъ политическихъ событіяхъ Запада, въ опустошительныхъ кровавыхъ войнахъ новыхъ народовъ и государствъ, образовавшихся на развалинахъ западной римской имперіи. Нельзя опускать безъ вниманія также и того обстоятельства, что распространеніе элементовъ классическаго образованія вообще и въ частности богословскаго шло довольно медленно вслѣдствіе полуварварскаго состоянія многихъ народовъ и враждебнаго отношенія ихъ, особенно германцевъ, къ цивилизаціи. При враждебномъ настроеніи германскихъ племенъ, многія цивилизаторскія стремленія Карла Великаго были, конечно, еще преждевременны и могли достигнуть своей цѣли только тамъ, гдѣ Карль Великій непосредственно прилагалъ свою руку, именно въ придворныхъ школахъ.

Въ IX вѣкѣ занятія богословской наукой, исключая дворъ Карла Великаго, украшенный цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ ученыхъ и богослововъ, сосредоточивались главвымъ образомъ въ монастыряхъ. Поворотнымъ пунктомъ въ развитіи богослов-

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 19, за 1897 г.

скихъ знаній на Западѣ было несомнѣнно основаніе бенедиктинскаго ордена, который въ лицѣ своихъ представителей, на пространствѣ отъ 600 до 1100 года, усвоилъ все, что произвелъ заиадъ замѣчательнаго въ религіозномъ и научномъ отношеніи. Главныя сосредоточія ордена были въ то же время центрами богословской учености въ вѣкъ Меровинговъ и Каролинговъ.

Переводъ Библии, исполненный Иеронимомъ и извѣстный подъ именемъ Вульгаты, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, распространялся на Западѣ однако довольно медленно и постепенно. Съ теченіемъ времени небрежность, недостаточное образованіе переписчиковъ, преднамѣренная порча дополнителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе другихъ переводовъ привели священный текстъ Библии въ такой беспорядокъ, что для Карла Великаго, желавшаго передать Св. Писаніе народамъ, явилась положительная необходимость позаботиться о провѣркѣ священнаго текста. Знаменитый основатель каролинговой династіи и франкской монархіи, едва ли одинъ годъ управленія котораго прошелъ безъ грома войнъ и походовъ, однако находилъ достаточно времени для столь высокой и важной цѣли, какою было въ тѣ времена, какъ не менѣе и теперь, восстановленіе первоначальнаго текста Библии. Въ лицѣ Флакка Алкуина (804), самаго замѣчательнаго оратора, поэта и философа въ имперскомъ пфальцграфствѣ, Карль Великій нашелъ человѣка, который былъ въ состояніи выполнить эту трудную задачу. „Мы желаемъ“, говоритъ Карль Великій въ одномъ изъ своихъ постановленій, „повелѣваемъ нашимъ графамъ и поручаемъ имъ, чтобы въ церкви были истинныя (veraces) каноническія писанія“. Въ 801 году онъ издаетъ такое повелѣніе: „Каждый священникъ въ воскресные и праздничные дни долженъ проповѣдывать евангеліе народу“. Какъ необходимое предварительное условіе для этого, Карль Великій требовалъ, чтобы духовныя лица умѣли читать и писать, ибо невозможно безъ вѣрнаго чтенія и пониманія словъ проникнуть въ глубокой смыслъ Писанія: въ Св. Писаніи весьма много риторическихкихъ и поэтическихкихъ фигуръ (schemata et tropi), и духовное значеніе ихъ доступно только людямъ грамматически

образованнымъ. Въ Оснабрюккѣ, при соборѣ, Карлъ Великій основываетъ школу и опредѣляетъ, чтобы въ ней изучался не только латинскій языкъ, но и греческій. Слѣдить за проповѣдію евангелія есть главная обязанность епископовъ. Они должны наблюдать именно за тѣмъ, чтобы каждый пастырь предлагалъ христіанамъ вѣрное ученіе, а не какое-либо новое, неканоническое, изъ своего собственнаго измышленія, и противорѣчащее слову Божію. Они не должны, конечно, читать и распространять въ народѣ какія-либо еретическія писанія, а наоборотъ: обязаны предлагать ему только каноническія книги, православные трактаты и рассказы св. писателей.

Алкуинъ, современникъ Карла Великаго, каждой страницѣ Божественнаго Писанія усвояетъ признакъ евангельскаго авторитета. Ветхій и Новый Завѣтъ, по ученію Алкуина, дополняютъ другъ друга взаимно. То, что законъ и пророки обѣщали въ будущемъ, это въ Евангеліи уже является исполненнымъ ¹⁾; чтеніе св. Писанія доставляетъ намъ нѣкотораго рода блаженство. Когда мы молимся, то бесѣдуемъ съ Богомъ, а когда читаемъ слово Божіе, то Самъ Богъ бесѣдуетъ съ нами, такъ какъ Писаніе во всемъ его объемѣ написано для нашего спасенія ²⁾. Не смотря на одинаковое происхожденіе полученныхъ отъ Бога дарованій, оно въ различныхъ писателяхъ проявлялось не одинаково. Такъ евангелистъ Іоаннъ превосходитъ болѣе раннихъ составителей евангелій глубиною своего богомыслія и знаніемъ Божественныхъ тайнъ. Духъ пророчества не всегда, по мнѣнію Алкуина, былъ присущъ пророкамъ Ветхаго Завѣта. Изъ этого они должны были узнать, что онъ подавался имъ, какъ даръ ³⁾.

Современникъ Алкуина, епископъ Орлеанскій Теодульфъ, въ своихъ поученіяхъ называетъ чтеніе Св. Писанія и молитву оружіемъ для низложенія врага, средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства и обузданія порока, пищею для насыщенія

1) Migne: ser. Lat. t. 100. 741—T. 101 p. 616.

2) Omnis plane scriptura sancta ad nostram scripta est salutem De virt. et vit.

3) De psalm. usu praefatio.

добродѣтели ¹⁾. Во всемъ должно руководствоваться волею Божіею, которая выражена именно въ Св. Писаніи. Кромѣ историческаго и пророческаго смысла Писанія, Теодульфъ признаетъ въ немъ еще нѣкоторое болѣе глубокое содержаніе, такъ какъ Слово Божіе не просто рассказываетъ о случившемся, но разъясняетъ и ту цѣль, съ которою что-либо совершается ²⁾.

Св. Писаніе превосходитъ свободныя науки именно тѣмъ, что въ каждомъ его выраженіи содержатся различныя мысли, въ одномъ и томъ же рассказѣ говорится о различныхъ предметахъ. Когда Св. Писаніе излагаетъ историческія событія, то при этомъ оно объясняетъ нѣкоторыя великія тайны ³⁾.

Поэтому Теодульфъ часто увѣщаетъ своихъ слушателей усердно читать священныя книги и день и ночь памятовать о содержащихся въ нихъ наставленіяхъ. Кто усердно молится и усердно читаетъ Писаніе, тотъ говоритъ съ Богомъ и Богъ съ нимъ ⁴⁾.

Ревностно заботится Теодульфъ о распространеніи копій съ священныя книгъ, особенно Псалтыри, наиболѣе употребительной въ монастыряхъ. Эти копіи онъ собственноручно снабжалъ своими поэтическими прекрасными введеніями ⁵⁾.

Другой современникъ Карла Великаго, Павлинь Аквилейскій (804) неоднократно говоритъ о томъ, что всѣ священныя книги написаны для нашего спасенія и подробно указываютъ, чего именно человѣкъ долженъ избѣгать и чему слѣдовать. Мы усердно должны читать эти книги, такъ какъ чрезъ нихъ бесѣдуемъ съ нами Самъ Богъ и чрезъ нихъ Онъ показываетъ намъ расположеніе своей любвеобильной воли, „съ какимъ же благоговѣніемъ мы должны поэтому принимать Его вѣсти! Если отъ царя придетъ къ намъ какой-либо вѣстникъ или посольство, то не должны ли мы тотчасъ же оставить всѣ свои занятія и со всею охотою и вниманіемъ прочитать его писанія и ста-

¹⁾ Migne T. 105 p. 193. Capit. II.

²⁾ Jn re seu facta te facienda monet.

³⁾ Migne T. 105 p. 303. Majora insinuat dum modo magna canit—Versius, praefatio.

⁴⁾ Ibidem p. 326. Carmin. Lib. III.

⁵⁾ Ученый Бергеръ (Berger) занимается Библиею епископа Теодульфа въ IV отдѣлѣ своего труда см. его Ueber die Bibeln Alkuins und der karolingischen Schulen überhaupt p. 145.

ратся поступать по нимъ? Но смотри: съ неба сошелъ Царь царей и Господь Господей, Самъ Искупитель сошелъ къ намъ, чтобы обратиться къ намъ чрезъ писанія Своихъ пророковъ и апостоловъ“ ¹⁾. Велико—заблужденіе тѣхъ, которое говорятъ: что мнѣ за нужда читать и изучать Св. Писанія, ходить къ священникамъ или въ церкви святыхъ ²⁾).

Эти увѣщанія и наставленія показываютъ, что заботы Карла Великаго о наиболѣе широкомъ распространеніи въ народѣ Св. Писаній, нашли въ его современникахъ полное сочувствіе и ревностное содѣйствіе.

Однако, уже при Карлѣ Великомъ начались на Западѣ нѣкоторыя разногласія въ пониманіи богодухновенности Святаго Писанія. Уже ученикъ Алкуина, аббатъ Турскій Фредегисъ (804) своимъ буквальнымъ пониманіемъ вдохновенія возбудилъ споръ объ этомъ предметѣ. Насколько можно видѣть изъ сочиненій его противника, епископа Агобарда Ліонскаго, Фредерисъ подъ предлогомъ, будто Св. Писаніе, его толковниковъ и переводчиковъ необходимо защищать отъ возраженій противниковъ, возставалъ противъ мнѣнія, что въ Писаніи допускаются солецизмы. Непристойно, по мнѣнію Фредегиса, думать, что Духъ Святой, надѣлившій апостоловъ даромъ чужестранныхъ языковъ, говорилъ чрезъ нихъ обыденнымъ, общеупотребительнымъ языкомъ, а не возвышеннымъ. Если въ Св. Писаніи и есть что либо необычное, напр., сангвиническая форма рѣчи, то на это есть многія причины; притомъ это нисколько не показываетъ, чтобы въ Писаніи нарушались правила грамматики.

Противъ такого довольно сомнительнаго сужденія Фредегиса, Агобардъ (840) справедливо возражаетъ, что слава Божественной мудрости заключена главнымъ образомъ не въ словахъ, а въ самыхъ священнѣйшихъ тайнахъ, въ самомъ ученіи св. Духа. Кромѣ того, Фредегисъ опускаетъ безъ вниманія также весьма важное, фундаментальное различіе между авторами св. книгъ, не обращаетъ вниманія на то, что и переводы св. книгъ могутъ быть дурные и хорошіе. Очевидно, глубоко погрѣшаетъ тотъ, кто относится къ ученымъ и переводчикамъ св. текста

¹⁾ Migne T. 40. p. 1050. Liber de salut. doc. c. 9 c. 38.

²⁾ Ibidem p. 1060.

съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ апостоламъ и евангелистамъ ¹⁾. Даже самыя лучшіе переводчики неодинаково относятся къ своимъ предшественникамъ и не хвалятъ ихъ безъ различія. Встрѣчаются переводчики, достойныя порицанія, пользующіеся дурною репутаціею, зараженные іудаизмомъ и ересями. Но даже изъ переводчиковъ, достойныхъ похвалы, многіе не боятся выражаться не по правиламъ грамматики, не по незначенію ея и не съ худымъ намѣреніемъ, но для того, чтобы передать смыслъ Писанія точно, безъ перемѣны. Это не только не должно порицать, но скорѣе, наоборотъ, должно защищать.

Что касается свойствъ первоначальнаго текста и языка Св. Писанія, то Агобардъ объясняетъ ихъ особенными причинами. Св. Писаніе имѣетъ своею цѣлію спуститься къ обычнымъ способамъ рѣчи, чтобы въ формахъ разговорнаго языка приблизить Божественныя истины къ пониманію людей, необыкновенныя тайны уяснить посредствомъ обыкновенныхъ понятій. Апостолы и пророки, слѣдовательно, состояли подъ особымъ вліяніемъ Св. Духа, который внушалъ имъ какъ мысли, такъ равно и форму и содержаніе отдѣльныхъ выраженій. Миѣніе, же Фредегиса, будто Духъ Святой влягалъ въ уста св. Писателей слова и буквы совнѣ, подобно тому, какъ это было съ ослицею Валаама, Агобардъ рѣшительно объявляетъ нелѣпымъ.

На основаніи Св. Писанія онъ доказываетъ, что и при богодухновенности св. авторовъ у нихъ оставалась извѣстная самодѣятельность. „Ааронъ былъ пророкомъ для Моисея, Моисей пророкомъ Божіимъ. Почему же у Аарона, который былъ пророкомъ для Моисея, голосъ былъ сильнѣе и выраженія красно-рѣчивѣе, чѣмъ у пророка Божія? Не думаете ли вы приписать Духу Божію и естественный недостатокъ и болѣзненность голоса, и затрудненіе въ самой рѣчи?“ Подобнымъ образомъ и ап. Павелъ въ нѣкоторыхъ своихъ посланіяхъ является болѣе сильнымъ въ словѣ, чѣмъ въ другихъ, хотя всѣ вообще его посланія одинаково превосходятъ мудрость міра сего ²⁾.

¹⁾ Migne T. 104. p. 165 и сл. Si quibuscunque doctoribus aut interpretibus cum apostolis et evangelistis aequalem venerationem tribuit, non recte dividit atque ideo peccat. Liber. adv. Fredegis ur. VII. XIII.

²⁾ Migne T. 104 p. 168.

Изложенный нами споръ достаточно показываетъ, что Фредегисъ нашель въ Агобардѣ противника, который, при глубокой своей вѣрѣ въ богодуховенность Св. Писанія, возражалъ противъ него не только съ энергіею, но также и съ ученимъ превосходствомъ.

Валафридъ Страбонъ (аббатъ, 849) старается разрѣшить вопросъ, какимъ образомъ, при вдохновеніи содержанія св. книгъ, авторы ихъ выражаются отъ своего собственнаго имени? Подобное явленіе Страбонъ объясняетъ изъ говорящаго въ св. писателяхъ Духа Святаго. Если, напр., Іовъ говоритъ про себя: „Іовъ сдѣлалъ“, „Іовъ сказалъ“, то авторитетъ его книги нисколько не страдаетъ отъ этого. Св. писатели вообще имѣютъ обыкновеніе говорить отъ самихъ себя, какъ бы отъ другихъ лицъ: Духъ Святой есть именно Тотъ, Кто говоритъ въ нихъ, какъ бы отъ лица другихъ ¹⁾. Даръ пророчества не былъ ограниченъ только іудейскимъ народомъ; онъ проявлялся столько же среди не-іудеевъ, сколько и въ іудеяхъ, такъ какъ Духъ Святой одинаково нисходитъ для каждаго народа. Духъ Святой, какъ говоритъ въ Давидѣ, такъ вдохновляетъ и всѣхъ авторовъ Новаго и Ветхаго Заветовъ ²⁾.

Подробнѣе разсуждаетъ о богодуховенности современникъ Валафрида, Пасхазій Радбертъ (857). Онъ учитъ, что вся полнота Св. Писанія богодуховенна, что Духъ Святой есть именно тотъ, который уже въ Ветхомъ Заветѣ устами пророковъ возвѣщалъ намъ, что нѣкогда долженъ явиться Искушитель міра. Онъ есть также и женихъ самой Церкви, посредникъ между Богомъ и людьми, научавшій и наставлявшій Моисея. Пророки сравниваются имъ съ винограднымъ точиломъ, въ которое излилась благодать св. Духа. Слова Св. Писанія имѣютъ Божественный авторитетъ, такъ какъ они принадлежатъ не тѣмъ, кто ихъ высказалъ по обязанности, но Богу, изъ устъ Котораго они возникли ³⁾.

¹⁾ Migne T. 113. p. 749. Spiritus enim est, qui loquitur in ipsis sicut de aliis. Glossa ordin libri Sob. Prothemata.

²⁾ Exposit. in XX primos psalmos.

³⁾ Quia non ejus sunt, a quo ex ministerio debite narrantur, sed Dei, ex cujus ore procedunt. Migne, T. 120 p. 192. Expos. in Matth. I. III c. IV. p. 206.

Съ особеннымъ усердіемъ, иногда даже переходящимъ въ чрезмѣрное пристрастіе, Радбертъ восхваляетъ мистическую глубину малѣйшихъ частныхъ и отдѣльныхъ выраженій Св. Писанія. Высшій духовный таинственный смыслъ присущъ не только пророческимъ книгамъ Ветхаго Завѣта, но также и Евангелію. Въ нихъ нѣтъ ни одной буквы, ни одного слога, ни одного слова, ни имени, ни лица безъ божественнаго значенія. Даже въ томъ обстоятельстве, что въ генеалогіи Христа, изложенной Матѳеемъ, или точнѣе чрезъ него Духомъ Святымъ, названы четыре женскихъ имени, Радбертъ видитъ указаніе на величайшее и глубокое таинство.

Что касается пониманія богодухновенныхъ книгъ, то, по Радберту, слово Божіе не настолько затемнено тайнами, чтобы нельзя было понять въ немъ даже самыхъ простыхъ вещей; но, съ другой стороны, оно и не такъ ясно, чтобы въ этой жизни кто-либо могъ постигнуть его совершенно. Слово Божіе настолько высоко по своему достоинству и глубоко по своему содержанію, что доступно для пониманія только тѣмъ, кто читаетъ его съ благоговѣніемъ и благочестивымъ настроеніемъ. Между тѣмъ нѣкоторые люди желаютъ утвердиться чрезъ Писаніе въ кругу своихъ собственныхъ заблужденій и они читаютъ Св. Писаніе безъ всякаго результата для себя. Въ свою очередь и тѣ, которые пользуются свидѣтельствами Св. Писанія не для того, чтобы послужить истинѣ, но чтобы извратить и объяснить его по своему усмотрѣнію, подражаютъ примѣру діавола. Однако, даже при благочестивомъ настроеніи, никакой читатель Св. Писанія не можетъ проникнуть во всѣ тайны его до полной ясности, такъ какъ въ немъ все полно тайнъ.

Различныя трудности, возникающія при буквальномъ пониманіи слова Божія, не скрываются отъ Радберта, и онъ, по мѣрѣ силъ, разрѣшаетъ ихъ. Въ такихъ мѣстахъ, которыя, повидимому, сами себѣ противорѣчатъ, Радбертъ рѣшительно не допускаетъ какой-либо неправды, умысленной ли или вслѣдствіе незнанія. Особенно рѣшительно утверждаетъ это Радбертъ относительно цитатъ, приводимыхъ въ Новомъ Завѣтѣ изъ Ветхаго въ свободной формѣ. Нельзя думать, будто св. писатели говорили что-либо по мѣрѣ своихъ личныхъ способностей

или образованія, а не по внушенію Божественной благодати, чрезъ того же Самаго Духа Святаго, чрезъ Котораго нѣкогда произошли и Писанія Ветхаго Завѣта ¹⁾).

То же самое пристрастіе къ аллегоріи и мистическому толкованію текста, какъ и у Радберта, замѣчается и у другого славнаго ученика Алкуина, у Гайма (853), благодаря которому цвѣты научныхъ знаній изъ Галліи были пересажены въ Германію.

Отнюдь нельзя пренебрегать словами св. писателей, напр., авторовъ псалмовъ, такъ какъ они говорятъ ихъ не сами по себѣ, а Духъ Божій говоритъ чрезъ нихъ, какъ бы чрезъ орудія. Перо не само по себѣ производитъ письменную работу, но тотъ человѣкъ, который пользуется имъ; такъ точно и языкъ св. писателей служитъ какъ бы перомъ св. Духу, Который пишетъ имъ чрезъ св. писателей и пророковъ законъ Божій въ сердцахъ людей.

Духъ Божій справедливо называется „книжникомъ скорописцемъ“, такъ какъ Онъ производитъ въ одно мгновеніе то, что обыкновенный человѣкъ, обыкновенный учитель можетъ произвести только чрезъ много лѣтъ. Написанное ни высокимъ, ни низкимъ слогомъ, св. Писаніе содержитъ въ себѣ многія невыразимыя тайны. Хотя, по мѣстамъ, слова пророковъ, просвѣщенныхъ Духомъ Святымъ, невозможно перевести дословно, однако, съ другой стороны, при тщательнѣйшемъ изслѣдованіи, можно все же уяснить себѣ смыслъ ихъ ²⁾).

При всемъ томъ возможны неправильныя толкованія Св. Писанія; по допущенію Божественнаго правосудія, ложное толкованіе буквы настолько измѣняетъ прозрачныя воды Слова Божія, что тѣ, которые пьютъ изъ нихъ, умираютъ. Это нѣкогда случилось съ книжниками и фарисеями, но также бываетъ и съ тѣми учеными, которые объясняютъ Писаніе по своему нраву. Ихъ толкованія, какъ и толкованія еретиковъ, не улучшаютъ слушателей, но скорѣе забавляютъ ихъ, возмущаютъ

¹⁾ Migne, T. 120 p. 516, 728, 1002, 37, 132.

²⁾ Migne, T. 116 p. 844. Verba, quae prophetae loquuntur, non possumus per omnia ad contextum orationis convertere, tamen sensus ibit subtilissime inquiringibus. Comment. in Isai. Lib. II.

чистое вино Св. Писанія и портятъ его своею извращенною мыслию ¹⁾).

Начальники и подчиненные въ церкви Божіей одинаково насыщаются смѣшанною трапезою Писанія, когда понимаютъ духовно то, что и должно понимать духовно, исторически то, что имѣетъ историческій смыслъ, и съ двухъ сторонъ—въ чемъ можно отыскать двоякій смыслъ ²⁾).

Ветхій и Новый Завѣтъ не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ неразрывно соединены между собою, подобно тетивѣ и луку: какъ безъ тетивы лукъ теряетъ свою цѣль и значеніе, такъ и Ветхій Завѣтъ безъ Новаго. Самъ Господь, желая показать, что евангеліе учитъ не другому чему-либо, какъ именно тому, что проповѣдывали законъ и пророки, постился сорокъ дней и сорокъ ночей, ибо Онъ пришелъ не для того, чтобы нарушить законъ и пророковъ, а что бы исполнить.

Пророчество въ тѣсномъ смыслѣ Гаймъ пытается опредѣлить по различнымъ его моментамъ. Пророчество относится или къ прошедшему, какъ напр., слова Моисея: „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“, или къ настоящему, которое никто не можетъ видѣть естественнымъ образомъ, безъ божественнаго вдохновенія, или къ будущему. Предсказанія вдохновляются или во снѣ, какъ напр., Іосифу, или чрезъ ангела, какъ пр. Захаріи, или чрезъ внутреннее вдохновеніе, какъ псалмы, или чрезъ прообразы (*per figuras*), какъ напр., ковчегъ, управляемый Ноемъ во время всемірнаго потопа, предызобразовалъ собою Церковь ³⁾).

Объясняя Св. Писаніе преимущественно мистически, Гаймъ не забываетъ однако и буквального смысла. Обыкновенно, при изъясненіи Св. Писанія, у Гайма употребляется такая форма: „это выраженіе по буквѣ означаетъ то—то... а духовное значеніе его—таково“ и т. п. ⁴⁾).

1) Ibidem pag. 726.

2) Ibidem pag. 867. Quae vero utrique sensui conveniunt, utrumque mente capiunt, sicut in area, hoc est in scriptura, continetur.

3) Ibidem pag. 195 n. 717.

4) Haec sententia juxta litteram.—Versiculus iste spiritualiter iutelligendus в пр. р. 70.

Глубиною образованія и болѣе значительнымъ научнымъ вліяніемъ превосходилъ Гайма Рабанъ Мавръ (856), архіепископъ Майнцкій, одинъ изъ лучшихъ представителей богословской науки въ Германіи. Широкое распространеніе сочиненій этого человѣка въ современномъ ему обществѣ много говоритъ въ пользу его ученія о богодухновенности.

Перечисливъ каноническія книги, Рабанъ Мавръ замѣчаетъ что онѣ были составлены св. писателями, говорившими по божественному вдохновенію и оставлены ими въ Церкви для нашего назиданія. Но истинный Виновникъ этихъ писаній, какъ учитъ вѣра, есть Самъ Духъ Святой, Который и диктовалъ написанное пророкамъ ¹⁾. Уже ап. Павелъ учитъ, что все Писаніе богодухновенно. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ вмѣсто Святаго Духа, Христа. Христосъ есть именно Тотъ, Который невидимо, чрезъ вдохновеніе Святаго Духа, руководилъ смысломъ пророковъ, затѣмъ принялъ человѣческой образъ и словомъ и примѣромъ училъ апостоловъ, какъ ранѣе патріарховъ и пророковъ ²⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ существуетъ тѣсная связь. Апостолы и Евангелисты основывались именно на изреченіяхъ и книгахъ закона и пророковъ, такъ какъ начало и конецъ евангельской и апостольской проповѣди положены еще въ пророческихъ писаніяхъ. Противорѣчіе здѣсь немыслимо, такъ какъ одинъ и тотъ же Духъ говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ пророковъ, и въ Новомъ чрезъ апостоловъ.

Пророки были разумными, а не слѣпыми и безсознательными орудіями: Св. Духа; иначе, конечно, они и не могли быть названы пророками, если бы не понимали того, что возвѣщали собственными устами.

Не только первоначальные составители св. книгъ, по ученію Рабана, были вдохновлены, но даже Ездра возстановилъ

1) *Hi sunt scriptores sacrorum librorum divina inspiratione loquentes, ad eruditionem nostram praecepta coelestia in Ecclesia dispensantes. Autor autem earundem scripturarum Spiritus sanctus esse creditur. Ipse enim scripsit, qui per prophetas suos scribenda dictavit*, Migne, T. 107. p. 367. De cleric. instit. c. 54,

2) *Ibidem* pag. 259. De laudib. cruc. Lib. I fig. 27.

книги по вдохновенію отъ Духа Святаго. Переводъ семидесяти Рабанъ также считаетъ богодухновеннымъ.

Глубокимъ убѣжденіемъ проникнуты тѣ мѣста въ сочиненіяхъ Рабана, въ которыхъ онъ восхваляетъ значеніе Св. Писанія. Св. Писаніе есть фундаментъ, итогъ и полнота мудрости, источникъ неизмѣняемой, вѣчной Божественной истины. Подобно свѣтильнику, оно освѣщаетъ вселенную и все, что есть истиннаго и мудраго въ писаніяхъ ученыхъ этого міра содержится именно въ этомъ источникѣ, такъ что то и другое никогда не можетъ противорѣчить другъ другу.

Изученіе такъ называемыхъ свободныхъ наукъ Рабанъ считаетъ весьма полезныхъ для Св. Писанія: безъ знанія ихъ, напр., ариеметики и чиселъ, многія тайны Св. Писанія останутся неразгаданными. На вопросъ, могутъ ли авторы Св. Писанія названы не только мудрыми, но и краснорѣчивыми, Рабанъ отвѣчаетъ утвердительно. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ понимаетъ смыслъ Писанія, никто не представляется ему мудрѣе и даже краснорѣчивѣе св. писателей; однако онъ не сомнѣвается, что и тамъ, гдѣ Св. Писаніе—непонятно для него, краснорѣчіе св. писателей не менѣе велико. Вдохновенное краснорѣчіе св. авторовъ есть именно даръ свыше, есть особенная способность, дарованная благодатію Св. Духа. Конечная цѣль запятій какъ мірскою мудростію, такъ главнымъ образомъ мудростію Св. Писанія состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть полного познанія истины, а чрезъ то и высшаго блага.

Св. Писаніе содержитъ въ себѣ темныя и двусмысленныя мѣста не безъ особенной цѣли, а для того, чтобы самыя усилія, при изъясненіи ихъ, сдерживали человѣческое остроуміе и предохраняли разумъ отъ пресыщенія. Все то, что легко понимается, кажется обыкновенно малозначительнымъ, и Св. Писаніе именно чрезъ тѣ свои части, которыя удобопонятны, удовлетворяетъ необходимой духовной жаднѣ читателей, а трезъ трудныя препятствуютъ пресыщенію. Неясныя, темныя мѣста Писанія объясняются посредствомъ другихъ болѣе понятныхъ ¹⁾).

¹⁾ Migne, A. 107 p. 380. Nihil autem fere de illis obscuritatibus eruitur, quod non planissime dictum alibi reperitur. De cleric. justit. 1. III—с. 3.

Если читателю встрѣтится какое-либо мѣсто, несогласное съ его разумомъ, то онъ не долженъ противорѣчить Божественному Писанію, а скорѣе—сознаться въ своей ограниченности и твердо вѣрить, что все, написанное въ Слово Божіемъ, несравненно превосходитъ и истиннѣе, чѣмъ то, что мы можемъ измыслить сами по себѣ. Тѣ же люди, которые читаютъ слово Божіе съ гордою самоувѣренностію, легко запутываются въ многочисленныхъ темныхъ мѣстахъ и многообразныхъ трудностяхъ, принимаютъ вѣрное за невѣрное и погружаются, какъ бы въ глубокой мракъ. Всякій, кто понимаетъ Св. Писаніе иначе, чѣмъ каковы были намѣренія св. Духа, при его составленіи, можетъ быть названъ еретикомъ, даже хотя бы онъ и не отдѣлился отъ Церкви ¹⁾).

Изъ этого слѣдуетъ, что всякій толковникъ, при возникающихъ сомнѣніяхъ, долженъ провѣрять себя посредствомъ символа вѣры (*consulat regulam fidei*), принятаго св. Церковію ²⁾).

При изъясненіи Св. Писанія Рабанъ всегда различаетъ собственный буквальный смыслъ (*proprietas litterae* или *historica proprietas*) и переносный (*verba figurata* или *sensus propheticus*).

Впрочемъ, какъ и всѣ его современники, онъ съ большею любовію предается мистическому толкованію Св. Писанія; правильность его онъ доказываетъ не только изъ святоотеческихъ писаній, но также изъ апостольскаго преданія и изъ самаго Писанія. Въ томъ обстоятельстве, что нѣкоторыя мѣста Св. Писанія могутъ быть поняты въ многоразличномъ буквальномъ смыслѣ, Рабанъ не видитъ никакой опасности, поскольку самое толкованіе согласно съ истиною и можетъ быть доказано посредствомъ самаго же Св. Писанія ³⁾).

Бенедиктинскій монахъ Анжеломъ (855), учитель дворцовой

¹⁾ Ibidem p. 378. Sed et quicumque aliter scripturam sacram intelligit, quam sensus Spiritus sancti flagitat, a quo conscripta est, licet de ecclesia non recessit, tamen haereticus appellari potest. De cleric. instit. l. II c. 57.

²⁾ Cum ergo adhibita intentio incertum esse praeviderit, quomodo distinguendum aut quomodo pronuntiandum sit, consulat regulam fidei, quam de scripturarum planioribus locis et ecclesiae auctoritate percepit. Ibidem p. 387.—Lib. III. c. II.

³⁾ Si quodlibet eorum congruere veritati, ex aliis locis sanctarum scripturarum doceri potest. Ibidem Lib. III. c. 15.

школы короля Лотаря, въ своемъ комментарий на исторію творенія замѣчаетъ, что вопросъ о составителѣ той или другой книги собственно излишенъ ¹⁾, такъ какъ истинный виновникъ св. книгъ есть Самъ Духъ Святой. Никто не могъ бы, конечно, описать, какъ произошло то, что существуетъ теперь предъ глазами человѣка, если бы Самъ Духъ Святой не диктовалъ и не рассказывалъ объ этомъ чрезъ св. писателей. Этимъ объясняется обыкновеніе св. авторовъ говорить отъ себя самихъ, какъ бы отъ другихъ лицъ: къ этому они были побуждаемы Св. Духомъ.

Что касается пророковъ, то само Св. Писаніе указываетъ на то, что Духъ пророческій не всегда блисталъ на нихъ своими лучами, такъ какъ Онъ „дышитъ, гдѣ хочетъ“. И по своему великому милосердію Богъ намѣренно распорядился такъ, что по временамъ сообщаетъ даръ пророчества людямъ, а по временамъ какъ бы удерживаетъ, то возвышая такимъ образомъ настроеніе пророчествующихъ, то погружая его въ глубокое смиреніе. Въ первомъ случаѣ они узнаютъ, что они суть по благодати Божіей, во второмъ—что они—сами по себѣ ²⁾.

Св. Писаніе должно читать съ благочестивымъ настроеніемъ и съ усердіемъ, такъ какъ оно подобно ветхозавѣтной горѣ, пламенѣющему Синаю: всякій, неосторожно приближающійся къ этой горѣ, безъ надлежащаго благоговѣнія, съ безумнымъ духомъ, поражается богодухновеннымъ содержаніемъ Писанія, какъ бы смертоноснымъ камнемъ. Подобно тому, какъ нѣкогда пламенѣлъ Синай, такъ и Св. Писаніе воспламеняетъ души читателей огнемъ любви ³⁾.

Огнотельно различныхъ способовъ толкованія Св. Писанія Анжеломъ замѣчаетъ, что онъ старается прежде всего находить въ св. книгахъ историческую истину ⁴⁾, но вмѣстѣ присоединяетъ сюда духовный и нравственный смыслъ, такъ что—

¹⁾ Migne T. 115 p. III. A nonnullis etiam quaeritur, quis scriptor hujus libri habeatur. Licet supervacue moveatur, cum tamen auctor illius Spiritus sanctus fideliter credatur и пр. Comment. in Genes. Exordium.

²⁾ Ibidem p. 354.

³⁾ Ibidem p. 628 Enarrat. in Cantic. Cant. in fine.

⁴⁾ Prius fundamentum ipsius historiae. Ibidem pag. 248.

бы читатель, наслаждаясь этими послѣдними, не терялся въ простыхъ размышленіяхъ объ историческихъ фактахъ ¹⁾.

Въ одномъ мѣстѣ Анжеломъ указываетъ семь способовъ, какъ понимать св. Писаніе, а именно: 1) историческій смыслъ, 2) аллегорическій, 3) связь этихъ обоихъ, 4) особый смыслъ, присущій тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ говорится о неизмѣнномъ существѣ Божественной Троицы, 5) параболическій, 6) о двоякомъ пришествіи Спасителя, 7) наконецъ, тотъ, изъ котораго мы узнаемъ предписанія касательно этой земной жизни и прообразы постусторонней. По мнѣнію Анжелома, нѣкоторые изъ этихъ способовъ толкованія иногда могутъ имѣть мѣсто въ одномъ какомъ-либо выраженіи Св. Писанія, но самъ онъ старается въ основаніе толкованія полагать историческій смыслъ, а уже потомъ отыскивать аллегорическій и, наконецъ, моральный, который ведетъ людей къ добродѣтельной жизни ²⁾.

ОТДѢЛЪ III.

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ X и XI столѣтіяхъ.

Въ церкви западной въ девятомъ и десятомъ столѣтіи толкованіе Св. Писанія было преимущественно мистическое. Нельзя, конечно, сказать, чтобы историческое и буквальное пониманіе вполне отсутствовало, но оно несомнѣнно предлагалось довольно кратко. Главнѣйшая же духовная работа толковниковъ направлена была на то, чтобы посредствомъ смѣлыхъ аллегорическихъ образовъ, посредствомъ многообразныхъ фантастическихъ аналогій подкрѣпить словами Св. Писанія и даже вновь освѣтить не только тайны вѣры, но и нравственныя предписанія христіанства. Цѣль такого рода усилій толковниковъ была въ своемъ родѣ практическая. Въ монастыряхъ, гдѣ особенно процвѣталъ этотъ способъ изъясненія св. книгъ, при ежедневномъ и непрерывномъ употребленіи Св. Писанія во время церковныхъ молитвъ и псалмопѣній, а также при чтеніи и проповѣди

¹⁾ Ne solummodo historia pressus—magis libenter campos doctorum satagat lustare ovaus latissimos. Ibidem pag. 110.

²⁾ L. c. pag. 244 и слѣд. Enarrat. in libr. Reg. praef. apolog.

было положительною необходимостію примѣнять отдаленное однообразное содержаніе Св. Писанія къ настоящимъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ. Это и составляло именно существенное содержаніе аллегорическо-мистическаго изъясненія св. Писанія. При этомъ возникновенію существенныхъ противорѣчій препятствовало безусловное уваженіе толковниковъ къ церковному преданію, между тѣмъ какъ, наоборотъ, стремленіе къ оригинальности и новизнѣ мысли, особенно въ позднѣйшее время, не всегда могло сохранять надлежащія границы.

Примѣръ подобнаго толкованія св. Писанія представляетъ Одо изъ Ключни (942). Его изъясненіе Св. Писанія, равно какъ и опредѣленіе понятія о богодухновенности, изобилуетъ множествомъ образовъ и сравненій.

Искать счастья, блаженства въ соединеніи съ Безконечнымъ значитъ ни что иное, какъ при любви къ Нему насыщаться усладительнымъ содержаніемъ Св. Писанія, въ словахъ котораго мы находимъ столько наслажденія, сколько позволяетъ это глубина нашего пониманія. Св. Писаніе можно сравнить съ виноградникомъ, такъ какъ оно чрезъ предписанія истины производитъ въ насъ грозды добродѣтелей. Съ другой стороны, по ясности мысли имѣютъ обыкновеніе примѣнять къ Св. Писанію образъ серебра: само слово Божіе, дѣйствительно, называется себя сребромъ, очищеннымъ чрезъ огонь ¹⁾. Подобно свѣтильнику, Слово Божіе освѣщаетъ мракъ нашего духа и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность видѣть, какъ мы ведемъ себя.

При объясненіи Св. Писанія, Одо на первомъ планѣ представляетъ историческое значеніе и буквальный смыслъ. Только, послѣ знакомства съ историческимъ событіемъ, дальнѣйшее изъясненіе его можетъ принести большую пользу и не ввести людей, особенно необразованныхъ, въ заблужденіе и темноту.

Встрѣчаются именно такіе толковники, которые объясняютъ Св. Писаніе ложно и превратно и даже насильно влагаютъ свои мысли въ слова Св. Писанія. Такіе толковники дѣлаются повинными противъ самаго Господа, истиннаго виновника св. книгъ. Поэтому Одо, когда указываетъ на мистическій или

¹⁾ Migne, T. 133 p. 321.

моральный смыслъ того или другого мѣста, иногда предупреждаетъ читателей, чтобы они не оставляли безъ вниманія и самый духъ Св. Писанія, такъ какъ безъ этого легко можно не понять истиннаго смысла его ¹⁾.

Фульбертъ, епископъ шартскій (1029), допускаетъ мистическое толкованіе священнаго текста только въ извѣстныхъ границахъ. Чтеніе св. текста и изученіе церковныхъ канонѳвъ Фульбертъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ христіанамъ, но особенно епископамъ ²⁾. Какъ тѣло подкрѣпляется пищею, такъ душа чтеніемъ Божественныхъ писаній. Нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое не подтверждается свидѣльствами каноническихъ Писаній Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

Священное Писаніе можетъ вѣрно понимать только тотъ, кто при постоянныхъ занятіяхъ усвоилъ себѣ самый образъ выраженія его. Какъ чрезъ неоднократную бесѣду мы постепенно знакомимся съ особенностями человѣка, такъ точно и характеръ Св. Писанія мы узнаемъ чрезъ частое и усердное чтеніе его. Первѣе всего Фульбертъ обращаетъ вниманіе, конечно, на буквальный смыслъ Св. Писанія, но въ то же время онъ придаетъ большое значеніе и мистическому, а также историческому пониманію его ³⁾.

При изъясненіи Св. Писанія Фульбертъ часто указываетъ на авторитетъ св. отцевъ, противорѣчить которому значитъ отвергать истину ⁴⁾. Многіе отдѣлились отъ единства Церкви именно потому, что упорно настаивали на собственномъ мнѣніи и, такъ какъ они не пожелали быть учениками истины, то и сдѣлались учителями заблужденія. Оставивъ свѣтъ истины, они устремились къ тому, чтобы извратить смыслъ Св. Писа-

¹⁾ Migne T. 133 p. 107. Ne vagaus animus, dum huc illucque quaereret sensum, ut saepe assolet, anutteret intellectum. Epit. moral. in Iob. praef.

²⁾ Episcopi speciale officium est scripturas legere, percurrere canones и пр. Migne T. 141 p. 256. Epist. 112 Ad Hildegar.

³⁾ Non videtur incongruum, si historiae veritate servata, quomodo spiritualiter tota possit intelligi demonstramus. Migne T. 141 p. 279 Tract. in Act. Ap. и pag. 303 и 277.

⁴⁾ Ea ipsa revolvam, quae sanctorum patrum sauxit auctoritas, quorum dictis refragari, veritatem respucere est—l. c. 255. Epist. ad Hildeg.

нія своими богохульными толкованіями или даже тайно сдѣлать въ немъ выпуски ¹⁾).

Съ большимъ остроуміемъ вооружается противъ произвольнаго объясненія св. Писанія, какъ оно обнаруживалось въ западныхъ спорахъ того времени, Дюрандъ, аббатъ труарскій (1088).

Св. Писаніе содержитъ въ себѣ безчисленныя тайны, которыя мы тѣмъ болѣе должны почитать, чѣмъ болѣе ихъ познаемъ. Въ св. книгахъ встрѣчаются многія такія выраженія, которыя, при всѣхъ усиліяхъ толковниковъ, не могутъ быть поняты во всей точности, такія выраженія не изошряютъ способность разумѣнія, но скорѣе затемняютъ ее. Кто при этомъ умѣетъ соблюдать мѣру и избѣгнуть крайности, тотъ пребываетъ въ католической церкви; кто же, наоборотъ, переступаетъ границы умѣренности, кто съ ожесточеннымъ и не разумнымъ сердцемъ увлекается суетными мыслями, тотъ легко допускаетъ многоразличныя ошибки, отчего и происходятъ расколы и даже ереси. Такіе люди отыскиваютъ въ Св. Писаніи не то, что въ немъ есть истиннаго и лучшаго, но то, что еще сильнѣе утверждаетъ ихъ въ неразумныхъ ошибкахъ. Они совершенно забываются при этомъ, такъ какъ свои хитроумныя выдумки дѣлаютъ нормою для изъясненія слова Божія, чтобы извратить божественную истину въ пользу заблужденія. Конечно, они не могутъ вполне достигнуть этой цѣли, но все же ихъ дерзость закрываетъ дорогу къ болѣе глубокому пониманію слова Божія, а ихъ упорство и безбожіе замыкаетъ для нихъ двери спасенія ²⁾).

Истинные толковники Св. Писанія, напротивъ, покоряются авторитету его и пользуются имъ не по своему усмотрѣнію, но скорѣе стараются сообразовать съ нимъ собственную мысль, и самыя различія въ Писаніи ни въ коемъ случаѣ не считаютъ за противорѣчія.

При собственномъ толкованіи, Дюрандъ принимаетъ въ соображеніе также и то, что къ божественному свидѣтельству необходимо присоединить и преданіе, содержащееся въ писаніяхъ отцевъ Церкви ³⁾).

¹⁾ Migne, T. 141 p. 196. Sacras scripturas verbis sacrilegis nituntur adulterare aut furtivis erasionibus recidere. Epist. V Ad. Adeodat.

²⁾ Migne, T. 149 p. 1391. Liber de Corp. et Sang. Chr. pars V.

³⁾ Copiosa divinatorum testimoniorum ex patrum dictis experta adnectere exempla proposui. Loc. cit. pars VI. Migne, T. 149 p. 1400 и слѣд.

Лафранкъ, архіепископъ Кентерберійскій (1089), называемый обыкновенно предтечею схоластики, возобновилъ труды Алкуина по восстановленію лучшаго текста Библии.

Св. апостоль Павелъ, по выраженію Лафранка, говорилъ во св. Духѣ, Котораго онъ носилъ въ себѣ и отъ Котораго была вдоховлена ему Божественная истина. Даже тамъ, гдѣ ап. Павелъ даетъ, напр., порученіе Тимофею на различные случаи и по разнымъ поводамъ, Духъ Святой предписывалъ ему то, что онъ долженъ былъ говорить ¹⁾.

Иногда, по Лафранку, можно найти въ Писаніи ясныя слѣды человѣческой самодѣятельности. Ап. Павелъ, напр., не надписывалъ своего имени на посланіи къ евреямъ, такъ какъ по ложному подозрѣнію синагогъ онъ былъ нарушителемъ Закона Моисеева. Разсуждая въ посланіи къ евреямъ объ отношеніи прообразовъ закона къ истинѣ Христа, апостоль умалчиваетъ о своемъ имени съ тою цѣлію, чтобы ненависть къ нему фанатиковъ не воспрепятствовала плодотворному чтенію. И насколько неувидительно, если стиль этого посланія отличается отъ другихъ, такъ какъ на своемъ собственномъ языкѣ, т. е., на еврейскомъ, апостоль могъ писать гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ на греческомъ, на которомъ написаны другія его посланія ²⁾.

Ива Шартскій (1117), бывший ученикомъ въ прославленной монастырской школѣ Лафранка, точно обозначаетъ каноническія книги, а также писанія отцевъ, которыя должно читать, и апокрифы, чтеніе которыхъ запрещено ³⁾.

Особенно твердо и точно, подобно Августину, онъ различаетъ каноническія и отеческія писанія. Число каноническихъ книгъ Св. Писанія вполне ограничено, и только относительно ихъ невозможно никакое сомнѣніе и возраженіе. Но, съ другой стороны, кто не знаетъ, что писавія многихъ епископовъ, чрезъ

¹⁾ Migne, T. 150 p. 223 и 365. Ostendit, quae scripturae arcem obtineant auctoritatis, videlicet quae per Spiritum prolatae sunt, Comment. in II Тим. II, 16—II Кор. с. III.

²⁾ Coelestique lampade splendidius eniteret, quaedam quae de scripturis sanctis te sumere nonnumquam dicis, aut penitus esse falsa aut aliqua ex parte—Migne, T. 150 p. 408. Liber de Corp. et 5. Dom. с. I.

³⁾ Migne, T. 161 p. 284.—Decreti pars IV с. 74. Сравни съ сочиненіемъ, вѣроятно, того же автора „Panormia“.

проницательное объясненіе болѣе опытныхъ людей, чрезъ болѣе высшую мудрость другихъ епископовъ или чрезъ соборныя опредѣленія, могутъ быть признаны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ недостаточными?

Частое чтеніе и толкованіе Св. Писанія имѣетъ силу исцѣлять больную совѣсть, какъ нѣкоторое сильно дѣйствующее лѣкарство. Въ св. книгахъ какъ бы звучатъ небесныя мелодіи, настраивающія сердца народа на благоговѣйную молитву ¹⁾).

Со вступленіемъ средневѣковой науки въ вѣкъ схоластики начинается формальное развитіе понятія о богодухновенности. До сихъ поръ главное вниманіе обращалось почти исключительно на доказательство дѣйствительности самаго факта богодухновенности, а не на опредѣленіе понятія о немъ. Теперь же, съ присоединеніемъ этого вопроса къ общей системѣ теологическихъ наукъ, начинается также и теоретическое изученіе догмата о богодухновенности.

Уже сочиненія Лафранка были началомъ этого направленія, но гораздо замѣтнѣе оно выступаетъ у Анзельма Кентерберійскаго, автора капитальнаго труда „*Cur Deus homo*“ (1109).

По ученію Анзельма, тѣ писанія обладаютъ высшимъ авторитетомъ, которыя произошли по вдохновенію Духа Святаго и звѣстны подъ названіемъ каноническихъ писаній. Съ внѣшней стороны, они раздѣляются на три части: законъ, пророчества и евангеліе, но по внутреннему значенію суть они одно нераздѣльное цѣлое. Хотя ветхозавѣтный законъ, по духовному значенію, есть нѣчто иное, нежели евангельское ученіе, однако онъ называется закономъ Божіимъ, такъ какъ произошелъ отъ Бога ²⁾). Богъ чудесно, безъ вспомогательныхъ средствъ человѣческой учености, сдѣлалъ плодоносными для спасенія сердца пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ; изъ нихъ-то и

1) *Haec Christi et ecclesiae sacrificia, lectiones nostrae de quibuscunque libris historico vel allegorico stylo dictae commendant: haec melodiae cantorum ad pietatis affectum suavitate canora animos populorum excitantes resonant. Sermones V.—Migne, T. 162 p. 552.*

2) *Migne T. 158 p. 437. Lex Dei dicitur, quia a Deo est, et lex Moysi, quia per Moysen ministrata est. Lib. de concept. Virg. c. IV.*

почерпаетъ Анзельмъ все то, что онъ сѣтъ на нивѣ Божіей для питанія душъ человѣческихъ ¹⁾).

Даръ видѣнія (visio), которымъ были надѣлены пророки и каноническіе писатели, могъ означать или тѣлесное созерцаніе, или духовное, или умственное. Духовное видѣніе есть такое, при которомъ въ предметахъ, видимыхъ чувственными очами, созерцаются явленія высшаго порядка. Умственное видѣніе имѣетъ мѣсто тогда, когда кто либо чрезъ вдохновеніе Св. Духа познаетъ высшія тайны богооткровенія. Такъ св. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ не въ дѣйствительности (realiter), а по Божественному вдохновенію созерцалъ то, о чемъ рассказываетъ въ своей книгѣ.

При объясненіи Св. Писанія Анзельмъ различаетъ тройственный смыслъ, именно: исторію, нравственное приложеніе, и аллегорію. Исторія основана на буквальномъ пониманіи Св. Писанія, нравственное приложеніе есть выведенное изъ нея для христіанъ наставленіе, аллегорія же заключаетъ въ себѣ высшій типическій, или даже мистическій, смыслъ слова Божія.

Особенно интересенъ методъ, какъ Анзельмъ опредѣляетъ отношеніе между знаніемъ и вѣрою, между умозаключеніями разума и вдохновенными писаніями. Это, какъ извѣстно, было главною проблемою схоластики во всѣ времена ея существованія.

Какъ нельзя сомнѣваться въ истинности Бога, учить Анзельмъ, такъ нельзя отрицать и того, что все содержаніе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ истинно.

Конечно, и кромѣ Библии встрѣчаются истины, а когда онѣ выражены въ ясныхъ умозаключеніяхъ и Библия имъ не противорѣчитъ, то уже по одному уваженію къ слову Божію можно принять ихъ, такъ какъ слово Божіе никогда не говоритъ противъ истины и не покровительствуетъ ошибкамъ.

Въ томъ же случаѣ, когда Св. Писаніе несомѣнно противорѣчитъ нашему мнѣнію, мы не должны, однако, думать, что наше мнѣніе на самомъ дѣлѣ истинно, какъ бы не представлялось оно неоспоримымъ для нашего разума. Стало быть въ

¹⁾ Migne, T. 158 p. 528.

Св. Писаніи можно найти подтвержденіе всякой истины, выводимой изъ разума. Такая истина или выразительно утверждается въ немъ, или, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не отрицается. Само Св. Писаніе не только не указываетъ на то, что мы должны обращать вниманіе на разумное пониманіе истинъ вѣры, но даже обозначаетъ п путь, чрезъ который можно достигнуть этого. Не говоря уже о другихъ мѣстахъ, чрезъ которыя Писаніе призываетъ насъ къ изслѣдованію разумныхъ причинъ, достаточно указать на извѣстное выраженіе его (Ис. VII, 9): „аще не увѣруете, не имате разумѣти“¹⁾.

Христіанинъ, слѣдовательно, чрезъ вѣру долженъ переходить къ знанію, а не наоборотъ, чрезъ знаніе къ вѣрѣ; а потому не долженъ отступать отъ вѣры, когда не понимаетъ чего либо. Только уже вѣрующему открывается полное величіе Св. Писанія, но оно сокрыто отъ того, кто еще не увѣровалъ въ Воскресшаго.

Всякій, для кого Св. Писаніе не составляетъ предметъ его постоянныхъ занятій, не можетъ похвалиться и тѣмъ, что онъ превосходитъ другого въ пониманіи его. Ошибки ложной спекулятивной теологіи происходятъ именно оттого, что многіе берутся разсуждать о возвышеннѣйшихъ таинствахъ вѣры, зная Писаніе весьма поверхностно. Чѣмъ болѣе мы воспринимаемъ пищи изъ Св. Писанія, тѣмъ глубже мы понимаемъ то, чѣмъ насыщаемся²⁾.

Многократно Анзельмъ увѣщаетъ христіанъ и монаховъ къ ревностному чтенію слова Божія, такъ какъ оно учитъ всѣхъ добродѣтельной жизни. Если же мірянинъ вслѣдствіе недостаточнаго образованія, не можетъ понять Св. Писанія, то онъ долженъ учиться у другихъ, и даже король обязанъ учиться вѣрѣ у епископовъ и клириковъ своего царства³⁾.

1) Loc. cit. T. 158 p. 261. Et, ut alia taceam, quibus sacra pagina nos ad investigandam rationem invitat, ubi dicitur: Nisi credideritis, non intelligetis, aperte nos monet, intentionem ad intellectum extendere, cum docet, qualiter ad illum debeamus proficere. Lib. de Fide Trin. praef.

2) Loc. cit. T. 158 p. 264.

3) Praecipite episcopis et religiosis clericis, qui in vestro regno sunt, ut eas vobis edicant. T. 159 p. 179—Epist. 147 ad Muriard. reg. Hil.

Ученикомъ Анзельма и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей цвѣтущаго періода схоластики былъ Анзельмъ Лаонскій (1117). Его слава, какъ схоластическаго богослова, была такъ велика у современниковъ, что самъ Абеляръ на нѣкоторое время прекращалъ свои философскія чтенія въ Парижѣ, чтобы заниматься теологіей подъ руководствомъ „Анзельма схоластика“. Главнѣйшая заслуга Анзельма состояла въ толкованіи Св. Писанія и составленная имъ глосса была главнымъ экзегетическимъ трудомъ въ средніе вѣка, на ряду съ таковымъ же трудомъ Валафрида Страбона.

Ветхій и Новый Заветъ, по ученію Анзельма, одинаково Божественнаго происхожденія. Всѣ пророки предлагали свидѣтельства объ Иисусѣ Христѣ не отъ себя самихъ, но Духъ Святой чрезъ нихъ. Соломонъ, напр., составилъ Пѣснь Пѣсней и пророчествовалъ въ ней, обладая именно даромъ премудрости и просвѣщаемый Духомъ Святымъ. Если объ Іоаннѣ Крестителѣ говорится, что онъ Ілія, то, конечно, не потому, чтобы тотъ и другой были одинаковыми лицами, но потому, что они имѣли одинаковую благодать Св. Духа, или точнѣе одну и ту же мѣру Духа. На основаніи такого высшаго происхожденія св. Писанія, Анзельмъ не считаетъ трудности въ пониманіи его за противорѣчія. При всѣхъ трудностяхъ, возникающихъ при объясненіи, напр., генеалогіи Христа по евангелію Маттея, онъ однако глубоко вѣритъ, что „апостоль въ Духа все то, что онъ замѣчаетъ о слѣдующихъ одно за другимъ поколѣніяхъ предковъ Спасителя, какъ и все другое, что онъ говоритъ“ ¹⁾. Многія трудности далѣе происходятъ оттого, что одинъ евангелистъ слѣдуетъ историческому теченію событий, между тѣмъ какъ другой располагаетъ ихъ по извѣстнымъ категоріямъ. Возможно, впрочемъ, что то или другое мѣсто Св. Писанія темно и не понятно. Причина этого въ томъ, что по особенному Промысленію Божію Св. Писаніе какъ бы заключено (clausa) въ мракъ и темноту для того, чтобы врагъ не имѣлъ доступа къ нему, не имѣлъ повода къ нападенію, наконецъ, также и въ томъ, чтобы сами толковники упражнялись въ

¹⁾ Migne T. 162 p. 1216 Credendum est tamen, apostolum a Spiritu Sancto, quod dicit de sequentibus generationibus accepisse, sicuti caetera quae dicit. Enarr. in Matth. c. I.

разрѣшеніи этихъ трудностей и размышляли о найденномъ. При всемъ томъ только святые Божіи люди служатъ Господу при толкованіяхъ Св. книгъ, еретики же стараются подтвердить чрезъ нихъ свои заблужденія ¹⁾).

Бруно Астскій, аббатъ Монтекассино, (1123) разсуждаетъ о вдохновеніи Св. Писанія въ своихъ сочиненіяхъ довольно подробно. Хотя онъ не пренебрегаетъ буквальнымъ пониманіемъ слова Божія, однако болѣе всего склоняется къ мистическому пониманію. Языкъ аббата богатъ многими образами и изобилуетъ поэтическими сравненіями.

Кто желаетъ бесѣдовать съ Богомъ, тотъ пусть обратится къ свидѣтельствамъ Св. Писанія и тамъ онъ найдетъ Господа, сообщающаго дары людямъ ²⁾). Перстами Господа написаны не только обѣ каменные скрижали, о коихъ говорится въ книгѣ Исходъ, но и вся Библия произошла отъ Него. Кто, слѣдовательно, желаетъ познавать Господа, бесѣдовать съ Нимъ и слушать Его, тотъ пусть читаетъ книги Моисея, апостоловъ и пророковъ, такъ какъ въ нихъ является ему Самъ Господь, и чрезъ нихъ познается Его безконечное могущество и сила ³⁾).

Мы должны вѣрить свидѣтельству Св. Писанія, которое потому именно, что всегда говоритъ истину и никогда не лжетъ, не безъ основанія называется „свидѣтельствомъ“. Такому „свидѣтельству“, дѣйствительно, ни кто не можетъ противорѣчить. Окончательная доказательная сила Св. Писанія есть именно его авторитетъ. Въ Св. Писаніи нѣтъ ничего человѣческаго, но все Божественно, все возникло по вдохновенію Божію, такъ что все Писаніе есть полная истина и авторитетъ ⁴⁾).

Оба Завѣта суть одно цѣлое, одинъ данъ въ другомъ и не можетъ быть безъ другого. Послѣ вазвѣщенія обоихъ Завѣтовъ люди воспріяли всю полноту премудрости Божіей. Только до Христа Ветхій Завѣтъ былъ весьма темень, покрытъ мракомъ непониманія, такъ какъ никто не понималъ Писаній вполнѣ ⁵⁾).

¹⁾ Loc. cit. T. 162 p. 1193.

²⁾ Migne, T. 164 p. 311. Qui ergo vult loqui cum Deo, veniat ad Cherubim, currat ad scripturarum testamenta, ibique Dominum et loquentem et propitiantem inveniet Expos. in Exod. c. 25.

³⁾ Loc. cit. p. 364.

⁴⁾ T. 164 p. 368. Expos. in Exod. c. 32.

⁵⁾ Loc. cit. p. 150 Expos. in Genes. c. 1.

Эту тьму разсѣялъ Христосъ, когда открылъ своимъ апостоламъ разумъ къ пониманію Писаній. Появленіе Ветхаго Завета среди іудеевъ Бруно сравниваетъ съ слабымъ сіяніемъ мѣсяца въ ночной тьмѣ. Новый же Заветъ есть какъ бы солнце, при яркихъ лучахъ котораго сдѣлалось слабѣе сіяніе ветхозавѣтнаго закона.

Самое евангельское ученіе сравнивается имъ съ потокомъ рая, и четыре евангелія съ четырьмя частями этого потока, такъ какъ они весь міръ напояютъ водами Божественнаго слова. Полнота ихъ такъ велика, что каждое отдѣльное евангеліе уже достаточно, чтобы всему міру доставить истинное ученіе и спасеніе ¹⁾.

Евангелія никогда не отступаютъ отъ истины, никогда не говорятъ ложнаго и все, что въ нихъ содержится, правильно, свято и всецѣло достойно вѣры. Евангелія суть слово Божіе, духовная пища, дарованная Богомъ тѣмъ, которые почитаютъ Его. Если кто, утомленный, желаетъ найти подкрѣпленіе своему духу, то пусть приходитъ къ Божественному источнику пророковъ и евангелистовъ и тамъ онъ найдетъ Іисуса. Конечно, Писаніе требуетъ тщательнаго и усиленнаго, а не поверхностнаго изученія. Подобно тому, какъ тонкія ароматическія вещества производятъ тѣмъ болѣе пріятный запахъ, чѣмъ болѣе ихъ растираютъ, такъ точно и Св. Писаніе распространяетъ тѣмъ больше благоуханіе, чѣмъ тщательнѣе его изучаютъ и чѣмъ болѣе разлагаютъ на части. Знать на память содержаніе обоихъ Заветовъ есть священная обязанность всѣхъ христіанъ, такъ какъ въ самой малой буквѣ ихъ заключается полнота знанія ²⁾.

Въ своихъ толкованіяхъ Бруно различаетъ буквальный, аллегорическій и духовный смыслъ. Хотя буквальное пониманіе у него обыкновенно предлагается на первомъ планѣ, однако весьма многому онъ придаетъ духовное значеніе. Изъ примѣровъ подобнаго рода можно видѣть, что нерѣдко подъ духовнымъ пониманіемъ Бруно разумѣетъ то, что по теперешнему

¹⁾ Т. 164 р. 315. Unumquodque evangelium per se universo mundo sufficeret ad fidem, doctrinam et salutem—Expos. in Exod. c. 25.

²⁾ Migne, T. 165 p. 476 pag. 897.

словоупотребленію скорѣе можетъ быть названо фигуральнымъ образомъ рѣчи. Такъ относительно Іоанна Крестителя у Бруно мы встрѣчаемъ такое замѣчаніе: Іоаннъ Креститель былъ Иліей не по своей личности, а по духу и силѣ благодати. Было бы странно поэтому, если кто-либо сталъ утверждать, что св. Іоаннъ былъ дѣйствительно Иліей ¹⁾. Точно также и слова св. Стефана въ его извѣстномъ обличеніи іудеевъ, гдѣ онъ называетъ іудеевъ строптивыми и необрѣзанными сердцемъ и ушами, конечно, нельзя понимать буквально. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, будто іудеи, дѣйствительно, должны были обрѣзать собственные уши ²⁾! Этотъ доводъ достаточно показываетъ, что понятія буквального и аллегорическаго въ тѣ времена были иныя, чѣмъ теперь.

Къ числу особыхъ свойствъ Св. Писанія Бруно относитъ также нѣкоторую присущую ему темноту. Невозможно, по мнѣнію Бруно, понять все содержаніе слова Божія. Многое въ немъ должно быть оставлено до того времени, когда окончится эта ночь, эта жизнь, полная мрака и невѣжества. Когда же настанетъ утро, когда возсіяетъ Солнце правды, тогда и всѣ тайны слова Божія будутъ вполне поняты ³⁾.

Какъ нѣкогда народъ Израильскій стоялъ въ отдаленіи отъ святой горы, и только Моисей вступилъ въ темное облако, гдѣ находился Господь, такъ точно и теперь только для святыхъ людей открыты тайны Писанія, обыкновенные же люди стоятъ въ отдаленіи отъ глубочайшаго содержанія его. И какъ изъ манны въ пустынѣ позволено было собирать только извѣстную мѣру, такъ должно дѣлать и при изясненіи Св. Писанія. Здравый разумъ никогда не переступитъ этой границы, но еретики часто переходятъ предѣлы, положенные отцами ⁴⁾. А кто ложно изясняетъ Слово Божіе, которое есть какъ бы нашъ

¹⁾ Т. 165 p. 170.

²⁾ Т. 164 p. 193. Sola enim ista sufficiunt contra eos, qui omnia ad litteram intelligere volunt, aut si non sufficiunt, abscidant aures et secant corda, quod a nemine usque hodie factum audivimus. Expos. in Genes. cap. 17.

³⁾ Т. 164 p. 356.

⁴⁾ Т. 164 p. 269. Semper enim alta haeretici dicunt et fidei mensuram excedentes terminos a patribus constitutos transgrediuntur—Expos. in Exod. cap. 16.

путь и приводить другого къ ошибкѣ, тотъ „полагаетъ камень претыканія на пути“. Въ этомъ отношеніи еретики уподобляются жителямъ Содома, такъ какъ чрезъ превратное толкованіе безчестятъ слово Божіе и причиняютъ ему насиліе. Чтобы избѣжать опасности лжетолкованія, Бруно указываетъ извѣстный путь. Въ церкви находится слово и ученіе обоихъ завѣтовъ и будетъ сохраняться во вѣки вѣковъ; поэтому христіанинъ долженъ подчиняться преданію и авторитету церковной вѣры во всемъ томъ, чего онъ не можетъ достигнуть собственнымъ разумомъ ¹⁾).

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Т. 164 р. 404. Nos tamen quod ratione non comprehendimus, igne spiritus et caritatis absumimus, et non tantum argumentis, quam sanctorum fidei et auctoritatibus credimus—Expos. in Levit. c. 7.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(Продолженіе *).

XVII вѣкъ.

Просвѣщеніе и литература XVII столѣтія отличаются особымъ, своеобразнымъ характеромъ и направленіемъ, въ зависимости отъ историческихъ условій того времени. Эта новая, такъ называемая, *схоластическая* образованность, возникшая въ юго-западной Руси во второй половинѣ XVI вѣка, сосредоточивается главнымъ образомъ въ Кіевѣ, затѣмъ юго-западное просвѣщеніе переходитъ и на Сѣверо-востокъ—въ Москву. Такимъ образомъ литературная дѣятельность XVII вѣка распадается на два отдѣла.

Борьба съ католичествомъ въ юго-западной Россіи. Братскія школы. Схоластика. Кіевская Академія. Зарожденіе и развитіе новаго просвѣщенія въ юго-западной Руси было вызвано слѣдующими историческими обстоятельствами. Въ 1569 году, при польскомъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ, юго-западная Русь, вмѣстѣ съ Литвою и Бѣлоруссіей, была присоединена къ Польшѣ. Чтобы сдѣлать это соединеніе болѣе прочнымъ, Польша задумала окончательно обезличить юго-западную Русь: уничтожить въ ней русскій языкъ, народность и главный оплотъ народности—вѣру православную. Дѣло обращенія православныхъ въ католицизмъ поручено было Сигизмундомъ ордену іезуитовъ, которые дѣйствительно явились сильнѣйшимъ орудіемъ въ исполненіи этого плана. Съ свойственными имъ необыкновенно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8, за 1897 г.

веннымъ лукавствомъ и желѣзною энергіей принялись іезуиты за свою миссію: они начали писать и распространять множество сочиненій, направленныхъ противъ православія и въ защиту католицизма; во всѣхъ главныхъ городахъ, польскихъ и русскихъ, іезуиты стали заводить школы и захватили въ свои руки воспитаніе дѣтей высшаго русскаго общества, чтобы такимъ путемъ сдѣлать изъ нихъ ревностныхъ приверженцевъ латинства и враговъ православія и русской народности. Одинъ изъ современныхъ свидѣтелей успѣховъ іезуитовъ, сначала самъ православный, а подѣ конецъ рьяный католикъ, Кассіанъ Саквичъ, такъ объясняетъ причины перехода своихъ собратій въ католичество: „дѣти русской шляхты, пишетъ онъ, учась въ школахъ, академіяхъ и коллегіяхъ католическихъ, привыкаютъ къ церковнымъ обрядамъ римской церкви, а вышедши изъ школы, или опредѣляются въ военную службу, или поступаютъ во дворъ какого-нибудь католическаго пана и въ послѣднемъ случаѣ должны ходить съ папомъ въ костелъ; въ военной же службѣ принуждены участвовать съ товарищами и въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, и въ ѣдѣ, а потомъ, привыкнувъ къ католическимъ обрядамъ, отступаютъ отъ своихъ русскихъ и, вообще, на дворѣ ли у пана, въ военной ли службѣ—уже не любятъ, чтобъ ихъ называли русскими, такъ что имъ, по необходимости, надобно приставать къ католичеству“¹⁾. Дѣйствуя на высшее русское общество посредствомъ школьнаго воспитанія и сочиненій, іезуиты для простаго русскаго народа устроили, такъ называемую, *Унію*, какъ бы соединеніе православной Церкви съ католической²⁾. Притѣсненія вѣры и народности вызвали въ русскомъ народѣ сильное противодѣйствіе, ожесточенную борьбу противъ Польши и католичества. Борьба эта выразилась, съ одной стороны, въ

1) Антоній, еп. Выборгскій. Изъ исторіи христіанской проповѣди. 1892 г. 415 стр.

2) Въ существѣ дѣла *Унія* была не соединеніемъ (отъ лат. unio) греческой Церкви съ римской, а *раздѣленіемъ* русской Церкви въ юго-западной Россіи на *православную и уніатскую*. Послѣдняя, въ лицѣ нѣсколькихъ русскихъ епископовъ и нѣкоторыхъ членовъ ополчившейся аристократіи, въ 1596 году присоединялась къ Риму признаніемъ главенства папы, но съ сохраненіемъ прежнихъ церковныхъ обрядовъ и славянскаго языка при богослуженіи.—Карауловъ. Очерки Истор. Русск. Лит. стр. 184.

цѣломъ рядѣ кровавыхъ казацкихъ войнъ, а съ другой—вызвала среди русскихъ на защиту православія и народности оживленную умственную дѣятельность. Силѣ іезуитовъ, которая заключалась прежде всего въ образованіи, нужно было противопоставить такую же силу; для успѣшнаго противодѣйствія имъ необходимо было распространить между русскими основательное образованіе въ духѣ православной Церкви. Заботу объ этомъ берутъ на себя сначала отдѣльныя личности. Еще до введенія уніи изъ среды образованныхъ русскихъ вельможъ выступаютъ два доблестныхъ борца за православіе и народность, это *кн. Андрей Михайловичъ Курбскій* и *кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій*.

Измѣна, хотя и вынужденная, царю и родинѣ несомнѣнно тяжелымъ гнетомъ лежала на душѣ кн. Курбскаго. Борьба за православную вѣру и русскую народность была для него истиннымъ подвигомъ, которому онъ посвятилъ все свои силы. Онъ писалъ цѣлыя посланія къ богатымъ и знатымъ лицамъ, умоляя ихъ не отдавать дѣтей своихъ въ іезуитскія коллегіи; заботился о переводахъ и распространеніи среди своихъ соотечественниковъ твореній отцовъ и учителей православной Церкви, самъ перевелъ Богословіе Дамаскина и написалъ исторію Флорентійскаго собора, на который часто ссылались католики въ спорахъ съ православными. Другой знаменитый поборникъ православія, кн. Константинъ Острожскій, открылъ высшее училищѣ въ Острогѣ и завелъ тамъ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богослужебныхъ, и что особенно важно, стараніями его издана была здѣсь въ 1580—1581 г. какъ сказано раньше, *полая славянская Библия*. Важнѣйшимъ побужденіемъ къ тому было опасное положеніе православной Церкви. „Видѣхъ Церковь Христову, говоритъ онъ, честною Его кровію искупленную отъ клятвы законныхъ, отовсюду враги противящимися попирае му и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему“. Помочь Церкви въ борьбѣ съ ея врагами, дать православнымъ крѣпкое оружіе для этой борьбы, состоящее въ знаніи и ясномъ пониманіи богооткровенныхъ истинъ слова Божія—вотъ та задача, которую имѣлъ въ виду досточтимый Острожскій издатель Библии. „Вождельніемъ же-

лахъ, говоритъ онъ своимъ собратіямъ по вѣрѣ, прежде даже не отъиду, вашему благочестію нѣкое дарованіе духовное оставити, въ немже царствіе Божіе и правду его хотяще обрѣсти возможете. И о семъ всегда, Бога благодаряще, память творите“. Изъ молитвы, приложенной къ этому изданію, видно, что кн. Константинъ считалъ напечатаніе полной славянской Библии дѣломъ великой важности, для успѣшнаго исполненія котораго необходима была особая помощь Божія. „Ты вѣси, Господи Боже мой, говоритъ онъ въ этой молитвѣ, яко въ твое пресвятое Имя умыслихъ и начахъ сіе пречестное дѣло, его же нынѣ Твоего милосердія благоволеніемъ и щедротами сподобихся видѣти свершеніе“. Важность задачи требовала особеннаго усердія и осмотрительности, особенныхъ заботъ о сохраненіи въ печати полноты и точности священнаго текста. Поэтому кн. Константинъ не удовольствовался спискомъ Библии, присланнымъ изъ Москвы царемъ Іоанномъ Грознымъ, но озаботился приобрѣтеніемъ еще нѣсколькихъ списковъ, для чего отправилъ отъ себя съ письмами довѣренныхъ людей въ монастыри греческіе, сербскіе и болгарскіе, а также и къ Константинопольскому патріарху Іереміи. Мысль объ общецерковной важности дѣла изданія славянской Библии вполнѣ сознавали и раздѣляли всѣ русскіе люди, свидѣтели этого колоссальнаго труда, для которыхъ были дороги интересы православія. Въ стихахъ, находящихся передъ текстомъ Острожской Библии и написанныхъ для прославленія князя Острожскаго, изданіе печатной славянской Библии ставится на ряду съ великими для христіанской Церкви дѣлами князей Владимира и Ярослава I-го. Вотъ эти стихи:

„Володимеръ свой народъ крещеніемъ просвѣтилъ,
Константинъ же благоразуміемъ Писанія освѣтилъ,
Ярославъ зданіемъ церковнымъ Кіевъ и Черниговъ украси,
Константинъ же единую соборную Церковь Писаніемъ възвыси“ 1).

Въ той же, Острожской, типографіи нѣсколько лѣтъ спустя было напечатано окружное посланіе кн. Константина ко всему юго-западному русскому православному міру по поводу гото-

1) О. Четыркинъ. Князь Константинъ Острожскій. Странникъ, 1882. III т. 379 стр.

вившейся уни. Въ этомъ посланіи кн. Острожскій является грознымъ обличителемъ отступниковъ отъ вѣры православной. „Отъ преименитыхъ благочестивыхъ родителей, пишетъ онъ, смолоду воспитанъ я былъ въ наказаніи истинной вѣры, въ которой и теперь, Божіею помощію укрѣпляемъ, пребываю; извѣстился я Божіею благодатію и увѣрился въ томъ, что кромѣ единой, истинной вѣры, во Іерусалимѣ насажденной, нѣтъ другой вѣры. Но теперь злохитрыми кознями вселукаваго діавола самые главные истинной вѣры нашей начальники, славою свѣта сего прельстившись и тьмою сластолюбія помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополитъ съ епископами, въ волковъ превратились, святой восточной Церкви отвергшись, святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселенскихъ отступили, къ западнымъ приложились, только еще кожей лицемѣрія своего, какъ овчиною, закрывая въ себѣ внутренняго волка, не открываются, тайно согласившись другъ съ другомъ, окаянные, какъ Хриstopродавецъ Іуда съ жидами, умыслили всѣхъ благочестивыхъ съ собою въ погибель вринуть, какъ самыя пагубныя и скрытыя писанія ихъ объявляютъ. Но чловѣколюбецъ Богъ не попуститъ въ конецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость въ любви христіанской и повинности своей пребудете. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, а о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Такъ какъ многіе изъ обывателей здѣшней области, святой восточной Церкви послушники, меня начальникомъ православія въ здѣшнемъ краѣ считаютъ, хотя самъ себя считаю я не большимъ, но равнымъ каждому, въ правовѣрїи стоящему, то изъ боязни, чтобы не взять на себя вины предъ Богомъ и передъ вами, даю знать вашимъ милостямъ о предателяхъ Церкви Христовой и хочу съ вами заодно стоять, чтобы съ помощію Божіею и вашимъ стараніемъ они сами впали въ тѣ сѣти, которыя на насъ готовили. Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе ихъ дѣла? Шесть или семь злонравныхъ чловѣкъ злодѣйски согласились, пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, которыми поставлены, отверглись и считаютъ насъ всѣхъ правовѣрныхъ безсловесными, своевольно осмѣнились отъ ис-

тины оторвать и за собою въ пагубу низвергать! Какая намъ отъ нихъ польза? вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ. Если татары, жидаы, армяне и другіе въ нашемъ государствѣ хранятъ свою вѣру ненарушимо, то не съ большимъ ли правомъ должны сохранить свою вѣру мы, истинные христіане, если только всѣ будемъ въ соединеніи и за одно стоять будемъ. А я, какъ до сихъ поръ служилъ восточной Церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ въ размноженіи священныхъ книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца всѣми моими силами въ пользу братій служить общаю¹⁾. Но отдѣльной личности трудно было бороться съ страшною силою іезуитской пропаганды,—и 29 мая 1596 года королевскій манифестъ возвѣстилъ православнымъ о совершившемся соединеніи церквей. Однако многолѣтняя ревностная дѣятельность доблестнаго защитника православія не могла не принести добрыхъ плодовъ на пивѣ Христовой: во-первыхъ, успѣхи уніи уже при самомъ пачалѣ несомнѣнно были ослаблены, во-вторыхъ, на борьбу съ латинствомъ были вызваны общественныя силы. О значеніи кн. Константина Острожскаго въ исторіи юго-западной Россіи, какъ защитника православія, пр. Макарій пишетъ: „По своей пламенной приверженности къ вѣрѣ отцовъ, по знатности своего рода, по своему необычайному богатству, по своему высокому положенію на государственной службѣ, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, по своимъ заслугамъ предъ королемъ и отечествомъ, князь Константинъ былъ самымъ ревностнымъ и вмѣстѣ самымъ могущественнымъ покровителемъ православной Церкви въ Литвѣ и Польшѣ, главнымъ вождемъ, руководителемъ и защитникомъ для православныхъ въ борьбѣ противъ уніи и латинства, незыблемою опорю и для православныхъ дворянъ и для православнаго духовенства. Это сознавали всѣ православные отъ восточныхъ патріарховъ до послѣдняго мірянина на западѣ Россіи; сознавали и сами враги, латиняне и уніаты, самъ король, самъ митрополитъ уніатскій, самъ папа, которые писали

¹⁾ Тамъ-же 551—553 стр.

къ князю и старались его привлечь на свою сторону. Если бы князь Острожскій перешелъ въ унию, за нимъ, какъ думали тогда, послѣдовали бы всея русскіе дворяне и духовенство и народъ, развѣ за весьма немногими исключеніями: такъ великъ былъ авторитетъ князя. По крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что если бы онъ не сталъ на защиту православія, то успѣхи униі были бы несравненно быстрѣе и рѣшительнѣе¹⁾. Это подтвердилось скоро послѣ его кончины (13 февраля 1608 г.). Русскіе дворяне, одинъ за другимъ, тихо и незамѣтно начали переходить не въ унию, а прямо въ латинство, тѣмъ болѣе, что папство нашло себѣ приверженцевъ даже среди сыновей Острожскаго и Курбскаго.

Бѣдственное положеніе Церкви вызвало на защиту православія, вслѣдъ за едвичными силами, цѣлыя общества, такъ называемыя *Церковныя Братства*. Братства, или Братчины—древне-русское учрежденіе, имѣвшее мѣсто и значеніе тамъ, гдѣ существовало самостоятельное развитіе городской жизни, въ сѣверо-восточной Руси—напримѣръ, въ Новгородѣ и Псковѣ, въ юго-западной—въ городахъ, пользовавшихся такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ, которое развило здѣсь цеховое устройство. На Юго-западѣ братства возникаютъ въ XV вѣкѣ (съ 1439 года). Цехи ремесленниковъ и купцовъ, группируясь около извѣстной церкви или монастыря, составляли отдѣльныя общества, или братства, съ своимъ особымъ уставомъ, утверждавшимся обыкновенно духовными и свѣтскими властями, съ своимъ самостоятельнымъ судомъ и управленіемъ²⁾. Къ нимъ примыкали люди и изъ другихъ сословій: изъ шляхты (дворянства), духовенства и крестьянъ. Членами братства могли быть только лица, твердо державшіяся православія. Первоначально эти общества имѣли цѣль филантропическую, главнымъ образомъ, матеріальную помощь бѣднымъ; послѣ они стали заботиться и о распространеніи грамотности въ народной массѣ. Такіе союзы, стройно организованные, представляли собою важную общественную силу, вполне способную въ слу-

1) Пр. Макарій. Исторія Русск. Церкви, X т. 358—359.

2) Карауловъ. Очерки Исторія Русск. Латер. 186 стр. прим.

чаѣ надобности съ успѣхомъ защищать свои общинные интересы. И эту силу дѣйствительно проявили во время уніи братства Литвы и юго-западной Россіи въ борьбѣ съ іезуитскою пропагандой. Необходимо было поднять уровень образованности среди православныхъ до той высоты, на которой стояла наука въ іезуитскихъ коллегіяхъ,—и братства открываютъ цѣлый рядъ высшихъ училищъ съ обширными программами: въ кругъ школьныхъ наукъ, кромѣ русскаго и славянскаго языковъ, входятъ латинскій языкъ, на которомъ велось преподаваніе почти всѣхъ предметовъ, греческій, польскій, грамматика, риторика, піитика, діалектика, философія и богословіе. Такія училища, въ противовѣсъ іезуитскимъ школамъ, открыты были во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ и Кіевѣ.

Построенныя по типу польскихъ и западно-европейскихъ іезуитскихъ школъ, братскія училища отличались тѣмъ же, такъ называемымъ, схоластическимъ направленіемъ науки, какое господствовало въ коллегіяхъ іезуитовъ. Сущность *схоластики* состояла не въ содержаніи, не въ сообщеніи новыхъ истинъ, а въ изученіи приемовъ и формъ при раскрытіи уже даннаго готоваго содержанія, которое заключалось въ христіанскомъ ученіи. Формы эти были взяты изъ древней науки и главнымъ образомъ изъ философіи Аристотеля. Эта языческая философія давала опредѣленныя рамки, въ которыя богословы влагали христіанское содержаніе. Подъ вліяніемъ такого направленія планъ и форма въ наукѣ получали гораздо большее значеніе, чѣмъ самая сущность науки; изучался не столько научный матеріалъ, сколько рядъ выработанныхъ Аристотелемъ и строго опредѣленныхъ діалектическихъ формулъ. Въ школахъ больше всего цѣнилось умѣнье доказывать данное положеніе и способность опровергать всякое возраженіе противника, на основаніи опредѣленныхъ школьныхъ ¹⁾ приемовъ и оборотовъ. Поэтому діалектикѣ, развивающей искусство вести словесную борьбу, тамъ отведено было особенно важное мѣсто, и учащіеся постоянно упражнялись въ *диспутахъ*. Какъ наука *формальная*, схоластика всего болѣе отвѣчала насущнымъ потребностямъ русскаго образованія. Древне-русскіе грамотен, какъ мы видѣ-

¹⁾ Отсюда и самое названіе *схоластика*, отъ лат. *schola*—школа.

ли, обладая большимъ запасомъ религіознаго знанія, съ усердіемъ почерпаемаго изъ Священнаго Писанія и свято-отеческихъ твореній, безъ систематическаго образованія не могли справиться съ своимъ умственнымъ богатствомъ. Схоластика дала для этого знанія строго выработанную систему; она стала воспитывать не просто начитанныхъ людей, но ученыхъ, способныхъ защитить истину и опровергнуть заблужденіе. Развѣтѣмъ строгаго логическаго мышленія, твердостію въ сужденіяхъ богословы были обязаны схоластикѣ: логическія формы, сами по себѣ безсодержательныя, въ приложеніи къ наукѣ усиливали твердость доводовъ и способствовали къ тому, что посредствомъ нихъ исчерпывалось полное опредѣленіе предмета. Схоластика изъ богослова приготовляла крѣпкаго борца въ спорахъ догматическихъ: тонкости діалектики, на которыхъ силились утвердить свое положеніе враги восточнаго православія, составляли и для православныхъ богослововъ оружіе для отраженія противниковъ. Простой способъ рѣшенія возраженій показался бы въ ту пору и самымъ противникамъ недостаточнымъ. Наконецъ строгая, разумная оцѣнка истинъ богословскихъ, когда разумъ держался въ своихъ предѣлахъ, вела къ тому, что эти истины принимали характеръ большей убѣдительности. „Перегорѣвъ въ горнилѣ схоластики, вытерпѣвъ этотъ тяжелый процессъ, богословіе явилось въ чистой, свѣтлой одеждѣ, которую оно выработало трудами схоластики“¹⁾. Отрицательная сторона схоластики сказалась въ томъ, что излишнее увлеченіе схоластическими тонкостями породило цѣлый рядъ слишкомъ искусственныхъ произведеній съ крайнимъ преобладаніемъ формы надъ содержаніемъ. Такое вліяніе схоластики особенно отразилось на южно-русской проповѣди.

Центромъ схоластической науки сдѣлалось *Кіевское братское училище*. Оно было основано братствомъ Богоявленской церкви около 1589 года и называлось (съ 1594 г.) школою „аллино-славянскаго и латино-польскаго письма“. Возвышеніемъ своимъ оно обязано знаменитому покровителю просвѣщенія, кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.

¹⁾ Истор. Хр. Покровскаго. Выпускъ III. 272—273 стр.

Петръ Могила (1597—1646) былъ сынъ молдавскаго воеводы. Располагая обширными матеріальными средствами, онъ воспитывался за границей и въ Парижѣ получилъ блестящее, по тому времени, образованіе. Затѣмъ онъ поступилъ въ ряды польскаго войска, но скоро оставилъ военную службу, и въ 1525 г. принялъ постриженіе въ Кіево-печерскомъ монастырѣ. Черезъ три года его сдѣлали архимандритомъ лавры, а потомъ вскорѣ и Кіевскимъ митрополитомъ. Бѣдственное положеніе единовѣрцевъ Петра Могила, страдавшихъ подъ гнетомъ польско-іезуитской пропаганды, и недостатокъ просвѣщенія между православными вызвали въ немъ благороднѣйшую рѣшимость посвятить и свое богатство и дѣятельность всей своей жизни на распространеніе и возвышеніе образованія въ юго-западномъ краѣ. Онъ начинаетъ съ того, что отправляетъ на свой счетъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей изъ иноковъ и мірянъ въ римскую и другія заграничныя академіи для окончанія образованія и приготовленія къ преподавательской дѣятельности. По возвращеніи ихъ изъ-за границы Петръ Могила приступаетъ къ устройенію въ Кіевѣ коллегіума, на подобіе тѣхъ, какіе уже были устроены іезуитами въ Польшѣ, по заграничному образцу. Первоначально онъ было думалъ основать высшую школу въ Печерскомъ монастырѣ, этой колыбели русскаго просвѣщенія; но Богоявленское братство упростило его не заводить новаго училища, а присоединить свои средства къ братскому училищу, болѣе 30 лѣтъ уже существовавшему при Богоявленской церкви. Петръ Могила согласился на это, и съ 1631 братская школа перешла въ его управленіе. Преобразованное училище получило и новое названіе: „Кіево-могилянскій Коллегіумъ“, въ честь своего преобразователя. Просвѣщенный благодѣтель школы выстроилъ на свои средства новое помѣщеніе для классовъ коллегіи, пожертвовалъ богатыя вотчины на ея содержаніе и на помощь бѣднѣйшимъ ея ученикамъ и завелъ при коллегіи бібліотеку. Для лучшей подготовки въ коллегію учениковъ Петромъ Могилой было устроено въ Винницѣ низшее приготовительное училище. Школьному дѣлу онъ отдавалъ и всѣ свои досуги, составляя учебники и пособія для развитія и совершенствованія учащагося юношества. Могилянскій кол-

легія, подобно коллегіямъ іезуитовъ, по курсу наукъ раздѣлена была на два отдѣленія: низшее (*studia inferiora*), состоявшее изъ шести классовъ, и высшее (*studia superiora*), въ которомъ было два класса: философіи и богословія. По примѣру западныхъ школъ и въ виду борьбы съ латинствомъ, господствующимъ языкомъ въ коллегіи былъ языкъ латинскій: всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и катихизиса, преподавались на этомъ языкѣ, на немъ писали сочиненія, на пемъ должны были говорить воспитанники, не только въ классахъ, но и дома; преподавали и греческій языкъ, но гораздо слабѣе, чѣмъ въ другихъ братскихъ школахъ. Изъ наукъ, кромѣ богословія и философіи, были преподаваемы: православный катихизисъ, арифметика, пѣтика и риторика. Богословіе преподавалось по западнымъ системамъ (Томы Аквината и др.) и имѣло полемическое направленіе: въ концѣ каждаго отдѣла обыкновенно помѣщался цѣлый рядъ возраженій и опроверженій. Философію преподавали по системѣ Аристотеля. Такъ какъ школа должна была готовить людей способныхъ спорить, защищать истину православія и опровергать заблужденія враговъ его, то богословско-философскіе диспуты, естественно, составляли существенную часть программы. Послѣ богословія и философіи самое важное мѣсто въ школьной системѣ занимала словесность, т. е. риторика и пѣтика. Риторика преподавалась по латинскимъ руководствамъ. Въ преподаваніи этой науки все вниманіе, по обстоятельствамъ того времени, было обращено на ораторскую рѣчь. Ученики постоянно были упражняемы по установленному плану и по извѣстной мѣркѣ въ составленіи ораторскихъ рѣчей самаго разнообразнаго характера и направленія. Пѣтика была преподаваема тоже по латинскимъ руководствамъ. Въ 1701 году указомъ Императора Петра I Кіево-могилянская Коллегія переименована была въ *Кіевскую Духовную Академію*.

Произведенія юго-западной литературы. Возвышеніе и развитіе образованности въ югозападной Руси привело естественно и къ усиленному развитію литературной дѣятельности. Поборники православія, съ одной стороны, вступаютъ въ богословскую полемику съ ревнителями католицизма, съ другой—обращаются къ русской паствѣ съ наставленіями въ истинахъ православной вѣры и правственности. Такъ появляется цѣлый

рядъ научно-богословскихъ сочиненій и проповѣдей. Кроме того, юго-западные ученые трудятся надъ переводами съ польскаго и латинскаго языковъ ученыхъ и учебныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ наукъ и сами принимаютъ за составленіе *учебныхъ руководствъ* по всѣмъ наукамъ и языкамъ, которые преподавались въ школахъ и преимущественно въ Кіевскомъ коллегіумѣ. Наконецъ, эти же ученые впервые перепосытъ къ намъ формы западной *поэзіи*. Все это писалось особеннымъ литературнымъ языкомъ, образовавшимся изъ смѣшенія церковно-славянскаго языка съ польскимъ и малорусскимъ, и печаталось въ братскихъ типографіяхъ. Вслѣдствіе преимущественнаго вліянія польской литературы и образованности въ языкѣ югозападныхъ русскихъ писателей особенно много встрѣчается полонизмовъ. Многіе изъ нихъ даже писали по-польски и печатали свои книги на этомъ языкѣ.

Полемическія сочиненія противъ латинства. Между писателями, которые вели, въ защиту православія, ученую полемику съ католиками, обращаютъ на себя особенное вниманіе: Мелетій Смотрицкій, архіепископъ Полоцкій († 1633), Іоанникій Галатовскій, ректоръ Кіевской Коллегіи († 1688), и Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черниговскій († 1694). Богословскія сочиненія этихъ писателей уже могли, по своимъ ученымъ и литературнымъ достоинствамъ, стать въ уровень съ подобными же сочиненіями іезуитовъ. Даровитѣйшимъ дѣятелемъ, въ средѣ югозападнаго духовенства, сначала за православіе противъ католиковъ, а потомъ за католиковъ противъ православія, выступастъ Мелетій Смотрицкій ¹⁾. Ему принадлежитъ замѣчательный трудъ: „Ориносъ (плачь) восточной Церкви“, въ которомъ онъ яркими красками изображаетъ бѣдственное положеніе православной Церкви въ Литвѣ. Сочиненіе это было написано съ такою силою, что серьезно встревожило католиковъ; одинъ изъ нихъ, іезуитъ Петръ Скарга, знаменитый проповѣдникъ своего времени, счелъ пужнымъ написать на него возраженіе, на которое Смотрицкій, въ свою очередь, отвѣчалъ новымъ сочиненіемъ: „Верификація, или оправданіе невинности и опроверженіе мнѣній, увижающихъ русскій народъ“. Галатовскій противъ католицизма написалъ два сочиненія: „Бесѣда

¹⁾ Получилъ образованіе въ іезуитскихъ школахъ въ Вильнѣ.

Бѣлоцерковская“—изложеніе спора съ іезуитомъ Пекарскимъ, происходившаго въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и „Старая восточная церковь новой западной церкви показываетъ исхожденіе Св. Духа“—опроверженіе католическаго ученія о восьмомъ членѣ символа вѣры. Бараповичъ на книгу католика Боймы о томъ же догматѣ отвѣчалъ своею книгою: „Новая мѣра старой вѣры“.

Южно-русская проповѣдь. Южно-русская проповѣдь не отличалась самостоятельностью. Въ построеніи своихъ проповѣдей, въ развитіи ихъ содержанія, наконецъ въ слогѣ, тонѣ и внѣшнихъ приѣмахъ проповѣдники XVI и XVII вѣковъ въ югозападной Руси слѣдовали правиламъ схоластической науки и подражали латино-польскимъ образцамъ. Отличительную черту въ построеніи южно-русской проповѣди составляетъ искусственная систематизація гомилетическаго матеріала, какъ естественное слѣдствіе схоластическаго образованія. Іоанннкій Галатовскій въ своемъ гомилетическомъ руководствѣ: „Наука, албо (или) способъ зложенія казаній (проповѣдей)“, приложенномъ къ сборнику его проповѣдей—„Ключу разумѣнія“, такъ опредѣляетъ составъ проповѣди: „кто хочетъ составить проповѣдь, тотъ долженъ прежде всего положить изъ Св. Писанія ѳсму, которая служитъ фундаментомъ всей проповѣди, потому что, сообразно съ темою, располагается вся проповѣдь, состоящая изъ трехъ частей. Первая часть—*экзордіумъ*, вступленіе, въ которомъ проповѣдникъ дѣлаетъ приступъ къ тому, о чемъ хочетъ говорить, обозначаетъ слушателямъ предметъ своей проповѣди и проситъ Бога и Пречистую Дѣву о помощи, а слушателей о вниманіи. Другая часть—*наррація*; въ этой части проповѣдникъ говоритъ людямъ о томъ, о чемъ обѣщаль говорить. Эта часть самая большая, въ ней вся проповѣдь замыкается и къ ней остальные части стягиваются. Третья часть—*конклюзія*, заключеніе. Здѣсь проповѣдникъ напоминаетъ то, о чемъ говорилъ въ нарраціи, и, сообразно содержанію ея, увѣщаетъ слушателей, чтобы они любили вышесказанное добро и остерегались вышесказаннаго зла“¹⁾. Всѣ эти части должны быть согласны съ темою проповѣди. „Какъ изъ малаго русла; замѣчаетъ Галатовскій, выходитъ великая рѣка, и вода въ этой рѣкѣ соединяется съ тою водою, кото-

¹⁾ Ключъ разумѣнія. Изд. Кіево-печерской Лавры. 1660 г. I ч. 241 л.

рая находится въ руслѣ, такъ изъ малой темы образуется обширное слово, части котораго должны быть согласны съ темою, такъ чтобы то, что находится въ темѣ, находилось п въ экзордїумѣ, и нарраціи, и конклюзиѣ“¹⁾). Такія правила о темѣ являются новостью, ихъ не знала старинная русская проповѣдь. Заглавія древне-русскихъ поученій въ старинныхъ сборникахъ свидѣлствуютъ о крайней неопредѣленности содержанія и отсутствіи системы въ древнихъ проповѣдяхъ. Духъ школы, создавшій южно-русскую проповѣдь, не могъ мириться съ такими, напримѣръ, заглавіями древнихъ русскихъ поученій: „Поученіе избрано отъ Св. Писанія, како подобаеть христіанамъ жити“, или: „Поученіе отца духовнаго дѣтямъ-православнымъ христіанамъ“; также: „Слово св. Василія о смерти; въ томъ словѣ пишеть о любви“, или: „Слово о милостынѣ и яко не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя“ и т. п. Правила схоластической проповѣди на первый планъ ставятъ требованія *вемы*, которая должна служить фундаментомъ всей проповѣди.

„Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ, говоритъ Іоанникій Галатовскій, откуда намъ взять матерію, изъ которой мы могли бы составить проповѣдь? Отвѣчаю: нужно читать Библію, жизнеописанія святыхъ, творенія учителей церковныхъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Аѳанасія, Θεодорита, Ефрема, Іоанна Дамаскина и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ Св. Писаніе“²⁾). Библія и свято-отеческія творенія, какъ источники проповѣднаго слова, конечно, не составляютъ отличительной особенности южно-русской проповѣди: они общи и необходимы для всѣхъ одинаково христіанскихъ проповѣдниковъ; но вмѣстѣ съ этими, главными, въ гомилетическомъ руководствѣ Галатовскаго указаны также совершенно своеобразные второстепенные источники, пользованіе которыми составляетъ отличительную черту средневѣковой латинской, а затѣмъ, по ея примѣру, и южно-русской проповѣди. „Нужно читать проповѣднику, сказано тамъ, исторію и хроники о различныхъ панствахъ п странахъ, что въ нихъ дѣлаеться и дѣлалось. Нужно читать книги о звѣряхъ, кам-

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же, 246 л.

няхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности, и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочетъ говорить“¹⁾). Такимъ образомъ южно-русскій проповѣдникъ могъ пользоваться безмѣрно-обширною областью исторіи и природы, насколько она постигалась тогдашнею наукою. Наконецъ, при изобрѣтеніи и расположеніи матеріи въ словѣ, Галятовскій совѣтуетъ имѣть въ виду общія мѣста, или циркумстанціи: „кто чинилъ, что чинилъ, въ какомъ мѣстѣ, съ кѣмъ, какимъ способомъ, въ какое время“? Для руководства начинающій проповѣдникъ долженъ читать, по мнѣнію Галятовскаго, лучшіе образцы проповѣдей и имъ слѣдовать. „Если ты будешь, говоритъ этотъ ученый гомилетъ объ источникахъ и образцахъ церковнаго слова, читать тѣ книги и поученія, то найдешь въ нихъ обширную матерію, изъ которой можешь составить поученіе во славу Божию, въ отпоръ еретикамъ и на утверженіе вѣрныхъ“²⁾).

Изъ послѣднихъ словъ Галятовскаго видно, что проповѣдное слово въ юго-западной Россіи прежде всего должно имѣть въ виду ту же цѣль, что и богословская наука: оно должно быть орудіемъ защиты и нападенія, должно укрѣплять преданность православію и противодѣйствовать католицизму. Лазарь Барановичъ назвалъ одинъ сборникъ своихъ проповѣдей „Мечемъ духовнымъ“, „еже есть глаголь Божій на помощь церкви воюющей, изъ устъ Христовыхъ поданный“. Цѣлый рядъ южно-русскихъ проповѣдей представляетъ собою не что иное, какъ отдѣльные богословскіе трактаты, только произносимые съ церковной кафедрой. Если произведенія южно-русской проповѣднической литературы разсматривать по отдѣламъ со стороны ихъ *темъ* и дальнѣйшаго *построенія*, то указанная проповѣди нужно выдѣлить въ особую *научно богословскую* группу. Такъ какъ тема такой проповѣди берется изъ богословскаго учебника, то, естественно, и все дальнѣйшее построеніе проповѣди располагается по рубрикамъ, принятымъ въ тогдашнемъ учебникѣ. Такъ, напри- мѣръ, въ словѣ на день Богоявленія проповѣдникъ, желая изло-

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же.

жить своимъ слушателямъ ученіе о таинствахъ, говоритъ: „Такъ какъ Господь крестился для того, чтобы установить намъ таинство крещенія, то по этому поводу я хочу говорить о всѣхъ таинствахъ, которыя суть видимые знаки невидимой благодати Божіей. Итакъ, я покажу въ своей проповѣди, какая каждая таинства матерія, какая форма, какая польза (пожытокъ“) ¹⁾. Эти слова ясно опредѣляютъ составъ проповѣди. Къ этому же отдѣлу относятся и проповѣди на темы изъ области нравственнаго богословія. Таково, напримѣръ, слово на Вознесеніе Господне, въ которомъ говорится о трехъ ступеняхъ, ведущихъ на небо, т.-е. о вѣрѣ, надеждѣ и любви ²⁾.

Такъ какъ изученіе исторіи не процвѣтало въ южно-русскихъ школахъ схоластической эпохи, то нѣтъ почти и проповѣдей историческаго характера. Правда, отдѣльные кусочки историческаго матеріала попадаются въ проповѣдяхъ XVI и XVII в. очень часто, но они обыкновенно имѣютъ легендарный характеръ и скорѣе сообщаютъ проповѣди занимательность, нежели поучаютъ слушателей раскрытіемъ историческаго факта. Такъ, одинъ проповѣдникъ въ доказательство того, что имя Пр. Дѣвы было извѣстно задолго до рождества Христова, приводитъ такую легенду: При палѣ Гоноріи III-мъ, въ царствованіе Фридриха II-го и Фердинанда, короля кастильскаго, одинъ еврей для расширенія своего виноградника раскапывалъ сосѣднюю скалу и докопался до чего-то очень твердаго; это оказалась книга, состоящая изъ деревянныхъ листовъ, въ которой по-еврейски, гречески и римски было написано о троякомъ свѣтѣ отъ Адама до антихриста. Начало сказанія о третьемъ свѣтѣ читалось такъ; „въ третьемъ мірѣ сынъ Божій родится отъ дѣвы Маріи и пострадаетъ за спасеніе человѣческое“. Не трудно видѣть, насколько подобнаго рода легенды правдоподобны и достойны возвѣщенія съ церковной кафедры. Очень рѣдко можно встрѣтить проповѣдь цѣльнаго историческаго содержанія. Таково слово на день св. Онуфрія, изъ текста: *Яко чудо многимъ*, гдѣ проповѣдникъ беретъ матеріалъ изъ гражданской исторіи. На заданный вопросъ: какимъ чудомъ былъ св. Онуфрій?—онъ припоминаетъ, что семь чудесъ было

¹⁾ Тамъ же 28 л.

²⁾ Тамъ же 101 л.

на свѣтѣ: стѣны вавилонскія, пирамиды египетскія, колоссъ родосскій, статуя Юпитера олимпійскаго, храмъ Діаны ефесской, дворець Кира, царя мидійскаго, и мавзолей, построенный Артемизіею, царицею карійскою. Въ проведеніи натянутой аллегорической параллели между чудесами древняго міра и доблестями преп. Онуфрія и состоитъ вся проповѣдь. Примѣръ подобной искусственной аллегорической параллели представляетъ также проповѣдь, гдѣ монастырь уподобляется троянскому коню. „Уподоблю монастырь коню троянскому, котораго Греки устроили изъ дерева, подобно великой горѣ, замкнули тамъ воиновъ и надписали на верху „жертва богинѣ Минервѣ“, а сами отступили. Трояне втащили этого коня въ городъ, какъ жертву богинѣ своей Минервѣ, не зная, что внутри сидятъ греческіе солдаты, которые ночью, вышедши изъ коня разрушили Трою огнемъ и мечомъ. Такъ и въ каждомъ монастырѣ скрываются воины Христовы, монахи, которые троякимъ крестомъ духовнымъ троякихъ непріятелей душевныхъ поражаютъ“. Впрочемъ, встрѣчаются иногда въ проповѣдяхъ довольно удачныя приспособленія историческаго характера. Иногда проповѣдникъ для подтвержденія какой либо нравоучительной мысли удачно приводитъ историческіе примѣры. „Дозналъ непостоянство жизни человѣческой Сеянъ, великій сенаторъ римскій, которому язычники приносили жертвы, какъ Богу,— который ѣздилъ на колесницѣ и подписывался на ряду съ импер. Тиверіемъ, а потомъ измѣнило Сеяну счастье: отрублена у него голова, и трупъ влachimъ по улицамъ и брошенъ въ Тибръ. Дозналъ непостоянство жизни Велизарій, германъ греческій, который побѣдилъ столько королей, а потомъ выколоты были ему очи, и сталъ онъ убогимъ нищимъ, и просилъ милостыни на константинопольской площади. Дозналъ непостоянство человѣческой жизни Баязеть, могучій король турецкій, предъ которымъ дрожали Египеть, Сирія, Арменія и другія страны, а потомъ Тамерланъ, царь татарскій, плѣнилъ его на войнѣ, посадилъ въ клѣтку, и сядясь на коня, ступилъ ему на шею“¹⁾ и т. д. Вообще же въ южно-русскихъ проповѣдяхъ выборъ матеріала обыкновенно также произволенъ, какъ и произвольно раскрытіе мыслей посредствомъ искусственной, натянутой аллегоріи.

1) Покровскій. Истор. Хр. III в. 357. 359 стр.

Южно-русскіе проповѣдники очень любили *аллегорическія* сопоставленія, и проповѣди, построенныя на аллегоріи, метафорѣ, символахъ и сравненіяхъ составляютъ самый большой и характерный отдѣлъ южно-русскаго проповѣднаго слова. Самый простой видъ аллегорической проповѣди представляютъ церковныя слова, разъясняющія какую нибудь метафору. Такъ, восхваляя Богоматерь, южно-русскіе витіи составили множество проповѣдей, въ которыхъ раскрывали уподобленія Пр. Дѣвы небу, дому Соломонову, радугѣ, морю, граду твердому, вратамъ, замку, жезлу Моисееву, зеркалу, лиліи. Есть проповѣди, въ которыхъ выясняется сходство Христа Спасителя со львомъ, съ рощею масличною, съ цвѣткомъ, камнемъ. Іоаннъ Предтеча уподобляется соловью, Іоаннъ Богословъ—печати, св. Николай—солнцу, св. Савва—розѣ и лиліи, св. Антоній—муравью, крестъ Христовъ—мечу и рогу и т. д. Построеніе подобныхъ проповѣдей не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Все дѣло въ томъ, чтобы найти подходящую метафору. Для этой цѣли Іоанникій Галытовскій совѣтуетъ проповѣднику обращать вниманіе на толкованіе имени, которое можетъ дать обильный матеріалъ для развитія темы. Пользуясь однимъ этимъ способомъ, можно, по словамъ Галытовскаго, написать цѣлую проповѣдь. Въ воскресный, напр. день прилично разъяснить, что Творецъ міра называется Богомъ или отъ богатства милосердія, по слову Апостола Павла: *Богъ богатъ сый въ милости*, или отъ богатства премудрости, по слову того же Апостола: *о глубина богатства, премудрости и разума Божія!* Также можно составлять проповѣди и на праздники въ честь святыхъ: на день св. Христофора (что значитъ—Христоносецъ) можно говорить о долгѣ христіанина носить Христа въ сердцѣ своемъ, какъ это дѣлалъ празднуемый угодникъ; въ день св. Василия (царь) прилично бесѣдовать о царствованіи надъ своими страстями, подобно св. Василию, который за это теперь царствуетъ на небесахъ; въ праздниѣ свят. Николая (побѣдитель) можно развить мысль о побѣдѣ надъ врагами души и т. п. Подобное толкованіе именъ нашло себѣ мѣсто, напр. въ словахъ Лазаря Барановича: на великомученика Θεодора, св. равноапостольнаго князя Владимира и святителя Николая. Θεодоръ значитъ даръ Божій; поэтому темою проповѣди

служить текстъ: „всякъ даръ совершенъ“. Владиміръ нареченъ въ крещеніи Василиемъ, т. е. царемъ: „подобало ему въ крещеніи принять имя царское, ибо онъ крещеніемъ приуготовился къ царству небесному. Онъ былъ сынъ Свѣтослава, который не далъ ему ни славы, ни свѣта. Свѣтомъ разума просвѣтилъ его Сынъ Божій, какъ свѣтъ, пришедшій въ міръ, да будетъ Владиміръ не именемъ, но дѣломъ сынъ Свѣтослава“. Подобная же игра словъ и въ проповѣди па св. Николая Чудотворца: „упроси о мирѣ, Міръ-Ликійскій чудотворче. Сотвори наибольшее чудо, да въ мірѣ миръ будетъ. Самое имя твое проситъ мира, ибо въ мірѣ весьма неполезно безъ мира“¹⁾. Толкованіе имени является лучшимъ пособіемъ также и для составленія надгробныхъ словъ. Если напр. умершаго звали Стефаномъ (что значитъ—вѣнецъ, корона), въ проповѣди можно говорить о томъ, какую корону приготовилъ для себя умершій изъ своихъ добродѣтелей²⁾. Южно-русскіе проповѣдники были вообще очень изобрѣтательны въ построеніи аллегорической параллели. Галятовскій напр. въ словѣ на Успеніе Божіей матери изъ текста: *предста царица одесную тебѣ, въ ризы позлащены одѣяна* (Псал. 44, 10), начинаетъ разбирать нитки, изъ которыхъ Богоматерь соткала себѣ ризу. Нитки эти: льняная, шерстяная, шелковая и золотая—имѣютъ, по его мнѣнію, символическое значеніе и означаютъ своими качествами разныя добродѣтели Пр. Дѣвы. Нитка льняная означаетъ терпѣніе и умерщвленіе плоти и страстей; шерстяная—чистоту и невинность; шелковая—смирненіе и покорность; золотая—мудрость. Ленъ означаетъ терпѣніе, потому что приготовляя его мучатъ, сушатъ, трутъ и бьютъ; шелкъ означаетъ покорность, потому что шелкъ, какъ покорный человѣкъ, отлпчается мягкостію: его можно согнуть, какъ угодно,—но въ то же время и крѣпостію: его трудно разорвать³⁾ и проч. Въ выясненіи этой хитро придуманной параллели и состоитъ вся проповѣдь. Иногда матеріаль для аллегорическихъ сближеній юго-западныя проповѣдники брали даже изъ басенъ. Такъ, Антоній Радиви-

1) Галаховъ. Истор. Русск. Слов. I т. 366.

2) Ключъ разумнія I ч. 248 л.

3) Тамъ же. 146—153 л.

ловскій, игуменъ Николаевскаго монастыря въ Кіевѣ, приводитъ въ одномъ изъ своихъ словъ басню о договорѣ между львомъ, лисицей и осломъ—дѣлить добычу поровну, при чемъ дѣлаетъ изъ нея очень странный выводъ, совершенно не соотвѣтствующій природѣ изображенныхъ въ баснѣ дѣйствующихъ лицъ. Глупый оселъ, при первой добычѣ, хотѣлъ взять себѣ равную со львомъ часть, за что и былъ имъ растерзанъ; а хитрая лиса, уступая все льву, получила отъ него больше, чѣмъ ей слѣдовало. Отсюда выводится мораль: гордыхъ ожидаетъ наказаніе, а смиренныхъ награда. Такимъ образомъ гордость нашла себѣ олицетвореніе въ ослѣ, а смиреніе, какъ христіанская добродѣтель, въ лисицѣ. Но больше всего матеріала для аллегорическаго раскрытія своихъ мыслей южно-русскіе проповѣдники заимствовали изъ полной въ то время фантастическихъ разсказовъ естественной исторіи и не менѣе фантастичной астрологіи. Такъ, въ одной проповѣди по числу пяти литеръ, составляющихъ имя *Марія* (*a*), проповѣдникъ подбираетъ пять дорогихъ камней. Буквѣ *m* соотвѣтствуетъ магнитъ, *a*—аметистъ, *p*—рубинъ, *i*—іасписъ, *a*—ахатесъ. При этомъ добродѣтели Пр. Дѣвы сопоставляется съ свойствами каждаго камня. Въ другой проповѣди—на текстъ: *се лежитъ сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили* (Лук. 2, 34) и на тему: „какимъ камнемъ есть Христосъ“? проповѣдникъ, назвавъ Иисуса Христа многоцѣннымъ краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніи Церкви, насчитываетъ 10 камней, свойствами которыхъ пользуется для уподобленія имъ Христа Спасителя. Таковы: *карбункулъ* (такъ названный отъ огнистаго угля (*carbо*), блестящій днемъ и ночью и спасающій людей отъ моровой язвы; *ясписъ*, отнимающій силу у яда и останавливающій токъ крови; *сафиръ*, проясняющій зрѣніе; *хразалитъ*, отгоняющій меланхолію отъ человѣка, который носитъ его при себѣ; *бериллъ*, дѣлающій человѣка смѣлымъ на войнѣ; *огатокъ*, отгоняющій змѣя, почему и орелъ кладетъ этотъ камень въ свое гнѣздо, чтобы змѣй не поѣлъ дѣтей его; *аметистъ*, отгоняющій склонность къ пьянству; *смарагдъ*, любящій непорочность; *топазійонъ*, служащій символомъ перемѣны счастья человѣческаго, ибо отражаетъ въ себѣ человѣка стоящимъ вверхъ ногами; *магнитъ*, притягивающій къ себѣ желѣзо.

„Если бы, говоритъ проповѣдникъ, кого вибудь ранили пулею, которой нельзя было вынуть, или стрѣлою, остріе которой осталось въ тѣлѣ, тогда извлекаютъ и то и другое прикладываніемъ магнита къ ранѣ. Такъ и Христосъ притягиваетъ къ Себѣ грѣшныхъ, названныхъ въ книгѣ пророка Іереміи желѣзомъ: *желѣзо, вси растланни суть* (VI, 28). Былъ такимъ твердымъ желѣзомъ Фараонъ, котораго Богъ каралъ разными казнями... Такъ и теперь караетъ Онъ грѣшниковъ войною, голодомъ, повѣтріемъ, саранчею и другими напастями, дабы они покаялись и жили по заповѣдямъ¹⁾. Есть цѣлая проповѣдь, основанная на свѣдѣніяхъ о птицахъ. Проповѣдникъ, на основаніи словъ Апокалипсиса: *даны быша жень двѣ криль* (Апок. XII, 14) усваиваетъ Богоматери крылья и объясняетъ, какія птицы по своимъ качествамъ достойны послужить своимъ перьями для крылъ Богоматери. Такихъ птицъ насчитывается проповѣдникомъ двѣнадцать: *орель*, о которомъ рассказываетъ легенда, что онъ занесъ Аврелиана изъ колыбели въ церковь; *грифъ*, спереди похожій на орла, а сзади на льва; *лебедь*, предъ смертью своею жалобно поющій; *журавль*, чуткій,—чтобы не предаться сну, стоящій на одной ногѣ, а въ другой держащій камень,—и стерегущій своихъ товарищей; *боьяно* (утка), отличающаяся благодарностью своимъ родичамъ; *фениксъ*, воскресающій изъ мертвыхъ; *голубь*, вѣстникъ мира; *ласточка*, умѣющая находить зелье хелидонъ, служащее для прозрѣнія ея дѣтей; *моноцидіатъ*, никогда не садящійся на землю, не имѣющій ногъ, а прицѣпляющійся къ деревьямъ спиною; *галціонъ*, выющій себѣ гнѣздо на морѣ и тамъ же выводящій дѣтей безъ всякаго вреда; *порфирионъ*, египетская домашняя птица, перестающая ѣсть и умирающая, какъ скоро въ домѣ совершается какой либо тяжкій грѣхъ; *харадрій*, птица, узнающая и своимъ видомъ дающая знать, выздоровѣтъ ли умретъ больной человекъ. Въ проведеніи параллели между указанными качествами всѣхъ этихъ птицъ и доблестями Богоматери и состоитъ вся проповѣдь²⁾. Въ словѣ на Благовѣщеніе Іоанникій Галатовскій объясняетъ, почему Богоматерь называется небомъ. При этомъ, согласно съ средневѣковымъ астрологическимъ ученіемъ, проповѣдникъ насчитываетъ один-

¹⁾ Тамъ же. 46—53 л.

²⁾ Тамъ же. 189—197 л.

надцать небесъ: 1-е небо—самое нижнее; на немъ находится мѣсяць, благодаря которому человекъ растеть и изъ дитяти становится мужемъ; 2-е небо, на которомъ планета Меркурій; всѣ родящіеся подъ этою планетою бывають краснорѣчивыми ораторами; 3-е небо, на которомъ планета Венера; всѣ родящіеся подъ нею бывають охотники до милосердныхъ дѣлъ; 4-е небо, на которомъ солнце, благодаря коему люди имѣють смыслъ, зрѣніе, слухъ, вкусъ, обопяніе и осязаніе; 5-е небо, на которомъ планета Марсъ; родящіеся подъ этою планетою бывають смѣлыми и побѣдоносными рыцарями; 6-е небо, на которомъ планета Юпитеръ; родящіеся подъ нею бывають сильными и могучими; 7-е небо, на которомъ планета Сатурнъ, родящіеся подъ этою планетою бывають умными и расторопными; 8-е небо, на которомъ всѣ звѣзды, оно же называется твердь; 9-е небо кристальное, названное такъ по своей чистотѣ; 10-е небо первоображающее, такъ названное потому, что оно прежде другихъ обращается и влечетъ за собою и другія небеса; 11-е наивысшее небо, эмпирейское, которое служить престоломъ Божиимъ. Свойства всѣхъ небесъ проповѣдникъ пріурочиваетъ къ похвалѣ Богоматери. Она можетъ быть названа луной, такъ какъ малыхъ людей дѣлаетъ великими. Она можетъ быть названа солнцемъ: какъ отъ солнца люди получаютъ видѣніе, слышаніе, такъ Пресв. Дѣва даетъ людямъ смыслъ. Тѣ, которые родятся подъ вліяніемъ Марса, бывають храбрыми и одерживають побѣды, и Св. Дѣва даруетъ храбрость и побѣду надъ врагами и т. д. Подъ вліяніемъ Юпитера родятся люди сильные и крѣпкіе; Пресв. Дѣва дѣлаетъ людей сильными и крѣпкими и т. д. ¹⁾ Наконецъ, обильный матеріаль для развитія аллегоріи давало южно-русскимъ проповѣдникамъ произвольное символическое толкованіе библіи. „Хотите ли знать, слушатели, говорится въ одной проповѣди о побѣдѣ Іисуса Христа надъ смертію, куда смерть къ намъ вкралась, послушайте словъ пр. Іереміи: „смерть по окнамъ въ дома наши вниде“ (Іер. IX, 21). Вкралась, дѣйствительно, подобно вору и разбойнику смерть въ наше естество, какъ чрезъ окна, чрезъ пять чувствъ тѣлесныхъ. Такъ пришла смерть и въ тѣло Христа Спасителя нашего, какъ чрезъ 5 оконъ, чрезъ 5 ранъ Его на-

1) Тамъ же. 222—228.

ибольшихъ, вкралась между двумя разбойниками на горѣ Голгоетской по злодѣйски, когда тьма была по всей землѣ. Но теперь, когда Христось воскресъ изъ гроба, какъ побѣдитель смерти, сказавши: *Азъ есмь воскресніе и животъ* (Іоан. XI, 25), теперь уже смерть никакъ не можетъ утечь отъ Христа, ни окномъ, ни даже дверьми, ни въ какую темноту, никакимъ путемъ не уйдетъ смерть, подобно вору, чрезъ окно, потому что воскресшій Христось загородилъ ей окно. Не уйдетъ смерть отъ Христа даже и дверьми, ибо Христось побѣдитель смерти; и тамъ ей заступилъ дорогу, какъ Самъ говоритъ: *се стою при дверехъ* (Апок. III, 20), и еще: *Азъ есмь дверь* (Іоан. X, 9)¹⁾. Радивилловскій въ словѣ на недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ изъ текста: *ходяи Іисусъ при мори Галилейстѣмъ* и проч. (Матѣ. 4, 18), объясняетъ, что подъ моремъ Тиверіадскимъ можно разумѣть сей прелестный свѣтъ, и проводить параллель между міромъ и моремъ, между рыбами и людьми. „Въ мірѣ—въ семъ великомъ и пространномъ морѣ, говоритъ онъ, люди погружены, живутъ и дѣйствуютъ, какъ рыбы въ морѣ. Какъ въ морѣ Тиверіадскомъ были разныя ловленія рыбы, такъ и на семъ свѣтѣ, одни люди ловятъ богатство, другіе почести; одни роскошь, другіе ласку и пріязнь своихъ господъ. Какъ въ морѣ рыбы играютъ и бѣгають повсюду, какъ будто дѣлають что нибудь нужное и полезное, но иногда ничего не находятъ; такъ и люди бѣгають повсюду, гоняются за почестями, богатствомъ и роскошью прелестнаго свѣта и потомъ у него въ забвеніе приходятъ. Какъ въ морѣ большія рыбы пожирають меньшихъ, такъ то же бываетъ и на свѣтѣ, гдѣ богатые и сильные притѣсняють убогихъ и низшихъ подчиненныхъ лихвами, тяжкими поборами, судомъ. Какъ рыбы бывають сильны и рѣзвы только до тѣхъ поръ, пока находятся въ водѣ, а когда вытащутъ ихъ на землю, теряють свою силу и умирають; такъ и люди бывають смѣлы, высокодумны, неукротимы, пока не постигнетъ ихъ смертельная болѣзнь; увлеченные ею, какъ рыбы изъ воды, они выходятъ изъ сего роскошнаго свѣта, дрожатъ и боятся, говоря съ Псалмопѣвцемъ: *страхъ и трепетъ прииде на мя и покры мя тьма* (Псал. 54,

¹⁾ Истор. Хр. В. Цокровскій. III в. 365 стр.

6)“¹⁾. Лазарь Барановичъ въ недѣлю 8-ю по Пятидесятницѣ говоритъ о чудесномъ умноженіи хлѣбовъ и приравниваетъ пять хлѣбовъ евангельской исторіи (Матѳ. 14, 15—21) къ пяти язвамъ Спасителя, а двѣ рыбы—къ двумъ Его естествамъ, божескому и человѣческому, по отношенію же къ людямъ приравниваетъ пять хлѣбовъ къ пяти чувствамъ, а двѣ рыбы къ двумъ силамъ души человѣческой—разуму и волѣ. Онъ представляетъ Спасителя говорящимъ къ людямъ: „Я дамъ вамъ въ пищу Самого Себя, приму хлѣбъ и благословлю, преломлю и дамъ вамъ и реку: примите и ядите, сіе есть тѣло мое. И на трапезѣ крестной благоволю копіемъ и гвоздями изъяти пять хлѣбовъ изъ пяти язвъ тѣла Моего; дамъ вамъ и двѣ рыбы, Самого Себя—Бога и человѣка крестомъ, какъ удицею, уловити въ рѣкѣ крови Моея, и Самъ испеку Себя огнемъ любви къ роду человѣческому“... „Имѣете вы, сказалъ Господь ученикамъ, пять чувствъ тѣлесныхъ, какъ пять хлѣбовъ, и разумъ и волю, какъ двѣ рыбы: это брашно, угодное алчущей душѣ. Дадите ваше око—будьте окомъ слѣпому... дадите ухо просящему, покажите обоняніе ваше исполненнымъ благоуханія добродѣтелей, дабы люди, какъ пчелы, устремлялись на цвѣты вашихъ добродѣтелей. Покажите вашъ вкусъ въ томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Покажите осязаніе ваше въ томъ, чтобы прилѣпиться къ Господу. Дадите и двѣ рыбы: покажите вашъ разумъ и волю плавающими не въ потокахъ беззаконія, но въ водѣ, текущей въ животъ вѣчный, въ Законѣ Божіемъ“²⁾.—Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, что южно-русскіе проповѣдники имѣли большую склонность объяснять тайны міра духовнаго подобіями міра видимаго—пріемъ самъ по себѣ вполне цѣлесообразный: извѣстно, что и самъ Спаситель въ притчахъ открывалъ людямъ тайны царствія Божія; но между притчами Христа Спасителя и аллегорическими проповѣдями южно-русскихъ витій очень мало общаго. Чтобы построенное на аллегоріи слово дѣйствительно уясняло, а не затемняло и не извращало мысль, для этого необходимымъ условіемъ является дѣйствительное, а не вымышленное

1) Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. 629 стр.

2) Тамъ-же 633 стр.

сходство между сравниваемыми предметами, сходство постоянное и существенное, а не случайное, близкое, а не отдаленное. Южно-русскіе проповѣдники постоянно почти погрѣшали противъ этихъ правилъ. Они забывали, что всякая, даже самая удачная, метафора обыкновенно даетъ только одну черту сходства, а не полную копію сравниваемого предмета, и старались провести полное сближеніе между даннымъ предметомъ и взятымъ для него образомъ. Когда, на примѣръ, священный писатель называетъ Спасителя *львомъ отъ Іуды*, то, очевидно, разумѣетъ только Его могущество, свойство въ своемъ родѣ присущее и льву. Но южно-русскій проповѣдникъ не довольствуется одною чертою сходства, а перебираетъ всѣ свойства льва, притомъ взятыя изъ баснословныхъ разсказовъ, и прилагаетъ къ Іисусу Христу. Такъ получались искусственныя, произвольно развитыя аллегоріи. Поэтому не удивительно, что южно-русскіе проповѣдники не задумываясь переносили свои аллегоріи изъ одной проповѣди въ другую и такимъ чисто механическимъ путемъ изъ старыхъ проповѣдей выкраивали и составляли новыя слова и поученія. „Во второмъ словѣ на Срѣтеніе, говоритъ Галатовскій проповѣднику, изображаются дорогіе камни, которыми Христось называется; изъ этихъ дорогихъ камней ты можешь устроить архіерейскую корону св. Николаю. Тема будетъ та же: *положилъ еси на главъ его вѣнецъ отъ камене честна* (Псал. 20, 4). Въ narraціи изображай тѣ дорогіе камни и силу и свойства каждаго изъ нихъ приспособляй къ св. Николаю, какъ я приспособлялъ ко Христу. Также въ первомъ словѣ на усненіе Богородицы изображаются нитки, изъ какихъ пречистая Дѣва соткала себѣ ризу; изъ тѣхъ нитокъ можешь устроить ризу св. Онуфрію, который изображается нагимъ. Тему возьми такую: *аще видиши нага, одѣй* (Исаи 58, 7); въ narraціи изображай тѣ нитки (ляную, шерстяную и проч.), приспособляя свойство каждой къ св. Онуфрію, какъ я приспособлялъ ихъ къ Св. Дѣвѣ. А экзордіумъ и конклюдію къ коронѣ св. Николая и къ ризѣ св. Онуфрія можешь придѣлать, какія захочешь ¹⁾).

Н. Протопоповъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ключъ разумѣнія II ч. 125—126.

Положеніе и нужды нашего духовнаго, преимущественно высшаго, образованія.

Кажется, никакое другое учрежденіе не способно къ образованію въ своей средѣ столь твердаго и неизмѣнно хранимаго преданія, какъ школа. Устройство школы, науки изучаемыя въ ней, способы ихъ изученія и преподаванія,—все это, достигши наибольшей опредѣленности и устойчивости, затѣмъ съ удивительнымъ упорствомъ отстаиваетъ себя противъ всякихъ попытокъ къ нововведеніямъ и переменамъ. Ибо представители школы сами будучи воспитаны въ духѣ извѣстной системы, не иначе какъ въ духѣ той же системы продолжаютъ воспитывать и другихъ. Школа, по самому существу, есть органъ преданія. Вѣдь наставники и воспитатели могутъ съ успѣхомъ сообщать дальнѣйшему поколѣнію лишь то, что сами хорошо усвоили отъ своихъ предшественниковъ, на поприщѣ воспитанія и образованія, и руководить другихъ такъ какъ прежде ихъ самихъ руководили. Поэтому то стремленіе и попытки къ преобразованію школьнаго обученія и реформированію установившейся системы наукъ обыкновенно исходятъ отъ лицъ, стоящихъ внѣ школы и непосредственнаго участія не принимающихъ въ школьномъ дѣлѣ. Школьное дѣло не есть дѣло механическое; ово требуетъ всецѣлой преданности и самаго искренняго душевнаго участія въ немъ отъ того, кто на себя беретъ это дѣло и желаетъ вести его съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Итакъ, въ случаѣ преобразованія этого дѣла, школьный дѣятель долженъ преобразовать п самаго себя, измѣнить собственную натуру, сдѣлаться другимъ человекомъ. Вотъ почему всякія серьезныя перемены въ школьномъ дѣлѣ съ такимъ трудомъ усвоятся школой. Замѣчанія эти могутъ относиться однакожь только къ такой школѣ, которая обладаетъ дѣйствительно прочною и уже испытан-

ною организаціею, имѣеть живую связь съ дѣйствительностію того народа или общества, для котораго существуетъ, и пустила глубокіе корни въ этой дѣйствительности. Если же школа представляетъ собою искусственное, мало соответствующее условіямъ и потребностямъ жизни, учрежденіе или по крайней мѣрѣ не утвердившееся почему либо въ жизни, не достигшее органической связи съ дѣйствительностію, то такая школа легко поддается всякаго рода переменамъ, и даже всегда не безъ удовольствія ожидаетъ таковыхъ. У насъ напр. ничего не стоило бы отмѣнить принятую теперь классическую систему и ввести другую; такая переменна едва ли не большинствомъ не только общества, но и самаго школьнаго персонала была бы даже съ восторгомъ привѣтствована.

Наши духовныя школы старѣе далеко свѣтскихъ школъ. Однако никакихъ установившихся и чтимыхъ этими школами преданій въ нихъ нѣтъ. Школы эти съ нѣкоторыхъ поръ либо реформируются, либо наканунѣ реформы. И не то еще бѣда, что школы эти часто въ учебной своей части (экономическая часть—дѣло другое) реформируются. Хуже всего тотъ способъ какъ эти реформы задумываются и предпринимаются; никакой системы и никакого принципа въ замышляемыхъ и предпринимаемыхъ реформахъ школьнаго дѣла не замѣчается. Не такъ еще давно духовныя школы отличались прекраснымъ знаніемъ древнихъ языковъ, какое теперешнимъ свѣтскимъ школамъ представляется недостижимымъ идеаломъ; замѣчательные ученые выходили тогда изъ духовныхъ школъ (напр. митрополитъ Евгеній, митрополитъ Моск. Филаретъ, протоіерей Павскій, Надеждинъ проф. Московскаго университета, Кудрявцевъ проф. того-же университета; прот. Делицынъ, проф. Карповъ, проф. Неволинъ, Богородицкій—также заслуживаютъ упоминанія какъ отличавшіеся преданностію наукѣ). Но вотъ въ сороковыхъ годахъ рѣшено ввести въ кругъ семинарскаго преподаванія новые предметы (медицину, сельское земледѣліе, хозяйство), а также и въ училища (краткій учебникъ по русско-гражданской исторіи—Устрялова, катихизисъ Петра Могилы). Духовныя школы были тогда въ плохомъ состояніи по части экономической и педагогической (обращеніе съ учени-

ками было грубое и даже жестокое), но почему то обращено было вниманіе не на эти стороны быта духовныхъ школъ, а на учебную часть, которая менѣе нуждалась въ преобразованіи. Древніе языки мало по малу были отодвинуты на задній планъ; изученіе и знаніе ихъ пришло въ совершенный упадокъ. Ни медицина, ни сельское хозяйство, какъ предметы семинарскаго обученія, не оказали въ жизни никакого замѣтнаго дѣйствія; но направленіе воспитанниковъ получилось иное; изъ духовныхъ школъ въ 60-е годы выходили не ученые, а публицисты радикально-отрицательнаго направленія. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ 70-хъ годовъ предпринимается довольно рѣшительная реформа духовныхъ школъ. Мы ограничимся только разсмотрѣніемъ реформы духовныхъ академій, отъ которыхъ, въ отношеніи образованія, зависимы другія духовныя школы. Рѣшено было предметы академическаго образованія раздѣлить на три группы, вмѣнивъ въ обязанность студентамъ изучать и слушать, въ теченіе трехъ лѣтъ академическаго курса, одну лишь свободно избранную группу предметовъ; только не многіе предметы были выдѣлены изъ этихъ группъ какъ общеобязательныя, слушаніе которыхъ было обязательно для всѣхъ студентовъ. Такъ получилось три отдѣленія академій: *богословское*, *историческое* и *церковно-практическое*. Четвертый годъ академическаго курса былъ предназначенъ для спеціальнаго изученія студентами предметовъ свободно избранныхъ ими изъ числа обще-обязательныхъ, а также изъ предметовъ своей группы, или отдѣленія. Цѣль такого изученія избранныхъ предметовъ заключалась въ подготовленіи студентовъ къ будущей преподавательской дѣятельности. Сочиненія на кандидатскую степень писались на третьемъ году академическаго курса. Спустя немного времени (лѣтъ около десяти, или нѣсколько болѣе) раздѣленіе на отдѣленія въ академіяхъ было отмѣнено; возстановленъ прежде бывшій порядокъ обязательнаго слушанія всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ предоставленныхъ и теперь свободному избранію студентовъ. Предметы послѣдней категоріи суть слѣдующіе: всеобщая гражданская, древняя и новая, исторія, русская гражданская исторія и исторія русскаго раскола (послѣдняя теперь общеобязательна), русскій

языкъ, теорія словесности и исторія русской литературы, библейская археологія, древніе (кромѣ еврейскаго) и новыя языки, наконецъ исторія и разборъ западныхъ исповѣданій. Предметы эти дѣлятся на двѣ группы: *историческую* и *литературную*. Сочиненія на степень пишутся на четвертомъ году, такъ что прежде бывшаго спеціального приготовленія студентовъ къ преподавательской должности теперь не существуетъ, а, вмѣсто того, по окончаніи всего академическаго курса, оставляется при академіи два профессорскихъ стипендіата.

Несомнѣнно, что расширеніе круга предметовъ обученія въ духовныхъ школахъ, сдѣланное въ пятидесятихъ годахъ, исходило изъ побужденій чисто утилитарныхъ: и медицина, и сельское хозяйство—науки полезныя и необходимыя въ сельскомъ быту. Но по самому характеру духовнаго образованія, совершенно чуждаго всякихъ утилитарныхъ цѣлей, руководиться въ опредѣленіи задачъ и средствъ этого образованія соображеніями утилитарными значитъ дѣйствовать прямо во вредъ этому образованію, разстраивать и уничтожать свойственный ему характеръ. Во всякомъ образованіи самое важное условіе его успѣшности—*единство характера*. Есть школы *утилитарныя* по самому своему существу; таковы: *сельско-хозяйственныя*, *техническія*, такъ называемыя *профессіональныя* школы для изученія разныхъ ремеслъ. Все въ устройствѣ таковыхъ школъ,—и задачи и средства—должны оцѣниваться не иначе какъ съ точки зрѣнія утилитарной. Конечно, и въ такихъ школахъ въ систему образованія, сообщаемого въ нихъ, необходимо входитъ нравственно-религіозное воспитаніе, причѣмъ само собою разумѣется, что въ этой мѣрѣ вниманіе учащихся отвлекается отъ полезнаго и вреднаго и направляется на должное и противное тому. Но иное дѣло обученіе, и иное воспитаніе. Воспитаніе должно быть общее для всѣхъ школъ, одинаковое съ тѣмъ, какое существуетъ и внѣ школъ—въ семейной жизни, т. е., нравственно-религіозное. Нѣтъ воспитанія спеціального, которое было бы особеннымъ для каждаго особаго вида школъ. Не по воспитанію, а по обученію, по пред-

метамъ и цѣлямъ обученія, школы различаются между собою, а потому отличительный характеръ школы долженъ заключаться не въ системѣ *воспитанія*, общей для всѣхъ школъ, а въ системѣ, т. е., въ предметахъ, способахъ и цѣляхъ, *обученія*. Каковъ отличительный характеръ духовной школы? Онъ состоитъ въ томъ, что здѣсь воспитаніе должно совпадать съ обученіемъ, въ нераздѣльномъ единствѣ того и другого, чего нѣтъ и быть не можетъ ни въ какой иной школѣ. Преподаваніе Закона Божія напр. въ другихъ школахъ должно служить только воспитательнымъ средствомъ, совершенно отличнымъ отъ предметовъ и задачъ обученія, иногда требующимъ особаго съ ними согласованія напр. въ военныхъ школахъ; (Закономъ Божиимъ вмѣняется въ обязанность смиреніе и прощеніе обидъ, система военнаго обученія напротивъ требуетъ храбрости, защищенія своего достоинства, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ, почему требуется разграниченіе отношеній общаго характера, къ которымъ относятся обязанности христіанина, отъ тѣхъ особенныхъ отношеній, гдѣ выступаетъ на первый планъ долгъ воина); въ духовныхъ же школахъ Законъ Божій составляетъ предметъ спеціальнаго и всесторонняго изученія, въ виду особаго назначенія этихъ школъ готовить достойныхъ пастырей церкви—воспитателей и руководителей народа и общества въ дѣлѣ спасенія души. Въ виду этого особаго назначенія духовныхъ школъ самое обученіе въ нихъ должно имѣть воспитательный характеръ; оно должно дѣйствовать на умъ учащихся воспитывающимъ образомъ, именно воспитывать въ нихъ извѣстное умственное настроеніе, которое соотвѣтствовало бы нравственно-религіозному настроенію души и съ нимъ совпадало бы. Каково же должно быть это умственное настроеніе и каковы средства къ воспитанію его путемъ обученія?

Какъ извѣстно, главная и основная христіанская заповѣдь есть заповѣдь о любви къ Богу. Любить Бога значитъ прежде всего умственно усвоить образъ совершенствъ Божіихъ,—напечатлѣть и утвердить въ душѣ идеи таковыхъ совершенствъ, безъ чего невозможно и самое стремленіе къ возможному приближенію къ этимъ совершенствамъ въ своей жизни (Будьте совершенны...). Уподобленіе Богу—такова конечная цѣль человеческой

жизни. Въ чемъ же состоятъ совершенства Божіи и какъ возможно умственно усвоить образъ таковыхъ совершенствъ? Конечно изученіе христіанскаго вѣроученія и правоученія въ этомъ случаѣ должно быть поставлено на первомъ планѣ. Но для того, чтобы изученіе этихъ предметовъ могло быть дѣйствительно плодотворнымъ, разумѣется не вначалѣ, но впоследствии, для сего въ душѣ учащагося должна быть подготовлена почва къ должному воспріятію и усвоенію ихъ, необходимо прежде всего умственное развитіе, соотвѣтственное высотѣ и важности христіанскихъ истинъ и требованій христіанскаго закона. Совершенства Божіи—это *мудрость, благодать, всемогущество*. Итакъ что нужно и какимъ образомъ достигнуть, чтобы мудрость не была пустымъ словомъ, но живою силою, дѣйствующею въ нашей душѣ, идеаломъ возбуждающимъ наши душевныя силы къ бодрости и дѣятельности? Ясно, что для этого необходимо пріученіе къ чисто умственной работѣ, къ умственному труду отвлеченнаго характера, такъ чтобы самъ по себѣ этотъ трудъ, помимо какихъ либо происходящихъ отъ него выгодъ, услаждалъ насъ и радовалъ. Ибо тотъ любить истинно мудрость, кто стремится къ просвѣщенію, для кого умственный свѣтъ самъ по себѣ есть благо. Необходимо воспитать въ учащихся умственную бодрость, склонность къ умственной дѣятельности, къ размышленію, никогда не ослабѣвающему. Это есть истинное бодрствованіе духа, которое заповѣдуются Св. Писаніемъ. Лучшими средствами къ этой цѣли, какъ это доказывалось опытомъ многихъ вѣковъ, служить съ одной стороны изученіе древнихъ языковъ классическихъ ¹⁾, а съ другой—изученіе философіи и математики. Нѣтъ нужды говорить, что эти предметы могутъ имѣть все свое значеніе

1) Важное образовательно-воспитательное значеніе изученія древнихъ языковъ и вообще классическаго міра оправдывается долговременнымъ опытомъ. Если же у насъ классическая система образованія (въ гимназіяхъ) не приноситъ достойныхъ плодовъ, то это потому, что ни установившагося соотвѣтственнаго нашему духу преподаванія и изученія классическихъ языковъ, ни серьезныхъ преподавателей классицизма (послѣднее особенно важно) у насъ пока нѣтъ. Правда и на Западѣ раздаются голоса противъ классицизма и даже прінимаются мѣры къ ослабленію его; но это объясняется господствомъ въ наше время реализма и практицизма, мало склоннаго жертвовать реальными выгодами ради идеальныхъ цѣлей

лишь въ томъ случаѣ, когда имѣется преподаватель ихъ, самъ одушевленный тою же цѣлью и обладающій тѣми качествами, къ достиженію которыхъ, помощью изученія этихъ предметовъ, онъ долженъ руководить другихъ. Относительно всѣхъ предметовъ изученія это условіе само собою должно подразумѣваться. Другія совершенства Божіи—*благость и всемогущество* требуютъ воспитанія *любви къ добру* и ненависти ко злу во всѣхъ его видахъ, а съ другой стороны неразлучной съ такою любовью—*вѣры во всемогущество добра*, въ побѣдоносную его силу. Такая любовь и такая вѣра воспитываются умственнымъ созерцаніемъ разнообразныхъ проявленій добра со всѣми привлекательными его чертами, равно какъ и проявленій зла со всѣми отталкивающими его чертами. Обильный и наилучшій матеріалъ для такого созерцанія даютъ *исторія* и *литература*, въ которыхъ дѣйствительная жизнь, сопровождаемая ею порождаемыми идеалами, чувствованіями стремленіями, представляется какъ бы въ сокращеніи и сильно сконцентрированномъ видѣ.

Ап. Павелъ сказалъ: *я для всѣхъ былъ все, для того чтобы какъ либо спасти нѣкоторыхъ*. Слѣдуя этому примѣру, и пастырь церкви долженъ быть готовъ оказать услугу своимъ пасомымъ во всемъ касающемся ихъ благополучія. Но ужели поэтому нужно обучать будущихъ пастырей всѣмъ предметамъ, по которымъ можетъ оказаться надобность сдѣлать кому либо услугу? Однакожь Ап. Павелъ былъ всѣмъ для всѣхъ единственно ради того, чтобы спасти... Итакъ вспомошествованіе во всякомъ житейскомъ дѣлѣ должно быть только средствомъ къ достиженію высшей нравственно религіозной цѣли, средствомъ къ устроенію спасенія. А для этого самъ пастырь, располагая всякими общепользовными практическими свѣдѣніями, долженъ прежде всего обладать соответствующимъ той цѣли *настроеніемъ*. Вотъ это то настроеніе и должна школа сзумѣть воспитать въ своихъ питомцахъ прежде всего. Если только въ питомцахъ духовной школы дѣйствительно развито и утверждено должное настроеніе, чего ожидать довольно трудно (а при настоящихъ условіяхъ обученія, какъ увидимъ, даже невозможно), тогда, но только тогда, они могутъ запасаться всякими общепользовными свѣдѣніями, безъ вреда, и даже съ пользою

для своего будущаго призванія. При отсутствіи же сказаннаго условія, т. е. должнаго настроенія, обученіе предметамъ полезнымъ въ житейскомъ быту создаетъ въ учащихся привычку относиться ко всѣмъ вообще предметамъ обученія съ вопросомъ объ ихъ полезности и пригодности въ жизни. Такая привычка влечетъ за собою пренебреженіе къ предметамъ не подходящимъ подъ этотъ слишкомъ узкій и ограниченный масштабъ, каковы прежде всего древніе языки, а затѣмъ, какъ это всѣмъ извѣстно, той же участи подвергаются и предметы богословскіе.

Реформа духовно учебныхъ заведеній, произведенная въ началѣ семидесятыхъ годовъ, исходила не столько изъ яснаго сознанія потребностей и задачъ духовнаго образованія, сколько изъ духа времени: *то было время реформъ*. Самый характеръ реформы, по крайней мѣрѣ академическаго образованія, соответствовалъ духу времени. Тогда было всеобщее увлеченіе естественными науками, ихъ необычайными успѣхами. А важнѣйшимъ условіемъ процвѣтанія этихъ наукъ служить, собственное имъ, стремленіе къ *спеціализаціи* и *раздѣленію труда*, вслѣдствіе чего спеціализація и раздѣленіе труда были признаны всеобщими началами, необходимыми во всѣхъ сферахъ дѣятельности; каждый хотѣлъ быть спеціалистомъ по какой либо части; при рѣшеніи всякаго вопроса требовался отзывъ непременно спеціалиста. И такъ нужно было и въ духовныхъ школахъ, именно въ академіяхъ, учредить *спеціальности*, дабы могли явиться спеціалисты. И дѣйствительно, кромѣ того, что предметы преподаваемые въ академіяхъ были раздѣлены на три спеціальныя группы, каждый преподаватель считался спеціалистомъ своей науки, и хотя бы тотъ или иной преподаватель плохо зналъ свою науку и совсѣмъ не былъ мастеромъ въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе интересы всѣхъ другихъ наукъ уже онъ считалъ совсѣмъ постороннимъ и чуждымъ для себя дѣломъ; кромѣ того, мнѣніе каждаго спеціалиста, по предмету своей спеціальности, хотя бы онъ сдѣлался спеціалистомъ со вчерашняго дня, считалось рѣшающимъ. Преподавателю извѣстной науки, только что вступившему въ свою должность, поручалась (что и теперь дѣлается) крити-

ческая оцѣнка ученыхъ сочиненій,—диссертаций на ученые степени по предмету его специальности. Возникли специалисты и специальныя работы, можно сказать, не имѣющія ни какого значенія для цѣлей и потребностей духовнаго образованія.

И теперь дѣйствующій уставъ явился опять таки не почему либо иному, а только по сочувствію къ господствующему настроенію своего времени. Съ воцареніемъ покойнаго государя Александра III, какъ извѣстно, послѣдовала реакція въ отношеніи къ прежнему реформаторскому періоду. Было рѣшено, что увлеченіе реформаціоннымъ движеніемъ пошло слишкомъ далеко; многіе признаки указывали на то, что слѣдуетъ остановиться и одуматься, и даже,—насколько возможно и по мѣрѣ надобности,—сдѣлать поворотъ къ старому. Послѣдняя мысль и была положена въ основу теперь дѣйствующаго устава академій: раздѣленіе предметовъ на группы отмѣнено; большинство наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, признаны общезначительными для всѣхъ студентовъ; специальности и специалисты отнынѣ отмѣняются. И такъ вотъ въ чемъ заключается смыслъ дѣйствующаго теперь устава академій: *это есть возвращеніе къ старому и возможное его возстановленіе*. Конечно введеніе этого устава, какъ водится, предварялось разговорами о неудовлетворительности прежняго порядка вещей, но эти разговоры, какъ это тоже обыкновенно бываетъ, совсѣмъ не попадали въ цѣль: говорили, на примѣръ, о ненормальности такого положенія дѣла, по которому изучавшіе исторію церкви не слушали догматическаго богословія, и такимъ образомъ выходили изъ академіи не знающими самой важной богословской науки. Подобные разговоры приходилось часто выслушивать; но къ сожалѣнію тѣ, которые высказывали подобныя недоумѣнія, довольно наивныя, не задумывались надъ тѣмъ, что слушаніе лекцій (въ особенности обязательное) по извѣстной наукѣ, и изученіе ея, или хотя бы даже поверхностное ея усвоеніе—вещи совсѣмъ разныя, такъ что первымъ далеко не обеспечивается послѣднее.

Возстановленіе стараго во всей полнотѣ совершенно невозможно, ибо, по причинѣ измѣнившихся условій жизни (а надъ этою переменною,—переменною жизненныхъ условій, никто не вла-

стенъ), возстановляемое старое неминуемо должно подвергнуться соотвѣтственнымъ измѣненіямъ; и вотъ обыкновенно оказывается, что именно то, что было лучшаго въ старомъ, не было возстановлено, а возстановлено только развѣ худшее. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Специальностей и специалистовъ въ современномъ значеніи положимъ не было въ старыхъ академіяхъ, но зато было установившееся долговременной практикой раздѣленіе предметовъ на *главные* и *второстепенные*: въ одномъ отдѣленіи напр. *философія* признавалась главнымъ предметомъ, а въ другомъ—*богословіе*. Такое раздѣленіе имѣло для себя глубокое и важное основаніе въ различномъ складѣ и направленіи умственныхъ способностей у учащихся: есть умы такъ назыв. положительные, предпочитающіе заниматься предметами вполне опредѣленными, установившимися, данными такъ сказать уже въ готовомъ законченномъ видѣ. Изъ лицъ съ такимъ умственнымъ складомъ и направленіемъ обыкновенно выходили богословы. Напротивъ иные обнаруживаютъ склонность къ отвлеченному мышленію, предпочитаютъ заниматься больше понятіями, чѣмъ фактами, больше изслѣдованіемъ, чѣмъ усвоеніемъ и примѣненіемъ готовыхъ результатовъ изслѣдованія. Это философы. Новый уставъ пренебрегаетъ подобными указаніями опыта, какъ не получившими санкціи ни въ какихъ хартіяхъ и уставахъ, а имѣвшими важность лишь въ силу неписаннаго преданія. Новый уставъ не допускаетъ раздѣленія предметовъ на главные и второстепенные. Кто желаетъ считаться въ числѣ лучшихъ студентовъ, обязанъ имѣть болѣе чѣмъ удовлетворительные баллы по всѣмъ безъ исключенія предметамъ, чѣмъ предполагается возможность одинаковаго усвоенія всѣхъ общеобязательныхъ наукъ, съ присоединеніемъ къ нимъ и нѣкоторыхъ свободно избранныхъ. Имѣетъ при этомъ значеніе и привычка, оставшаяся отъ прежняго недавняго времени у многихъ преподавателей,—обращать исключительное вниманіе только на свой предметъ, въ качествѣ специалиста, а ко всѣмъ инымъ предметамъ относиться какъ къ постороннему и чуждому для себя дѣлу. Прежде всѣ преподаватели старались сообщать на мѣтитъ и выдѣлать наиболѣе даровитыхъ студентовъ; теперь же каждый специалистъ не прочь предпочесть всѣмъ другимъ

того, кто отличился по его специальности. Согласно съ этимъ, въ прежнее, т. е. старое время, сочиненіямъ студентовъ, въ особенности такъ назыв. курсовымъ, придавалось не только большее значеніе сравнительно съ другими данными, но часто значеніе—рѣшающее, причемъ другія данныя въ значительной степени просто игнорировались. Теперь же часто повторяется случай, что студентъ болѣе даровитый, болѣе способный къ умственной производительности, написавшій лучшее сочиненіе, зачисляется, на основаніи другихъ данныхъ далеко меньшаго значенія, во второй разрядъ, а худшій по своимъ дарованіямъ студентъ и написавшій худшее сочиненіе, но лучше выдержавшій конкурсъ по другимъ даннымъ, попадаетъ въ число перворазрядныхъ, т. е. такихъ, которымъ дается право представить сочиненіе на магистерскую степень,—право, которымъ именно онъ, какъ написавшій худшее сочиненіе, и не можетъ воспользоваться, но неимѣнію необходимыхъ для того способностей, и самой склонности къ тому, между тѣмъ тотъ, кто могъ бы воспользоваться такимъ правомъ, лишенъ его. Но быть можетъ теперешніе студенты дѣйствительно лучше проходятъ академическій курсъ, въ смыслѣ болѣе успѣшнаго усвоенія (сравнительно со старымъ временемъ) обязательныхъ для нихъ наукъ? На самомъ дѣлѣ студенты академіи охотнѣе занимаются чтеніемъ газетъ, журналовъ и всякихъ книжекъ, издающихся для такъ назыв. самообразованія, чѣмъ изученіемъ академическихъ наукъ. Бездѣлье, въ смыслѣ отсутствія занятій серьезныхъ, нисколько не мѣшаетъ студентамъ благополучно переходить изъ курса въ курсъ и столь же благополучно оканчивать академическій курсъ съ ученою степенью. Ибо немного труда стоитъ исполненіе казенныхъ требованій; писаніе семестровыхъ сочиненій состоитъ главнымъ образомъ въ извлеченіи изъ книжекъ подходящаго матеріала; для экзаменовъ требуется лишь прочтеніе, самое поверхностное, издавна заготовленныхъ записокъ, для чего достаточно нѣсколькихъ дней до начала экзаменовъ, да свободныхъ промежуточныхъ дней между днями экзаменовъ. Отъ слушанія лекцій всегда есть возможность освободить себя, а если нельзя этого избѣгнуть, то можно записаться интересной книгой, газетой или романомъ, и во время

лекціи заняться чтеніемъ, чего профессоръ, по близорукости, конечно не замѣтитъ. Что студенты въ большинствѣ такъ относятся къ своимъ обязанностямъ, это понятно: студентъ знаетъ напередъ, что ему придется, быть можетъ, всю жизнь заниматься преподаваніемъ ариѳметики и грамматики, или надзирать за поведеніемъ, или наконецъ заниматься исправленіемъ требъ. Зачѣмъ же ему нужны академическія науки? Для него главное дѣло заключается въ томъ, чтобы благополучно окончить курсъ, т. е. исправно получать на экзаменахъ требуемые для этой цѣли баллы, а это отъ слушанія лекцій мало зависитъ и даже вовсе не зависитъ. Если бы студентъ въ самомъ дѣлѣ предался серьезнымъ занятіямъ какой нибудь наукой, то чрезъ это онъ могъ бы пожалуй оказаться неисправнымъ по другимъ наукамъ, а это обстоятельство могло бы ему только повредить. Все дѣло сводится къ формальной исправности. Студентъ старается, чтобы преподаватель замѣтилъ, что онъ—студентъ исправно посѣщаетъ его лекціи,—слушаетъ ли онъ эти лекціи и приносятъ ли ему они пользу, это другое дѣло. Онъ старается не быть замѣченнымъ въ чемъ либо недозволенномъ по поведенію; объ экзаменахъ уже сказано; а затѣмъ остается преодолѣть еще одно препятствіе—къ полученію диплома,—написать курсовое сочиненіе, но это дѣло тоже не трудное: обыкновенно бываетъ такъ, что, хотя, по недостатку времени, студентъ не справился съ заданной темой,—и даже пожалуй ограничился одними выписками, сшитыми на живую нитку, но придается важное значеніе тому, что онъ все же трудился, да и краткость времени берется во вниманіе, а такимъ образомъ и послѣднее препятствіе, если не побѣждается, то по крайней мѣрѣ искусно обходится, а больше ничего и не надо.

И такъ студенты въ сущности не очень нуждаются въ академическихъ наукахъ, имъ преподаваемыхъ, и стараются не столько усвоить ихъ, сколько обходить, видя въ нихъ какъ бы препятствія къ достиженію единственно желаемой имъ цѣли—окончанію курса и полученію извѣстныхъ правъ. А между тѣмъ уставъ только для студентовъ и предназначаетъ всѣ науки, только ихъ—студентовъ и имѣетъ въ виду. Преподаватель, заинтересованный своей наукой, желалъ бы положимъ раздѣлить

свою науку по частямъ, и каждую часть, по возможности, разработать отдѣльно, одну вслѣдъ за другою, чтобы, такимъ образомъ, постепенно овладѣть своею наукою во всей полнотѣ. Но ему не дозволяется этого дѣлать: онъ обязанъ ежегодно прочитывать весь курсъ своей науки отъ начала до конца. Легко представить себѣ положеніе начинающаго преподавателя: онъ долженъ на скорую руку какъ нибудь приготовить полный курсъ лекцій по своему предмету и затѣмъ изъ года въ годъ онъ вынужденъ испытывать тягостное сознаніе неудовлетворительности своего курса, такъ что дальнѣйшее усовершеніе его въ изученіи своей науки собственно во томъ состоитъ, что онъ все яснѣе и яснѣе видитъ недостатки своего слишкомъ поспѣшно составленнаго курса. Разумѣется онъ не сидитъ безъ дѣла: то въ одной части курса онъ сдѣлаетъ необходимое исправленіе или дополненіе, то въ другой; но такая частичная передѣлка курса не всегда служитъ къ дѣйствительному его усовершенію, подобно тому какъ зданіе дурно построенное въ цѣломъ, по плану плохо скомпанованному, едва ли можетъ быть преобразовано къ лучшему посредствомъ передѣлокъ въ отдѣльныхъ частяхъ и дополнительныхъ пристроекъ. Поглощенный всецѣло дѣломъ преподаванія, профессоръ академіи не можетъ отдаться важнѣйшему дѣлу, серьезной разработкѣ своей науки, и вотъ самая насущная потребность, отъ которой зависитъ судьба всего духовнаго просвѣщенія, и безъ удовлетворенія которой будутъ тщетны всякія реформы, остается въ пренебреженіи. Потребность эта состоитъ въ самомъ дѣятельномъ и непрерывномъ *изученіи и разработкѣ* наукъ богословскихъ, и вообще наукъ преподаваемыхъ въ академіи. Безъ этого мы никогда не будемъ имѣть учено-богословской литературы, при отсутствіи же ученой литературы и самое преподаваніе наукъ не можетъ быть поставлено какъ слѣдуетъ и всегда будетъ дѣломъ малопродуктивнымъ, если не совершенно безплоднымъ.

Вникнемъ въ самое дѣлѣ въ этотъ наиважнѣйшій для насъ вопросъ.

Кто полагаетъ, что наука есть зло, или по крайней мѣрѣ — излишняя роскошь, что для вѣрующаго христіанина не нужны

ни какія науки, тотъ долженъ желать и требовать уничтоженія высшихъ духовныхъ школъ: вмѣсто призрачнаго существованія яко бы учено-богословскаго образованія пусть лучше вообще его не будетъ. Но не вѣришь ли будетъ признать зломъ самый этотъ взглядъ на науку, какъ на нѣкотораго рода зло, —терпимое только при условіи не давать ему разрастаться и усиливаться? Знаменитѣйшіе іерархи: Евгеній Митрополитъ Кіевскій и Филаретъ Московскій были серьезными учеными, радѣли о преуспѣяніи наукъ. Почему бы теперь мы стали смотрѣть на науку, какъ на нѣчто опасное для интересовъ вѣры? Наука распространяетъ невѣріе! Но потому то и нужно обезпечить самое широкое и серьезное развитіе духовнаго просвѣщенія. Извѣстно, что невѣріе распространяется и поддерживается въ массахъ мнимо научными теоріями и гипотезами; наука вѣдь имѣетъ свои предрасудки и суевѣрія. Но отличить мнимо научное отъ дѣйствительно научнаго можетъ только человѣкъ, обладающій серьезнымъ ученымъ образованіемъ. Теперь, при современномъ состояніи духовнаго просвѣщенія, многія ученія и теоріи, дѣйствительно враждебныя вѣрѣ, остаются безъ всякаго отпора со стороны духовной науки и литературы и часто даже вовсе не замѣчаются представителями той и другой. Указываютъ на отцевъ и учителей церкви, какъ на образцы, съ которыми должно сообразоваться въ богословской наукѣ. Но какъ извѣстно, отцы и учителя церкви зорко слѣдили за всѣми разногласіями и новыми мнѣніями, такъ или иначе касавшимися предметовъ вѣры, и подвергали таковыя разногласія и новыя мнѣнія тщательному разбору и изслѣдованію. По своему образованію, они были на высотѣ своего времени и своего призванія.

Въ какомъ пренебреженіи у насъ наука:—въ этомъ можно убѣдиться на основаніи слѣдующихъ даннхъ. Не говоря уже о преподавателяхъ, даже студенты, при написаніи на инныя темы семестровыхъ сочиненій, а тѣмъ болѣе курсовыхъ, не могутъ обходиться безъ источниковъ и пособій на иностранныхъ языкахъ,—нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Ибо по многимъ статьямъ и вопросамъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и даже по цѣлымъ наукамъ, на русскомъ языкѣ ничего

сколько нибудь значительнаго и стоящаго вниманія не имѣется. Отсюда образовалась привычка пользоваться иностранными источниками и пособіями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда можно бы и слѣдовало бы, пожалуй, обойтись безъ нихъ; ибо а) если и есть какія работы на русскомъ языкѣ, то онѣ мало внушаютъ къ себѣ довѣрія, б) по недостатку средствъ у русскихъ авторовъ для отдѣльнаго изданія своихъ сочиненій, обыкновенно печатаются эти сочиненія, въ видѣ статей, въ разныхъ журналахъ, гдѣ, съ теченіемъ времени, такъ затериваются, что и существованіе ихъ для многихъ совершенно неизвѣстно, вслѣдствіе чего, послѣ лучшихъ работъ, спустя нѣкоторое время, выходятъ иногда работы худшія по тѣмъ же предметамъ. Еслибы у насъ смотрѣли на разработку науки, какъ на дѣло не только серьезное, но и должное, заслуживающее всеобщаго поощренія, покровительства и поддержки, то конечно нашлись бы люди, которые взяли бы на себя трудъ, посредствомъ разнаго рода систематическихъ указателей, комментированныхъ изданій, обзорѣній, привести во всеобщую извѣстность и сдѣлать доступнымъ для пользованія все, что есть мало-мальски цѣннаго у насъ по каждой изъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіяхъ духовныхъ. Между тѣмъ, чрезъ постоянное обращеніе къ иностраннымъ источникамъ и неумѣренное пользованіе ими (сколько издается разныхъ компиляцій подъ видомъ самостоятельныхъ сочиненій), распространяется въ нашихъ школахъ вліяніе то католичества, то протестантства. Конечно тѣ пункты, которые составляютъ общезвѣстное отличіе католичества и протестантства обходятся; но самый духъ, характеръ этихъ вѣроисповѣданій не можетъ быть никакъ обойденъ тѣмъ, кто недостаточно ясно разумѣетъ этотъ духъ, кто не умѣетъ *испытывать и различать духи*.

Всегда у насъ преподавались и преподаются такъ называемыя свѣтскія науки: всеобщая и русская—гражданская исторія, а равно и словесность, также всеобщая и русская, сюда же причислить слѣдуетъ древніе языки. Что же? Можно ли указать по этимъ предметамъ хотя какія нибудь работы, изъ коихъ можно бы видѣть, по крайней мѣрѣ, какъ эти науки должны быть поставлены въ духовныхъ школахъ, и какое должно быть значеніе и отношеніе этихъ наукъ къ наукамъ бо-

гословскимъ и къ задачамъ духовнаго образованія? Такихъ работъ почти нѣтъ. Былъ даже вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли исключить такъ называемыя свѣтскія науки изъ круга наукъ, составляющихъ область духовнаго образованія. А между тѣмъ настоящее мѣсто для названныхъ наукъ, какъ наукъ гуманныхъ, т. е., имѣющихъ своимъ предметомъ духъ человѣческой и его разнообразныя проявленія, въ сущности и есть духовная школа, а не свѣтская. Извѣстно, что идея университетскаго образованія, какъ унаслѣдованная отъ среднихъ вѣковъ, для нашего времени, отрицающаго все средне-вѣковое, утратила свой первоначальный смыслъ и значеніе. Теперь университеты, въ чемъ сознаются сами представители университетской науки, представляютъ собою собраніе спеціальныхъ школъ съ назначеніемъ чисто практическимъ. Молодые люди поступаютъ въ университетъ не ради общаго образованія, а для приготовленія себя къ какой либо спеціальной практической дѣятельности (врача, юриста, сельскаго хозяина, техника). Преобладающее значеніе въ университетахъ принадлежитъ естественнымъ наукамъ, которымъ свойственна тенденція практическая. Отсюда и гуманныя науки—филологія, исторія, словесность невольно подпадаютъ вліянію естественныхъ наукъ, заимствуютъ отъ нихъ методы и задачи, вообще разрабатываются въ ихъ духѣ, признавая напр. своею задачею установленіе общихъ необходимыхъ, т. е., естественныхъ или иначе реальныхъ законовъ для явленій человѣческаго духа, вслѣдствіе чего все идеальное, не сводимое на реальные мотивы, игнорируется, или прямо изъ нихъ исключается, напр. художественная критика изъ исторіи литературы исключается, какъ дѣло не научное. Въ духовныхъ школахъ эти же самыя науки могли бы и должны бы разрабатываться и преподаваться совсѣмъ въ иномъ духѣ, отъ чего прежде всего самыя эти науки не только ни мало не потеряли бы, напротивъ много выиграли бы, а затѣмъ существенная польза была бы для духовнаго образованія, которое чрезъ то получило бы большую полноту и законченность. Если въ университетахъ ищутъ теперь спеціальнаго образованія, т. е. подготовительнаго къ извѣстной практической дѣятельности, то именно духовная школа только и можетъ и должна быть орга-

номъ общаго *гуманнаго* образованія въ высшемъ значеніи этого слова, ибо хотя и воспитанники духовныхъ школъ приготавлиются къ извѣстной дѣятельности, но къ какой дѣятельности?— къ *просвѣтительной*, слѣдовательно, общей по своему содержанию и значенію, а не спеціальной. Ищущему спеціального образованія *нужны знанія, приложимыя въ жизни*, къ достиженію извѣстныхъ полезныхъ для общества результатовъ, слѣдовательно, спеціалистъ преслѣдуетъ цѣли, лежащія внѣ его духовной личности и отдѣльныя отъ нея; напротивъ, существенный интересъ духовнаго образованія заключается именно въ развитіи, воспитаніи самой личности учащагося. Нравственный элементъ, заключающійся въ содержаніи гуманитарныхъ наукъ, и придаетъ этимъ наукамъ важное значеніе въ отношеніи означенной цѣли духовнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ этимъ наукамъ сообщаетъ характеръ общій, а не спеціальный.

Выше сказано, въ какое затруднительное положеніе попадаютъ начинающіе преподаватели, вслѣдствіе лежащей на нихъ обязанности въ самое короткое время приготовить полный курсъ лекцій по своей наукѣ,—положеніе отзывающееся на нихъ долгіе годы самымъ тягостнымъ образомъ. Но съ другой стороны обязанность, возлагаемая на преподавателей, проходитъ въ теченіи года всю науку, откуда вытекаетъ необходимость изъ года въ годъ прочитывать все тотъ же курсъ лекцій съ нѣкоторыми измѣненіями, даетъ немалыя выгоды для желающихъ пользоваться таковыми. Тому, кто въ самомъ началѣ сдѣлалъ необходимый запасъ лекцій, открывается возможность пользоваться, по своему усмотрѣнію, неограниченнымъ досугомъ; можно на примѣръ добыть какую нибудь постороннюю должность, которая давала бы непрерывный доходъ, совсѣмъ не лишній въ скромномъ бюджетѣ преподавателя академіи; можно заняться приготовленіемъ общедоступныхъ, назидательныхъ книжекъ и легкихъ статей, причемъ непоследнюю вещь составляетъ уже и то, что все подобное зачтется въ число *учено-литературныхъ* трудовъ, списокъ которымъ ведется ежегодно, хотя состояніе наукъ преподаваемыхъ въ академіи отъ того едва ли улучшается. Совсѣмъ иное было бы дѣло, если бы, кромѣ преподаванія, на представителяхъ академической духовной науки лежала обя-

занность, по мѣрѣ силъ и возможности, разрабатывать преподаваемые ими науки, чтобы каждый именно по своей наукѣ печаталъ свои труды въ академическомъ журналѣ, который, сообразно съ главнымъ и болѣе общимъ раздѣленіемъ наукъ въ академіяхъ, состоялъ бы изъ соотвѣтственнаго количества отдѣловъ.

Повидимому и высшее начальство находитъ современное состояніе наукъ въ духовныхъ школахъ не вполне удовлетворительнымъ, ибо предпринимаются мѣры къ тому, чтобы нормировать преподаваніе наукъ въ духовныхъ школахъ посредствомъ разъ на всегда установленныхъ и выработанныхъ съ этой цѣлью программъ. Теперь уже не о томъ идетъ рѣчь—всѣ ли науки обязаны студенты слушать или не всѣ, а о томъ, чтобы наилучшее установить самое преподаваніе наукъ. Но помогутъ ли этому программы? Ни въ какомъ случаѣ. Какъ могутъ быть составлены программы преподаванія наукъ, коль скоро ни по одной почти наукѣ не существуетъ ученой литературы, изъ которой было бы видно, какъ далеко подвинулась впередъ разработка науки, что доселѣ сдѣлано, въ чемъ состоятъ пробѣлы и на что поэтому должно быть обращено наибольшее вниманіе; по отдѣльнымъ вопросамъ найдутся пожалуй и капитальные труды, но основныя начала,—что въ особенности важно,—различныхъ наукъ и то отношеніе, въ какомъ должны находиться между собою разныя науки, доселѣ остаются невыясненными. Самую систему наукъ, существующую лишь въ силу преданія, т. е., принятое доселѣ ихъ раздѣленіе, слѣдуетъ ли оставить въ томъ же видѣ и на будущее время, или слѣдуетъ измѣнить,—и это вопросъ нерѣшенный. А все это можетъ выясниться не иначе, какъ чрезъ развитіе ученой производительности, чрезъ разработку самихъ наукъ.

Итакъ вопросъ заключается въ томъ, какъ можетъ быть обезпечена на будущее время научная производительность въ духовныхъ школахъ, разумѣется высшихъ по преимуществу,—производительность желательная для блага просвѣщенія духовнаго, которое иначе можетъ только едва прозябать, а никакъ не процвѣтать?

П. Линицкій.

(Окончаніе будетъ).

„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

XX. 45—48.

Вотъ что пусть будетъ предметомъ труда и любви и заботъ твоихъ
Вотъ что тебя возведетъ на стези добродѣтели божьей,
Въ чемъ клянусь тѣмъ, сообщилъ кто дунѣ нашей, что есть тетрактисъ,
Вѣчной природы источникъ.

Мы уже въ предисловіи сказали, что практическая философія, уча человѣка приобрѣтенію добродѣтелей, имѣетъ въ виду сдѣлать его хорошимъ, а теоретическая желаетъ свѣтомъ разума и истины сдѣлать человѣка подобнымъ Богу. Вполнѣ естественно и необходимо было, принимая въ соображеніе насъ, т. е., нашу природу, начать съ меньшаго, а потомъ перейти къ большому и высшему, ибо легче же человѣческую природу постепенно воспитать, т. е., приучить къ жизни, сообразной съ нормою разума, чѣмъ сразу какъ бы переродить (въ иную—божественную), что возможно лишь тогда, когда она всецѣло отдается теоріи—богосозданію. Да и вообще пѣтъ возможности отдаться безмятежному стяжанію истины до тѣхъ поръ, пока низшія слѣпяя неразумныя силы нашей природы не приведены путемъ этическихъ добродѣтелей въ подчиненіе разуму. Такъ какъ душа наша не есть ни чистый разумъ, ни чисто-слѣпяя неразумная сила, а нѣчто среднее между ними, то она тогда только без-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 19.

препятственно и всецѣло можетъ внимать и отдаться разуму, который выше ея, когда освободившись отъ пристрастія ко всему тому, что ниже ея, становится чистою и съ чистою можетъ воспринимать разумное. Чистою же стать она можетъ лишь подѣ тѣмъ условіемъ, если отрѣшится отъ любви ко всему лишенному разума, не исключая и собственнаго тѣла, если она станетъ ко всему этому относиться какъ совсѣмъ иная по природѣ къ совсѣмъ иному, удѣлая ему заботливости лишь столько, сколько повелѣваетъ божественный законъ, который однако же не позволяетъ ей самой рѣшать свою земную участь и самовольно изводить себя изъ сей жизни, а повелѣваетъ ждать, пока самъ Богъ не разрѣшитъ насъ отъ тѣла. Такимъ образомъ душѣ, имѣющей такую природу, необходима двоякаго рода добродѣтель. Съ одной стороны гражданская, которая простирается на то, что ниже ея и упорядочиваетъ ея собственныя неразумныя слѣпыя влеченія, а съ другой—ѳеоретическая, которая, простираясь на то, что выше ея, дѣлаетъ ее способною къ внутреннему общенію съ міромъ высшимъ. Какъ-бы пограничную линію, раздѣляющую, но также и соединяющую эти два вида добродѣтели, приводятъ наши два первые стиха—одинъ: *„вотъ на что трудъ клади, вотъ надъ чѣмъ работай, вотъ что любить ты долженъ“*, который, очевидно, представляетъ естественное заключеніе ученія о гражданской добродѣтели, а другой—*„это тебя возведетъ на стези божественной добродѣтели“*,—который можетъ быть принятъ за прекрасное начало ѳеоретической науки, ибо слѣдующіе стихи того, кто отрѣшился отъ животной жизни, совлекая страстей и желаній немѣренныхъ, по мѣрѣ силъ очистился и такимъ образомъ какъ бы переродился изъ звѣря въ человѣка, обѣщаютъ преобразовать изъ человѣка въ Бога, насколько конечно чловѣку возможно сдѣлаться Богомъ. А что это именно составляетъ цѣль ѳеоретической истины, въ этомъ не оставляетъ сомнѣваться само стихотвореніе, которое оканчивается или точнѣе, завершается такимъ прекраснѣйшимъ вѣнцомъ:

тѣло-жъ свое какъ покинешь,—въ эфиръ воспаривъ ты свободный и
будешь безсмертенъ какъ Богъ, уже смерти и тѣнию чуждый.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы это увидимъ ниже, это священное слово проводить ту мысль, что послѣ предварительнаго усовершенствованія въ добродѣтели, а затѣмъ по достиженіи обладанія истинной наступитъ для насъ апокатастасисъ, т. е., возвращеніе въ первобытное состояніе, или что то же—апоѳеозисъ—обожествленіе. Теперь же, возвращаясь къ разбираемымъ стихамъ, посмотримъ, иное ли что въ нихъ подъ словами *трудъ*, *упражненіе*, *любовь* разумѣется, или только то, чтобъ мы всею своею душою отдалось подвигу усовершенствованія въ добродѣтели. Вѣдь и душа наша разумная сама въ себѣ тоже есть какъ будто тройственная, имѣющая три различныя силы, именно она: во 1-хъ имѣетъ нѣчто, чѣмъ мы познаемъ или учимся и вотъ это-то нѣчто *упражнять* или развивать и совѣтуеть стихъ, во 2-хъ имѣетъ нѣчто, посредствомъ чего мы сберегаемъ выученное и имъ владѣемъ, распоряжаемся, и вотъ этому нѣчто, т. е., силѣ и способности стихъ предписываетъ трудъ, и въ 3-хъ имѣетъ нѣчто, чѣмъ мы любимъ познанное и сохраняемое, и этой силѣ или способности онъ предписываетъ любовь. Итакъ, для того, чтобъ мы всѣ силы нашей разумной души напрягали къ исполненію заповѣдей добродѣтели, стихъ отъ той силы души, естественную функцію которой составляетъ мышленіе, требуетъ *упражненія*, отъ той, функцію которой составляетъ соблюденіе познаннаго чрезъ мышленіе, требуетъ труда, а отъ той, которой свойственно любить все прекрасное, требуетъ любви,—чтобы мы всѣми ими истинныя блага приобрѣтали, ихъ неослабно въ цѣлости сохраняли и питали къ нимъ неизмѣнно столь естественную любовь. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого и какъ-бы неразлучнымъ спутникомъ будетъ та божественная надежда, которая освѣщаетъ душу свѣтомъ истины,—какъ это обѣщаетъ стихъ, говоря: *это тебя возведетъ на стези божественной добродѣтели*, другими словами, это сдѣлаетъ тебя подобнымъ Богу путемъ научнаго познанія истинно сущаго, такъ какъ изслѣдованіе и познаніе причинъ сущаго, которыя въ послѣдней инстанціи лежатъ въ Богѣ—Творцѣ міра, возведетъ на вершину богопознанія, за которымъ естественно послѣдуетъ и богоуподобленіе. Богоуподобленіе же это стихъ называетъ *божественною добродѣтелію*,

такъ какъ она стоитъ еще выше, чѣмъ предшествующая ей добродѣтель человѣческая. Итакъ, первая часть нашего творенія оканчивается проповѣдію любви къ мудрости и ко всему прекрасному, а за такую любовію должно слѣдовать познаніе истины, которое имѣетъ привести душу въ подобіе *божественной* добродѣтели, какъ это разясняется въ непосредственно слѣдующихъ стихахъ;—такая связь между тѣмъ и другимъ даже клятвою завѣряется. Клянется же въ томъ, что приобрѣтенная во всей полнотѣ и красотѣ человѣческая добродѣтель приведетъ къ богоуподобленію,—слѣдуетъ это помнить,—тотъ самый, который въ началѣ прекрасно выразилъ заповѣдь о клятвѣ: „*клятву свято блюди*“. Заповѣдь эта, какъ мы видѣли, требуетъ даже удерживаться отъ клятвы въ тѣхъ вещахъ и обстоятельствахъ, которыя имѣютъ характеръ простой возможности и случайности и исходъ которыхъ не можетъ быть извѣстенъ съ полною безошибочностью. Такъ какъ къ тому же этого рода вещи маловажны и измѣнчивы, то клясться изъ за нихъ и недостойно и небезопасно, потому что не въ нашей власти довести ихъ всегда до такого именно исхода или конца, какой мы желали бы завѣрить клятвой. Но по отношенію къ тѣмъ вещамъ, о которыхъ у насъ теперь рѣчь, такъ какъ онѣ связаны между собою необходимою связью и имѣютъ величайшую важность, употреблять клятву и безопасно и благопрістойно, ибо тутъ ни измѣнчивость вещей не можетъ ввести насъ въ погрѣшность,—такъ какъ то, о чемъ тутъ дается клятва, связано между собою закономъ Адрастіи—непредложной необходимости,—ни ихъ ничтожность и неизменность не дѣлаетъ неумѣстнымъ свидѣтельствованіе Богомъ, такъ какъ не у людей однихъ, а и у боговъ добродѣтель и истина составляютъ самое высшее и большее. Кромѣ того, въ составъ ученія о клятвѣ у этого законодателя и то входило, что учителя истины должно настолько почитать, чтобы даже клясться именемъ его, если бы случилась надобность убѣдить кого либо въ истинѣ того или другого пункта его ученія; а это значитъ, что въ его школѣ можно было употреблять не только выраженіе „*самъ онъ сказалъ*“ (*αὐτὸς ἔφα*), но и выраженіе „*ей ему самому*“ (*ἡ τοῦ αὐτοῦ*). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой рѣчи о

клятвѣ и о необходимой связи между высшими нравственными совершенствами онъ и богословствуетъ, когда клянется *тетрактисомъ* и называетъ его *источникомъ вѣчнаго мироустройства*, отождествляя его такимъ образомъ съ Богомъ творцемъ. Какъ же это такъ,—какимъ это образомъ Богъ есть тетрактисъ или четверица? Это ученіе во всей его полной ясности можешь найти въ приписываемомъ самому Пифагору „*священномъ словѣ*“, (*ἱερός λόγος*), въ которомъ Богъ воспѣвается какъ число чисель. Въ самомъ дѣлѣ, если все созданное Богомъ создано и существуетъ по Его вѣчнымъ начертаніямъ, то понятно, что всякое, какое ни есть число въ каждомъ родѣ и видѣ вещей, зависитъ отъ самой ихъ причины, и слѣдовательно тамъ прежде всего число существуетъ и оттуда уже сюда истекаетъ. Граница же, которою измѣряются всѣ числа, есть десять, ибо кто хочетъ считать дальше, тотъ опять долженъ считать одинъ, два, три и весь второй десятокъ пока не дойдетъ до двадцати, точно также долженъ считать третій десятокъ до тридцати и такъ все долженъ начинать съ начала пока досчитавши десятую декаду не дойдетъ до ста, затѣмъ также считать до десяти сотенъ и такимъ образомъ онъ можетъ продолжать безъ конца, все повторяя одинъ и тотъ же интервалъ десятка. Но силу или основаніе самого десятка составляетъ четверица, потому что та законченная точность, которая принадлежитъ декадѣ и отъ нея простирается на всѣ дальнѣйшія числа, уже прежде декады принадлежитъ четверицѣ, которая потому и можетъ быть принята за основу самой декады, ибо соединеніе въ одно всѣхъ чисель отъ 1 до 4 даетъ какъ разъ цѣлую декаду— $1 + 2 + 3 + 4 = 10$. Кромѣ того, четверица представляетъ собою арифметическое среднее единицы и семи, такъ какъ она равнымъ числомъ превышаетъ и превышаетъ, именно тремя превышаетъ единицу, тремя же сама меньше семи. Единица, какъ начало всякаго числа, содержитъ въ себѣ потенціи всѣхъ чисель, а седмица, какъ безматерняя и дѣвственница, занимаетъ второе по достоинству мѣсто, ибо она и не происходитъ изъ какого либо числа внутри десятка какъ напримѣръ 4 изъ 2×2 , 6 изъ 2×3 , 8 изъ 2×4 , 9 изъ 3×3 , 10 изъ 2×5 , и не раждаетъ изъ себя ни одного числа внутри

десятка, какъ напр. 2 рождаетъ 4, 3 рождаетъ 6 и 9, 5 рождаетъ 10. Четверица же занимаетъ средину между нерожденною монадою и безматернею седмерицею и тѣмъ самымъ соединяетъ и совмѣщаетъ въ себѣ потенціи рождающихъ и рождаемыхъ, такъ какъ она одна въ десяти и рождаетъ другое число и рождается отъ другого, ибо двоица удвоенная даетъ четверицу, а четверица дважды взятая даетъ восемь. Вдобавокъ ко всему этому число четыре выражаетъ первую фигуру тѣла, ибо точка представляетъ аналогію единицы, линія—аналогію двойцы, такъ какъ она идетъ отъ одной точки до другой, числу три соотвѣтствуетъ плоскость, такъ какъ между фигурами, составляющимися изъ линій, первая и простѣйшая есть треугольникъ, между тѣмъ какъ тѣло соотвѣтствуетъ числу 4, такъ какъ первая пирамида представляетъ собою четверицу, именно треугольное основаніе—3, да вершина—1 ¹⁾). Кроме того способностей познавательныхъ, равно и формъ познанія также четыре—разумъ, знаніе, мнѣніе и ощущеніе, ибо все существующее мы различаемъ и познаемъ или разумомъ, или изученіемъ или мнѣніемъ, или ощущеніемъ. Да и во всемъ существующемъ наблюдается четворица въ числѣ стихій, время года, человѣческихъ возрастовъ, сословіи, такъ что трудно и указать на что либо, что не имѣло бы своимъ корнемъ и началомъ тетрактиса, и это по той причинѣ, что тетрактисъ, какъ мы сказали, есть зиждитель и причина всего—сверхчувственный, только разумомъ познаваемый Богъ—виновникъ тѣхъ чувствъ нашихъ доступныхъ божествъ, которыя занимаютъ небесное пространство. Имѣютъ же ученіе это Пифагорейцы путемъ преданія отъ самого Пифагора, именемъ котораго авторъ стиховъ и клянется въ томъ, что совершенная добродѣтель приведетъ насъ къ свѣту истины, и можно думать, что этотъ авторъ и соблюдаетъ заповѣдь „свято блюди клятву“, по отношенію къ вѣчнымъ неизмѣннымъ богамъ, и въ то же время

¹⁾ Яснѣе и точнѣ Платонъ въ Тимѣѣ (55 А) объясняетъ, почему числомъ четыре обозначается тѣло,—потому что первое, т. е., наиболѣе простое по геометрической конструкціи тѣло есть правильный тетраэдръ, или на равностороннемъ треугольникѣ стоящая пирамида, три стороны которой и основаніе представляютъ четыре равныхъ и равностороннихъ треугольника, или четыре треугольныя плоскости.

туть клянется именемъ учителя, передавшаго намъ ученіе о третрактисѣ—учителя, который хотя по природѣ не принадлежалъ ни къ числу боговъ, ни къ числу героевъ, но за то будучи человекомъ, и украсился красотой богоподобія и у послѣдователей своихъ имѣлъ авторитетъ человека подобнаго богамъ. Вотъ почему въ вопросѣ величайшей важности онъ клянется именемъ Пифагора, желая этимъ показать какимъ почитаніемъ онъ пользовался у своихъ слушателей и какой авторитетъ имѣло и имѣетъ у всѣхъ послѣдователей его ученіе, въ которомъ самою важною была теорія творческаго тетрактиса. И такъ, самое начальное изъ этой теоріи вкратцѣ сказано, такъ что гіерофантъ тетрактиса, возлагая не ложную надежду на дальнѣйшее знаніе, теперь уже знаетъ, насколько нужно пока, что такое есть этотъ тетрактисъ. А потому, перейдемъ къ тому, къ чему призываетъ насъ слѣдующій стихъ, предупреждая, что къ этому приступать мы должны съ полнымъ усердіемъ, со всею готовностію и съ помощію боговъ.

XXI. 48—49.

.....—Подвигъ же сей совершая,
Богу молись, да поможетъ.....

Стихъ этотъ вкратцѣ указываетъ на то, что намъ необходимо нужно для пріобрѣтенія истинныхъ благъ;—это суть съ одной стороны желаніе и стремленіе собственной нашей души, а съ другой также и помощь Божія. Это потому, что хотя избраніе благъ есть дѣло нашей свободной воли, но такъ какъ саму волю мы получили отъ Бога, то не можемъ обойтись безъ Его помощи въ достиженіи или осуществленіи того, что избираемъ, ибо въ этомъ случаѣ наше стремленіе и стараніе есть только какъ бы рука, протягивающаяся, чтобъ получать блага, между тѣмъ какъ Богъ то собственно руку эту наполняетъ, будучи источникомъ и распорядителемъ даянія всякихъ благъ. Притомъ же, иное дѣло, искать благъ самому, руководствуясь своею природою, и иное—правильно показывать ищущему, гдѣ и каковы онѣ. Молитва же служитъ посредницею между нашимъ исканіемъ и божественнымъ даяніемъ, такъ какъ въ молитвѣ собственно происходитъ общеніе наше съ виновникомъ нашимъ,

который и существованіе намъ даетъ и дѣлаетъ наше существованіе благимъ. Ибо кому откуда можетъ придти благо, если его не дастъ ему Богъ? А какъ Богъ, хотя Онъ по природѣ своей свещедрый, можетъ дать тому, кто имѣя свободную волю искать и просить благъ, однако не ищетъ ихъ и не проситъ? А потому, для того, чтобъ мы молитву свою не одними устами и словами произносили, а закрѣпляли ее всегда и дѣломъ, а также чтобъ не уповали на однѣ свои силы, но всегда хватались, такъ сказать, и держались за Бога и Его помощь, присоединяя къ дѣлу молитву, какъ къ матеріи форму, другими словами, чтобъ мы, если что дѣлаемъ, о томъ также и молились, и наоборотъ, о чемъ молимся, къ тому прилагали бы и собственные усилія,—стихъ нашъ соединяя то и другое вмѣстѣ говорить *„приступай къ дѣлу—помолившись богами, чтобъ совершили.“* Въ самомъ дѣлѣ, не должны мы ни устремляться всецѣло и безоглядно на блага съ самонадѣянною мыслию, что всецѣло въ нашей власти лежитъ достиженіе ихъ и обладаніе ими, помимо всякаго божественнаго содѣйствія, ни довольствоваться только голыми словами молитвы, никакого усилія съ своей стороны не прилагая къ приобрѣтенію просимаго, ибо тогда или добродѣтель наша будетъ безбожная,—если только можно допустить, чтобъ при безбожій возможна была добродѣтель,—или молитва наша будетъ не дѣятельная и бездѣйственная, а въ такомъ разѣ или безбожность подорветъ въ корнѣ саму внутреннюю сущность добродѣтели, или квіэтизмъ лишитъ молитву всякой дѣйственности. Развѣ можетъ въ самомъ дѣлѣ выйти гдѣнибудь и изъ чегонибудь благо какъ либо иначе, чѣмъ сообразно съ божественнымъ закономъ? А если такъ, то кто можетъ обойтись безъ Божіей помощи въ достиженіи того, что совершается только въ силу этого закона? Добродѣтель, вѣдь, есть образъ Бога въ человѣкѣ, а образъ предполагаетъ для своего происхожденія и бытія тотъ первообразъ, подобіе котораго онъ долженъ представлять; а потому, кто желаетъ приобрѣсти образъ Божій, тому никогда не удастся этого достигнуть, если онъ не будетъ взирать туда—на свой первообразъ, ибо только путемъ уподобленія себя ему онъ можетъ стяжать себѣ истинное благо. Потому то, кто желаетъ имѣть дѣятельную

добродѣтель, тотъ долженъ молиться, но молясь долженъ также и трудиться надъ ея приобрѣтеніемъ; а это въ свою очередь не что иное значитъ, какъ то, что мы должны поступать взирая на тотъ Божественный блистающій первообразъ, возможно больше отдаваясь философскому любомудрію—прилѣпляясь душою къ первой причинѣ всѣхъ благъ. Ибо тетракτισъ тотъ—вѣчный источникъ природы есть для всего вѣчная причина не только бытія— но и благого бытія, которая по всему міру разливаетъ добро какъ чистый сверхчувственный свѣтъ, и та душа, которая къ нему прилѣпляется и погружаетъ себя въ него какъ бы глазъ для изощренія зрѣнія, въ то же время своею заботою о благахъ возбуждается къ молитвѣ, а отъ молитвеннаго общенія съ нимъ опять возвращается къ той же заботѣ съ увеличенною энергіей, присоединяя къ словамъ дѣла, а добрыя дѣла подкрѣпляя бесѣдою съ Божествомъ, и такимъ образомъ частію сама ища и находя, частію получая озареніе свыше, совершаетъ то, о чемъ молится, и молится о томъ, надъ чѣмъ трудится. Вотъ такая тѣсная связь должна быть между подвигомъ нравственнаго совершенствованія и молитвою! А что можетъ быть счастливо достигнуто соединеніемъ добродѣтельной жизни съ молитвою, объ этомъ—сейчасъ услышимъ.

XXII.—49—51.

..... Когда же весь трудъ одолѣешь,

Весь распорядокъ безсмертныхъ боговъ, людей также смертныхъ,—
Чѣмъ они разнятся, чѣмъ согласуются,—все ты узнаешь и...

Тутъ прежде всего обѣщается, что устрояющіе такимъ образомъ свою жизнь достигнуть богопознапія, предавшись богословской наукѣ, которая даетъ познаніе о всемъ, что произошло отъ священнаго тетрактиса, съ различеніемъ по родамъ всѣхъ видовъ сущаго и съ показаніемъ ихъ единенія или взаимной связи въ составѣ единого цѣлостнаго міра, ибо терминпомъ ихъ *συστάσις* именно указывается на эту взаимную связь вещей, а выраженіемъ *τῆ διέρχεται* указывается на видовыя различія ихъ, между тѣмъ какъ выраженіемъ *τῆ κρατεῖται* указывается на общность и господство рода въ своихъ видахъ. Это вотъ что значитъ: роды разумныхъ существъ представляютъ раз-

чіе, которое такъ сказать устанавливаетъ извѣстное между ними разстояніе, но въ то же время и связываетъ ихъ въ общее единое этимъ самымъ разстояніемъ, ибо они, различаясь и раздѣляясь по бытію своему какъ первыя, среднія и послѣднія, въ то же время объединяются въ одной субстанціи или родовой идеѣ разумнаго существа, въ себѣ содержащей и изъ себя производящей эти три вида, которые настолько другъ отъ друга различны, что ни первый видъ не можетъ быть среднимъ или послѣднимъ, ни средній не можетъ быть послѣднимъ или первымъ, ни послѣдній не можетъ быть первымъ или среднимъ, но всѣ они постоянно и неизмѣнно остаются въ тѣхъ предѣлахъ видоваго различія, которые установлены самимъ Творцомъ. Такъ мы понимаемъ выраженіе $\eta \delta\epsilon\rho\chi\epsilon\tau\alpha\iota$, а выраженіе $\eta \kappa\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ мы объясняемъ такъ: эта совокупность всѣхъ существъ не была бы совершенною, если бы не содержала въ себѣ существъ первыхъ, среднихъ и послѣднихъ, если бы не было въ этой системѣ начала, середины и конца, ибо ни первыя не могли бы быть первыми, если бы за ними не слѣдовали среднія и послѣднія, ни вторыя не могли бы быть средними, если бы они стояли въ срединѣ между двумя противоположностями, ни третьи не могли бы быть послѣдними, если бы имъ не предшествовали первыя и среднія,—такъ всѣ они и другъ для друга необходимы и для совершенства всего единаго цѣлаго. Этимъ то они и $\kappa\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ —объемлются, т. е. держатся во взаимной связи и зависимости другъ отъ друга: насколько они представляютъ собою разные виды, они различаются и раздѣляются, а насколько они суть части одного міра,—они сходятся во едно, и такимъ образомъ какъ своимъ раздѣленіемъ, такъ и соединеніемъ дѣлаютъ полнымъ весь составъ и порядокъ божественнаго міроустройства. Этотъ составъ и порядокъ ты *познаешь*, говоритъ стихъ, если будешь обладать тѣми благами, о которыхъ выше была рѣчь. А если онъ упоминаетъ только о двухъ крайнихъ родахъ говоря: „*познаешь и безсмертныхъ боговъ и смертныхъ людей распорядокъ*“, то это потому, что при двухъ крайностяхъ середина сама собою предполагается. Ибо *первыя* соединяются съ послѣдними чрезъ среднихъ, и послѣднія восходятъ къ первымъ тоже чрезъ среднихъ, именно чрезъ посред-

ство „героевъ блестящихъ“. Такой же порядокъ родовъ разумныхъ существъ мы имѣли уже и выше именно, первые въ этомъ сверхъчувственномъ мірѣ суть *безсмертные боги*, вторые—*дивные герои* или *демоны*, а третьи земные духи, которые тутъ названы *смертными людьми*. Какое должно имѣть представленіе о каждомъ изъ этихъ трехъ родовъ въ отдѣльности объ этомъ уже выше сказано нами: но пріобрѣсти надлежащее познаніе о тѣхъ существахъ, почитать которыхъ мы научились путемъ преданія, возможно, по смыслу стиха, только тѣмъ, которые къ практической добродѣтели присоединяютъ красоту еоретической истины и тѣмъ самымъ изъ ступени человѣческаго совершенства поднимаются на высшую ступень божественной добродѣтели, ибо познать вещи такъ, какъ они отъ Бога созданы и устроены, значить уже достигнуть богоподобія. Поелику же за этимъ безтѣлеснымъ сверхъчувственнымъ міромъ слѣдуетъ и подъ нимъ стоитъ та тѣлесная вещественная природа, которая наполняетъ видимый чувственный міръ и которая создана на пользу и служеніе разумныхъ существъ, то далѣе совѣтуется тѣмъ, которые желаютъ пріобрѣсти полное и систематическое знаніе, заняться потомъ и наукой естествознанія въ надеждѣ и тутъ пожать добрые плоды.

XXIII. 52—53.

Правильно также природу познаешь во всемъ одинакую.

Тщетныхъ надеждъ ужъ не станешь питать, все тогда станетъ ужъ ясно.

Природа, образовавъ этотъ видимый міръ по божественной мѣрѣ, вездѣ въ немъ соблюла пропорціональность, какъ подобіе этой мѣры и во всѣхъ разнообразныхъ формахъ міроваго бытія отпечатлѣла то такъ, то иначе также разнообразно божественную красоту: сообщила напр. небеснымъ тѣламъ непрерывное движеніе, а землѣ опредѣлила неподвижное состояніе, чтобъ и то и другое носило въ себѣ слѣдъ, подобіе божественному; небесному тѣлу назначила быть окружностію всего, а земному указала мѣсто въ центрѣ, а въ кругѣ началомъ служить въ одномъ смыслѣ центръ, а въ другомъ граница периферія; затѣмъ, тогда какъ небо усѣяно узоромъ звѣздъ и на-

селено высшими разумными существами, землю она украсила растеніями и наполнила животными, которыя обладают лишь способностію ощущеній. Въ срединѣ же между этими крайностями находится человекъ, который представляетъ собою какъ-бы нѣкую амфибію—существо способное къ двоякаго рода жизни, такъ какъ онъ есть въ одно время и послѣдній изъ тѣхъ существъ, что тамъ вверху, и первый надъ тѣми, что тутъ внизу, почему онъ иногда вращается между безсмертными, когда, придя въ разумъ, возвращаетъ себѣ свое первобытное состояніе, а иногда живетъ среди смертныхъ родовъ, когда нарушеніемъ божественныхъ законовъ теряетъ подобающее ему достоинство. Представляя собою послѣдній родъ въ числѣ разумныхъ существъ, онъ не можетъ мыслить постоянно и неизмѣнно,—потому что тогда онъ былъ бы уже не человекомъ, а богомъ, не можетъ мыслить постоянно даже съ измѣнчивостію въ мысляхъ, такъ какъ это поставило бы его въ чинъ ангеловъ. А такъ какъ онъ есть человекъ, то онъ лишь дѣятельностію своею можетъ достигать уподобленія тому, кто выше и совершеннѣе его, по природѣ же своей онъ ниже и безсмертныхъ боговъ, и славныхъ героевъ, т. е., ниже и первыхъ и среднихъ міровыхъ божествъ. Но насколько онъ ниже этихъ родовъ тѣмъ, что не всегда мыслить, и иногда впадаетъ въ забвеніе и невѣдѣніе какъ собственной природы, такъ и свѣтащаго въ ней божественнаго свѣта, настолько же онъ выше животныхъ и растеній тѣмъ, что не всегда остается въ незнаніи, да и всю вообще земную и смертную природу превосходитъ онъ самымъ существомъ своимъ, такъ какъ обладаетъ въ немъ способностію и возможностью все вновь и вновь обращаться къ Богу, уничтожать забвеніе воспоминаніемъ, вновь ученіемъ пріобрѣтаетъ потерянное и свое бѣгство изъ горняго міра вращевать обратнымъ туда бѣгствомъ. Поелику же такова природа человека, то ему свойственно и созерцать распорядокъ боговъ безсмертныхъ и людей смертныхъ, т. е., всѣхъ родовъ разумныхъ существъ и познавать природу во всемъ одинаковую, т. е., тѣлесную сущность какъ такую, которая отъ высшихъ родовъ и до самыхъ низшихъ украшена божественною соразмѣрностію и правильностію, но познать все

это совѣтуется не какъ нибудь, а „*пристойно*“, т. е., „*правильно*“—по истинѣ; познать же все по истинѣ значитъ познать во всемъ присутствіе закона, познать какъ всѣ вещи тѣлесныя-ли то или безтѣлесныя созданы Богомъ и какъ онѣ устроены и упорядочены его законами. И понятно, что это требованіе познанія по истинѣ слѣдуетъ относить къ обоимъ порядкамъ творенія, ибо и вообще мы не должны опредѣлять достоинство вещей по своему произволу и усмотрѣнію, слѣдуя лишь своимъ личнымъ неосмысленнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, но должны сообразоваться съ нормами истины и *познавать все роды сущаго правильно*—по истинѣ, т. е., такъ, какъ каждый изъ нихъ устроенъ по законамъ творенія. Въ результатѣ же этихъ двухъ познаній двухъ твореній Божіихъ—міра безтѣлеснаго и міра вещественнаго получится, какъ прекрасный цвѣтъ и плодъ ихъ, то, что мы и тщетныхъ надежъ ужъ не станемъ питать *и все тогда станетъ намъ ясно*. Въ самомъ дѣлѣ, не отъ чего либо другого, какъ отъ незнанія природы вещей, происходитъ между прочимъ и то, что мы надѣемся на то, на что не слѣдуетъ надѣяться, воображаемъ и задумываемъ то, что совсѣмъ невозможно. Такъ наприм. кто, будучи человѣкомъ, пожелаетъ очутиться въ сонмѣ *безсмертныхъ боговъ*, или даже только въ сонмѣ *демоновъ—дивныхъ героев*, тотъ очевидно не знаетъ грапицъ природы и не умѣетъ различать, что въ цѣломъ мірѣ этихъ существъ есть первое, что среднее, что послѣднее. Или, кто, не зная или не желая ничего знать о безсмертіи своей души, полагаетъ, что она умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, тотъ ожидаетъ того, чего ожидать не должно и что не можетъ случиться. Или, кто воображаетъ, что вмѣсто нывѣшняго тѣла получить въ новой жизни тѣло зѣбры и будетъ или безсловеснымъ животнымъ за свою порочность, или даже растеніемъ за совершенную тупость ощущенія и сознанія, тотъ мнитъ противное возвышающему человѣческую природу въ высшіе порядки существъ, тотъ низвергаетъ ее слишкомъ ужъ далеко внизъ, въ заблужденіи своемъ не разумѣя, что принадлежащій самому существу человѣческой души видъ не можетъ измѣниться ни въ какой другой, ибо

она всегда остается человѣкомъ ¹⁾; но такъ какъ она то добродѣтель пріобрѣтаетъ, то порокъ, то иногда говорится о ней, что она стала божествомъ, или животнымъ, но, конечно, съ тѣмъ сознаниемъ, что по природѣ своей она не есть ни то, ни другое, и что только по образу жизни своей она походитъ или на то, или на другое. Да и вообще кто не знаетъ надлежаще достоинства и значенія каждой вещи, которое или преувеличиваетъ или слишкомъ умаляетъ, тотъ въ самомъ незнаніи этомъ носитъ въ себѣ источникъ несбыточныхъ мечтаній, безнадежныхъ надеждъ. Напротивъ, кто все существующее измѣряетъ и различаетъ тѣми мѣрами и границами, которыя примѣнены въ немъ самимъ творцомъ, кто знаетъ, какъ, какими именно созданы всѣ вещи, тотъ скорѣе и полнѣе всякого другого соблюдетъ правило: „*слѣдуй за Богомъ*“ (ἐποῦ θεῶ), также и другое: „*лучше всего мѣра*“ (ἀριστοῦ μέτρον), да и не станетъ питать ни какихъ несбыточныхъ надеждъ.

XXIV. 54—60.

Узришь, что люди всѣ бѣдствія терняютъ, сами жъ избравъ ихъ,
 Иалкіе: блага къ нимъ близки, они жъ ихъ не видятъ, не слышатъ,
 Золъ-же ослабы достигнуть умѣютъ-лишь очень не многіе.
 Такъ-то судьба помрачаетъ умъ смертныхъ: они шары словно
 Въ разныя стороны носятся, бѣдъ безъ числа наживая,
 Ибо не видятъ, какъ губитъ ихъ спутникъ—вражда ихъ жестокая,
 Въ нихъ же растущая;—прочъ бы бѣжать ея, бросивъ задоръ свой.

Послѣ того какъ должнымъ образомъ познаны природа и распорядокъ родовъ безтѣлесныхъ и тѣлесныхъ существъ, слѣдуетъ тщательно изслѣдовать и природу человѣка, что она, какова она, какимъ подвержена превратностямъ, и уразумѣть, что она занимаетъ средину между тѣми существами, которыя не впадаютъ и не могутъ впасть въ грѣхъ, и тѣми, которыя

¹⁾ Пьерокль, очевидно, совсѣмъ не раздѣляетъ вѣры большинства Пифагорейцевъ въ неограниченную метемпсихозу, т. е., въ возможность и необходимость для души человѣческой воплощаться въ тѣлѣ, какого заслуживаетъ, не исключая и тѣлѣ самыхъ низшихъ животныхъ, даже растений. Платонъ, повидимому, благосклоннѣе относился къ этой вѣрѣ (Тимей 91. 92), но Пьерокль, по примѣру Аристотеля, рѣшительно ее отвергаетъ.

по природѣ своей не могутъ возвыситься до добродѣтели, почему она и принимаетъ попеременно то тотъ, то другой образъ, — то живетъ тамъ (на небѣ) блаженною духовною жизнію, то здѣсь (на землѣ) живетъ жизнію чувственною, страстною. Поэтому-то справедливо Гераклитъ сказалъ, что мы живемъ тѣхъ (боговъ) *смертію* и умираемъ *„тѣхъ жизнію“*, ибо въ самомъ дѣлѣ человекъ ниспадаетъ и удаляется изъ обители блаженства, какъ говоритъ Емпедоклъ пиеагореецъ:

бѣглець изъ обители боговъ и изгнанникъ,
ненеговой враждѣ повпнующійся,

восходитъ-же вверхъ и вновь принимаетъ свой первоначальный образъ, когда убѣгаетъ изъ земли—этой печальной страны и отъ всего земнаго, какъ говоритъ тотъ же Емпедоклъ:

гдѣ убійство и ненависть и цѣлыя поляща другихъ золь и гдѣ
внадшіе въ нихъ
блуждаютъ по лугу и во тмѣ Аты.

Напротивъ, желаніе того, кто убѣгаетъ отъ луга Аты (безумія), устремляется къ лугу истины. А если душа покидаетъ этотъ лугъ, тогда она теряетъ свои перья и устремляется въ земляное тѣло, лишаясь вмѣстѣ съ тѣмъ блаженной жизни. Подобное этому ученіе находимъ мы и у Платона, который о ниспаденіи (души) такъ говоритъ: *„когда душа, не имѣя силъ слѣдовать за Богомъ, теряетъ его совѣсть изъ виду и, по несчастію потерявъ перья, падаетъ на землю, тогда по закону природы она вселяется въ смертное животное“* ¹⁾, а о восхожденіи—такъ: *„когда человекъ эту позднѣе приросшую къ нему массу, состоящую изъ земли, воды, воздуха и огня, мятежную и бессмысленную побѣдитъ своимъ разумомъ, тогда онъ приходитъ въ видъ бытія первоначальнаго и совершеннѣйшаго, тогда же онъ возвращается на свойственную его природу звезду, ставши здоровымъ и цѣлымъ“* ²⁾, ставши здоровымъ, благодаря освобожденію отъ страстей, какъ бы отъ болѣзни,—что достигается гражданскою добродѣтелію, а цѣлымъ, благодаря

1) Phaedon 216. С.

2) Timaeus 42. С.

возстановленію въ себѣ, какъ своихъ природныхъ органовъ, разума и знанія, что достигается съ помощію теоретической истины. Что наше удаленіе отъ боговъ должно—быть врачуемо не инымъ чѣмъ, какъ бѣгствомъ отсюда (отъ всего земного),—это Платонъ ясно выражаетъ въ томъ своемъ положеніи, что цѣль и задача самой философіи не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ томъ, чтобъ освободить человѣка отъ золь земного существованія ¹⁾). Что страсти свойственны только существамъ смертнымъ, это онъ такъ выражаетъ: *„зло здѣсь исчезнуть не можетъ, въ богахъ ему нѣтъ мѣста, но возвращается оно всегда только въ этомъ мѣстѣ—въ смертной природѣ,* ибо то, что подвержено непрерывному происхожденію и уничтоженію и всяческому измѣненію, способно и къ такимъ измѣненіямъ, которыя противны природѣ, а это и есть начало всѣхъ золь. А о томъ, какимъ образомъ можно и должно избѣгать золь, онъ такъ говоритъ: *„посему должно отсюда бѣжать туда, бѣгство же это состоитъ въ уподобленіи Богу, насколько оно возможно для человѣка, а богоподобіе состоитъ въ правдѣ и святости, соединенныхъ съ мудростію“* ²⁾), ибо желающему избѣгнуть золь дѣйствительно прежде всего необходимо отвращаться отъ смертной природы, такъ какъ тѣмъ, которые допускаютъ въ себя ея примѣсь, невозможно не подпадать тому злу, которое съ необходимостію вытекаетъ изъ самаго существа ея. Итакъ, если удаленіе отъ Бога и потеря крыльевъ, которыя облегчаютъ намъ пареніе вверхъ, низринули насъ въ мѣсто смертныхъ и въ пучину свойственныхъ имъ золь, то и наоборотъ только отрѣшеніе отъ смертной страстности и вырастаніе добродѣтелей, какъ нѣкихъ крыльевъ, можетъ возвести насъ въ мѣсто свободное отъ золь и привести къ блаженству божественной жизни, ибо человѣкъ, будучи по природѣ существомъ среднимъ между тѣми, которыя всегда знаютъ Бога, и тѣми, которыя вовсе не способны возвыситься до богопознанія, то возвышается до первыхъ изъ нихъ, то ниспадаетъ до уровня послѣднихъ, смотря по тому, сохраняетъ ли въ себѣ или теряетъ разумъ, и такимъ образомъ вслѣдствіе своей обо-

1) Phaedon 81. А.

2) Ibid.

юдной природы способенъ попеременно принимать то богоподобіе, то звѣроподобіе. Потому-то, кто *позналъ, что такова именно есть природа человѣческая*, тотъ знаетъ также и то, какимъ образомъ и *какимъ бѣдствіямъ люди сами себя подвергаютъ*, и почему они бываютъ несчастны и жалки по своей собственной волѣ, ибо они часто, или имѣя возможность оставаться тамъ (на небѣ), низвергаются своимъ собственнымъ стремительнымъ желаніемъ въ этотъ міръ путемъ рожденія, или имѣя возможность скоро отсюда удалиться, сами себя закрѣпляютъ здѣсь неумѣренными страстями. Вотъ почему и говорится, что они, *не смотря на то, что блага такъ близко находятся, не видятъ ихъ и не слышатъ*, при чемъ, понятно, подъ *благами* разумѣется добродѣтель и истина. Частнѣе,—выраженіе *„не видятъ блага близъ лежащихъ“* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ отсутствія самодѣтельнаго изысканія благъ, а выраженіе *„не слышатъ“*,—въ смыслѣ невниманія къ наученію другихъ, потому что знаніе пріобрѣтается двоякимъ образомъ—или путемъ наученія и слушанія, или путемъ изысканія, т. е., созерцанія и разсматриванія. Итакъ, о тѣхъ говорится, что *„они подвергаютъ бѣдствіямъ“*, которые ни отъ другихъ ни чему научиться, ни сами уразумѣть ничего не желаютъ и которые, бывъ лишены всякой чувствительности къ благамъ, суть совсѣмъ негодные люди, ибо кто ни самъ не мыслить и не разумѣетъ, ни толкующаго не слушаетъ, тотъ—ни къ чему не годный человѣкъ. Напротивъ, которые не лѣнятся или отъ другихъ научиться или самодѣтельно изслѣдовать и познавать, тѣ *золь ослабы достигнуть умѣютъ*, и избавившись отъ тягостей и трудовъ земныхъ, переселяются въ свободный эфиръ. Но такихъ *не много*, ибо въ огромномъ большинствѣ люди злы, рабствуютъ смертнымъ страстямъ, и отъ пристрастія къ землѣ настолько бессмысленны, что даже то зло сами изъ себя порождаютъ, что желаютъ убѣжать отъ Бога и лишиться того общенія съ нимъ, которымъ пользовались, пока жили въ чистомъ свѣтѣ. Это именно отдѣленіе отъ Бога и разумѣетъ стихъ, упоминая о той *судьбѣ, которая помрачаетъ разумъ*, ибо какъ невозможно то, чтобъ не былъ безумнымъ тотъ, кто чуждъ Бога, такъ невозможно и то, чтобъ не былъ чуждъ Бога тотъ,

кто безуменъ, и какъ неизбежно безумному быть чуждымъ Бога, такъ чуждому Бога неизбежно быть безумнымъ. По той и другой причинѣ вмѣстѣ люди, не склонные къ познанію истинныхъ благъ, *терпятъ безконечныя бѣдствія*; своими незаконными дѣяніями они, *шары словно движутся и натолкиваются* то на одно, то на другое зло, и не знаютъ, чѣмъ помочь себѣ, потому что какая бы ни постигла ихъ судьба, они всегда поступаютъ какъ чистые невѣжды: въ богатствѣ они показываютъ высокомеріе, въ бѣдности становятся злодѣями, силою тѣлесною пользуются для воровства и грабежа: а въ немощахъ и болѣзняхъ ропщутъ и богохульствуютъ, когда нѣтъ у нихъ дѣтей, то плачутся, а когда есть, то изобиліе ихъ ставятъ предлогомъ вражды и безсердечнаго любостязанія и корыстолюбія. Короче сказать,—нѣтъ ничего такого въ жизни, что не служило бы для безумныхъ поводомъ къ злу, такъ какъ они постоянно влекутся къ злу собственною произвольно избранною порочностію и не хотятъ ни сами взглянуть на божественный свѣтъ, ни отъ другихъ слышать что либо объ истинныхъ благахъ, но погруженные въ глубину страстей, носятся въ жизни сюда и туда, словно по бурной волнѣ. Только одно есть спасеніе отъ зла,—это обращеніе къ Богу, паходимое только тѣми, которые глазъ и ухо души напрягаютъ къ воспріятію благъ и соединяющееся съ нашею природою зло врачуютъ тою силою, которая возводитъ душу горѣ. Зло же присущее намъ и приумножаемое нами, есть слѣдствіе того противоестественнаго движенія нашей свободной воли, слѣдую которому мы усиливася оспаривать божественные законы и сопротивляться имъ, вовсе того не сознавая, какой мы самимъ себѣ причиняемъ вредъ тѣмъ самымъ, что мнимъ противиться Богу и лишь то одно въ слѣпотѣ своей видя, что мы могли и можемъ попирать его законы. Вотъ это и есть сверхмѣрное и распущенное пользованіе свободной воли, когда мы дерзаемъ отпадать отъ Бога и даже какъ бы вступать съ нимъ въ *жестокую вражду*, когда мы какъ-бы въ борьбу и состязаніе вступаемъ съ нимъ, именно, если Онъ говорить, не дѣлай того-то, мы больше всего желаемъ именно это самое дѣлать, а если говорить, то—то дѣлай, мы

меньше всего желаемъ это дѣлать, такъ что преступающіе божественный законъ съ двухъ сторонъ наполняютъ себя несчастіемъ, какъ тѣмъ; что не соблюдаютъ предписываемаго, такъ и тѣмъ, что дѣлаютъ воспрещаемое. Что же, спрашивается, можемъ мы придумать противъ этой жестокой вражды, которая называется спутникомъ, въ насъ же растущимъ, которая рождается изъ противоестественнаго направленія нашей собственной свободной воли и которая по этому самому, какъ наше собственное внутреннее зло, способна причинять намъ вредъ скрытно, незамѣтно? Что можно и должно противопоставить ей? Въ чемъ искать врачевства отъ этой безумной вражды? Въ самомъ дѣлѣ, что другое можетъ ослабить и побѣдить силу, влекущую насъ долу, какъ не то, если мы стапемъ весь трудъ свой полагать на то, упражняться въ томъ, и любовь имѣть ко всему тому, что можетъ поставитъ насъ на стезю божественной добродѣтели? Это и есть то освобожденіе отъ золъ, котораго достигнуть не многие умѣютъ, это же есть слышаніе и видѣніе благъ близъ лежащихъ, это есть ослаба добровольно избранныхъ бѣдъ, это есть пресѣченіе безконечнаго множества страстей,—это же есть и прекращеніе нечестивой борьбы съ Богомъ и очищеніе послѣ безумной вражды къ нему, спасеніе души и превращеніе уделенія отъ Бога въ возвращеніе къ нему, ибо стремительность внизъ мы не инымъ чѣмъ можемъ побѣдить, какъ только усиленнымъ стремленіемъ вверхъ,—тѣмъ, если мы вмѣсто того чтобъ допускать ее развиваться и къ злу присовокуплять новое зло, ставъ послушными здравому смыслу, замѣнимъ эту жестокую распрю, доброю борьбою, т. е., если будемъ искать побѣды не въ сопротивленіи Богу, а въ возможно полнѣйшемъ повинненіи ему, что, собственно говоря, вовсе уже не есть и борьба или вражда, а напротивъ богопослушная покорность, подчиненіе божественному закону, совершенно добровольное повинненіе, словомъ такое состояніе, которое исключаетъ всякіе мотивы къ бессмысленному сопротивленію. Вотъ такая мысль, по моему мнѣнію, выражена этими словами. А что порочность людей зависитъ отъ ихъ собственной воли, это выражаютъ слова: *узришь, что люди всѣ бѣдствія терпятъ, сами жъ избравъ ихъ*; людей этихъ слѣдуетъ считать жалкими и несчастными, такъ какъ они по собственной волѣ вовлекли себя

въ порочность и въ неразлучныя съ нею бѣды. Что такого рода люди совсѣмъ не желаютъ и слышать объ истинныхъ благахъ, это выражаютъ слова: *блага къ нимъ близки, они жъ ихъ не видятъ, не слышатъ*. А что отъ добровольно избранныхъ золь есть возможность освободиться, это выражаютъ слова: *„золь же ослабы достигнуть умѣютъ лишь очень не многіе“*, вставленная нарочно для того, чтобъ показать, что отъ нашей собственной воли въ равной мѣрѣ зависитъ какъ разрѣшеніе отъ золь, такъ и накопленіе ихъ въ насъ и тѣ узы, которыми онѣ насъ связываютъ. Затѣмъ присовокупляется вотъ какая причина слѣпоты и глухоты душъ, впадшихъ въ порочность: *„такъ то судьба помрачаетъ помыслы смертныхъ, ибо отдѣленіе отъ Бога приводитъ къ безумію и къ тому бессмысленному изранію жеребія, которое названо „печальною судьбою“ по той причинѣ, что оно человѣка предпочевшаго образъ смертнаго изъ частей состоящаго животнаго, извергаетъ изъ сонма божествъ*. Кроме того, показывается далѣе, что является слѣдствіемъ этого неразумія и дается знать, что грѣхи человѣческіе суть вмѣстѣ и произвольные и непроизвольные—въ сравненіи жизни безумныхъ съ движеніемъ шара по плоскости, которое есть вмѣстѣ и круговое и прямолинейное,—круговое, зависящее отъ природы самого шара, и прямолинейное—происходящее отъ толчка, ибо какъ шаръ не можетъ сохранить въ цѣлости круговаго движенія около своей оси, если станетъ отклоняться отъ прямой линіи, такъ и душа оказывается не способною достигать истинныхъ благъ, когда удаляется отъ здраваго и праваго разума и отъ общенія съ Богомъ, и вмѣсто того блуждаетъ ощупью около благъ мнимыхъ, сбивается съ прямого пути то сюда, то туда, волнуемая чувственными пожеланіями и страстями, что выражается словами *„то туда, то сюда носятся. золь безъ числа наживая*. Поелику же причина и *печальной злой судьбы, помрачающей помыслы, и отдѣленія отъ Бога* лежитъ въ противоестественномъ движеніи и направленіи свободной воли, то слѣдующіе два стиха показываютъ, какимъ образомъ можетъ быть достигаемо и усмиреніе этой воли, и ея обращеніе къ Богу, изъ коихъ одинъ такъ указываетъ на зависимость отъ нашей воли этой умопомрачающей судьбы: *„не видятъ, какъ*

*убитъ ихъ спутникъ—вражда ихъ жестокая, ими жъ взро-
щенная*“, а другой такъ даетъ знать, что врачеваніе этого зла
также отъ нашей воли зависитъ „*прочь бы бѣжать ея, бросивъ
задоръ свой*“. Зная же, что какъ для избѣжанія постигшихъ
насъ золь, такъ и для воспріобрѣтенія благъ намъ прежде и
болѣе всего необходима помощь Божія, (авторъ стиховъ) вслѣдъ
за симъ присовокупляетъ такое прошеніе объ этой помощи,
какъ бы нѣкую молитву:

XXV. 61—66.

Зевсъ отецъ! Всѣмъ бы открылъ ты, какиѣ они духомъ владѣютъ!
Всѣхъ тогда ты бы избавилъ отъ многихъ и многихъ несчастій!
Ты же мужайся, ибо божественность смертнымъ доступна,
Если святая природа имъ все и всегда показываетъ.
Если и ты изъ числа сихъ,—совѣты мои блюсти будешь,
Душу свою тѣмъ ясиблишь, отъ здѣшнихъ скорбей ты спасешься.

У Пинагорейцевъ было въ обычаѣ называть творца и отца
этой вселенной именами Дія и Зина на томъ основаніи, что
того, отъ котораго все существующее получаетъ бытіе и жизнь,
справедливѣе всего называть именемъ, обозначающимъ эту
дѣятельность, какъ и вообще собственнымъ и болѣе истин-
нымъ именемъ Божества слѣдуетъ считать то, которое болѣе
и лучше другихъ выражаетъ Его силы и дѣйствія. Не таковы
наши собственные имена, которыя даются болѣе по случаю и
по произвольному выбору, чѣмъ во вниманіе къ дѣйстви-
тельнымъ свойствамъ природы, почему они весьма часто оказы-
ваются не соответствующими тѣмъ, которые ихъ носятъ, какъ
напр., бываетъ, если какой либо негодяй носить имя Агаѳона,
или какой нибудь безбожникъ зовется Евсеіемъ. Такія имена
не могутъ имѣть никакого притязанія на правильность и ис-
тинность, потому что они не выражаютъ ни природы, ни
свойствъ и силъ именуемыхъ ими вещей. Истинной правиль-
ности именъ слѣдуетъ искать въ вещахъ вѣчныхъ и между
вѣчными въ божественныхъ, а между божественными—въ са-
мыхъ высшихъ. Поэтому, имя Дія есть какъ бы отлившійся
въ звукахъ символъ и образъ творческой природы по той при-
чинѣ, что тѣ, которые первые дали имена вещамъ, благодаря

своей величайшей мудрости, какъ бы нѣкіе искуснѣйшіе ваятели статуй, въ именахъ вещей какъ въ сбразахъ ихъ выразили ихъ свойства и силы, ибо для нихъ имена были не что иное, какъ выраженные посредствомъ звуковъ знаки мыслей души, или ея понятій, мысли же эти и понятія они понимали, какъ мысленные умственно образы познаваемыхъ вещей. Итакъ, пребывая душою постоянно въ мысленномъ, сверхчувственномъ мірѣ, наполнялись теоріею, бременѣя отсюда идеями и какъ бы мучась родовыми болями, они затѣмъ изливали свои мысли въ звукахъ и давали вещамъ такія имена, которыя бы посредствомъ слова и всѣхъ входящихъ въ составъ его звуковыхъ элементовъ, насколько возможно лучше и яснѣе, отливали въ себѣ образы или идеи именуемыхъ вещей—такъ, чтобы они и во всѣхъ слышащихъ ихъ и правильно разумѣющихъ возбуждали тѣ же мысли и идеи объ истинныхъ сущностяхъ вещей, и вотъ почему конечный результатъ ихъ изслѣдованій можетъ и долженъ служить для насъ начальнымъ исходнымъ пунктомъ въ познаніи и пониманіи вещей. Такимъ то образомъ у нихъ тотъ самый творецъ міра, который выше названъ былъ тетрактисомъ. Здѣсь называется Зевсомъ—отцомъ, по причинамъ, которыя мы показали. А то, что испрашивается у Бога этою молитвою, уже всѣмъ намъ онъ прензобильно даровалъ по благи своей, и отъ насъ самихъ зависитъ принять то, что даруется имъ всегда. Да и выше уже было сказано:

приступай къ дѣлу, богамъ помолившись;

потому что боги-то всегда даютъ блага, мы же лишь тогда получимъ ихъ, когда сами устремляемся къ божественнымъ щедротамъ, ибо свободная воля лишь тогда можетъ получить истинныя блага, когда сама желаетъ ихъ,--блага же эти суть истина и добродѣтель, которыя творческая причина изливаетъ всегда и неизмѣнно какъ лучи своего свѣта. Но тутъ стихъ кромѣ того, для разрѣшенія отъ золь, какъ необходимаго условія, требуетъ, чтобы мы надлежаще знали свою собственную природу, ибо эту именно мысль содержитъ въ себѣ выраженіе: „*какимъ они духомъ владѣютъ*“, т. е., какою душою. Необходимымъ слѣдствіемъ такого обращенія къ самому себѣ и

самопознанія ставится и освобожденіе отъ золь и воспріятіе предлагаемыхъ Богомъ даровъ, дающихъ блаженства. Итакъ, по связи въ этой фразѣ условія со слѣдствіемъ выходитъ, что *„если бы всѣ знали, что такое они суть и какую душу имѣютъ, то и всѣ были бы раздѣлены отъ золь.* Но это невозможно, ибо невозможно же, чтобъ всѣ разомъ стали философами и всѣ восприняли блага, даруемая Богомъ для полноты блаженной жизни. Поэтому, что иное остается допустить, какъ не то, что лишь тѣ могутъ питать эту надежду, которые отдаются наукѣ, показывающей, каковы и въ чемъ состоятъ свойственныя намъ блага. Ибо понятно, что только они будутъ *разрѣшены* отъ золь, присущихъ смертной природѣ, такъ какъ они только предавались изслѣдованію и созерцанію истинныхъ благъ; они могутъ быть даже въ разрядъ боговъ внесены, такъ какъ они *священною природою*, т. е., философіею наученные упражнялись постоянно въ исполненіи того, что составляетъ долгъ нашъ. Но и мы конечно можемъ показать себя участниками въ сообществѣ божественныхъ мужей, если будемъ творить добрыя дѣла и предаваться научнымъ занятіямъ, чѣмъ однимъ *душа человѣческая* врачуетъ, отъ тягостей и *трудовъ* здѣшней жизни освобождается и возвращаетъ себѣ свой *божественный жребій*. Короче можно такъ выразить главную мысль надписанныхъ стиховъ: всякій, вѣдущій самого себя, разрѣшается отъ присущей нашей смертной природѣ страстности. Почему же, спросятъ, не всѣ разрѣшаются, когда всѣмъ присуща отъ природы способность самопознанія? Да потому что, какъ сказано выше, люди въ большинствѣ своемъ, подъ тягестію добровольно взятыхъ на себя золь, и не видятъ и не слышатъ истинныхъ благъ, не смотря на то, что они всегда такъ близки отъ нихъ, и лишь не многіе умѣютъ найти разрѣшеніе отъ золь чрезъ познаніе того, *какимъ духомъ обладаютъ*, это именно тѣ, которые философіею избавляются отъ противныхъ разуму страстей и отъ связи со всѣмъ здѣшнимъ освобождаются, какъ отъ узъ темничныхъ. А какое дѣлается обращеніе къ Зевсу? *„Всѣмъ бы открылъ ты, какимъ они духомъ владѣютъ! Всѣхъ тогда ты бы избавилъ отъ множества золь и страданій.* Что же? Неужели въ его власти всѣхъ обратить

къ истинѣ, не исключая и тѣхъ, которые совсѣмъ того не желаютъ, а между тѣмъ этого не дѣлаютъ по небреженію, или по отсутствію благожеланія? Понятно, что нельзя допустить даже намека на что либо подобное. Скорѣе, стихъ выражаетъ ту мысль, что стремящійся къ блаженству можетъ и долженъ обращаться къ Богу, какъ къ *отцу*, потому что Богъ, будучи творцомъ всѣхъ, для добрыхъ есть также и *отецъ*. Итакъ, кто достигаетъ разрѣшенія отъ золь, кто освобождается отъ добровольно избранныхъ бѣдъ, кто жестокую вражду пресѣкаетъ добровольнымъ бѣгствомъ (отъ всего мірскаго), тотъ, обращаясь за помощію отъ Бога, которая у него всегда готова, взываетъ „о *Зевсѣ отцѣ*“, дерзая Бога называть отцемъ, потому что прежде того сдѣлалъ все требуемое отъ сына, и помышляетъ въ себѣ, что если бы и со всѣми произошло то же самое, что произошло съ нимъ, тогда *всѣ* какъ и онъ, *были бы разрѣшены отъ золь*, но потомъ, соображая, что это происходитъ не по винѣ Божіей, а по той причинѣ, что въ огромномъ большинствѣ люди подвержены бѣдамъ, ими же самими на себя взятымъ, говорить, обращаясь къ себѣ самому, — *но ты мужайся*, поелику нашелъ путь *разрѣшенія отъ золь*. Путь же этотъ есть обращеніе къ тѣмъ указаніямъ со стороны Бога, которыхъ многіе совсѣмъ не замѣчаютъ по той причинѣ, что не пользуются какъ должно тѣми общими понятіями, которыя творецъ вложилъ въ природу разумнаго рода существъ для того, чтобъ они познавали Его. Между тѣмъ, для того, чтобъ показать кому нибудь что бы то ни было, требуются всегда двѣ дѣятельности, простирающіяся на одинъ и тотъ же предметъ (ибо какъ покажешь слѣпому что либо, хотя бы тысячекратно говорилъ ему о томъ, что хочетъ показать, или зрячему какъ покажешь, безъ наличности предмета, который желаешь показать?); и обѣ онѣ должны быть на лицо вмѣстѣ, именно, со стороны желающаго показать должно быть на лицо показываемое благо, а со стороны того, кому желательно показать, должно быть на лицо ясное и отчетливое зрѣніе для того чтобъ оттуда зримое, а отсюда зрѣніе сошлись и соединились для осуществленія воспріятія. Положивши въ основаніе эту посылку, мы можемъ допустить, что *всѣ были-бы разрѣшены отъ*

золъ, если бы Творецъ *всѣмъ показалъ*, всѣмъ сообщилъ познаніе своей собственной природы, или открылъ то, *какимъ они духомъ владѣютъ*. Однако несомнѣнно, что не всѣ *разрѣшаются отъ золъ*; слѣдовательно, не всѣмъ Онъ и показываетъ, а лишь тѣмъ однимъ, которые съ своей стороны сами прилагаютъ все стараніе *къ разрѣшенію отъ золъ*, сами открывая и напрягая зрѣніе свое для созерцанія и воспріятія того, что Онъ имъ показываетъ. Слѣдовательно, не Творецъ виною тому, что не всѣмъ *открываетъ*, а сами же тѣ, которые не хотятъ ни видѣть благъ, ни слышать объ нихъ, не смотря на то, что блага всегда близъ ихъ, почему и говорится о нихъ, что они терпятъ бѣды, ими же самими избранныя. Вся вина лежитъ на самихъ избирающихъ. Богъ-же совсѣмъ этой винѣ не причастенъ, ибо съ своей стороны дѣлаетъ все, чтобъ блага *сіяли для всѣхъ*, не можетъ же *открыть*, т. е., сдѣлать явными для всѣхъ лишь потому, что у большинства людей очи совсѣмъ закрыты для благъ, которыя предлагаются ихъ созерцанію и воспріятію, будучи въ это время устремлены въ нихъ и заняты созерцаніемъ всего низменнаго и дурнаго. Такое толкованіе стиха согласуется и съ истиною и со смысломъ всѣхъ предъидущихъ стиховъ, ибо если Богъ можетъ всѣхъ людей приводить къ истинѣ даже противъ ихъ воли и желанія, тогда какой смыслъ можетъ имѣть укоръ имъ за то, что они терпятъ бѣды, ими же самими избранныя? Какой смыслъ тогда имѣлъ бы совѣтъ, чтобъ они не увеличивали жестокой вражды, а всячески ея избѣгали, или совѣтъ, чтобы они благодушно переносили несчастія и искали врачевства отъ нихъ? Ибо тѣ, которые отрицаютъ свободу нашихъ дѣйствій, тѣмъ самымъ совсѣмъ запираютъ и дѣлаютъ излишнимъ тотъ путь самовоспитанія, который ведетъ къ добродѣтели. Само собою понятно, что намъ не было бы никакой надобности ни трудовъ прилагать, ни заботиться о благахъ и любить ихъ, если бы всецѣло отъ одного Бога зависѣло освободить насъ отъ зла и наполнять добродѣтелями, безъ всякаго съ нашей стороны содѣйствія, и что въ то же время пришлось бы считать Бога виновникомъ порочности огромнаго большинства людей. Поелику же Богъ не есть виновникъ зла, какъ говорится

и какъ на смомъ дѣлѣ есть, то ясно, что вина лишенія благъ въ насъ самихъ лежитъ и состоитъ въ томъ, что мы ихъ не хотимъ видѣть и слышать, не смотря на то, что они близки къ намъ, именно самую природою заложены въ присущихъ нашему разуму понятіяхъ. Причина же этой нашей слѣпоты и глухоты лежитъ въ той жестокой враждѣ или въ той добровольно избранной богопротивной порочности, которую не увеличивать должно, и всячески избѣгать и искоренять, достигая такимъ путемъ разрѣшенія отъ золь и обращенія къ Богу, ибо такимъ только путемъ съ просвѣщеніемъ отъ Бога можетъ соединиться наше созерцаніе, и тогда произойдетъ откровеніе (того, кто мы, какой духъ имѣемъ). Плодомъ же этого откровенія будетъ исцѣленіе души, освобожденіе отъ трудовъ и тягостей земного существованія, чистое созерцаніе божественныхъ благъ и соучастіе въ *отчемъ* царствіи.

Изложивши все это о добродѣтели и истинѣ, закончивши изложеніе правилъ добродѣтели ночью молитвенною бесѣдою, возбудивши вмѣстѣ съ любовію къ истинѣ надежду полнаго исцѣленія и спасенія души, стихотвореніе наше переходитъ къ тому, что относится къ чистотѣ свѣтоноснаго тѣла, и что окрыляетъ душу, присовокупляя такимъ образомъ къ двумъ предъидущимъ еще и третій родъ философіи.

Профес. Г. В. Малеванскій.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Октября № 20. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Журналы съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Синодальному Оберъ-Прокурору сообщеніе о томъ, что въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ: прихожанка Николаевской церкви г. Ахтырки, вдова надворнаго совѣтника Надежда Лебединская, при содѣйствіи сына ея, члена Рижскаго окружнаго суда Андрея Лебединскаго, пожертвовала въ названную церковь благолѣпный кіотъ съ девятью иконами, стоимостью свыше 1,000 руб.; прихожане Успенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, постановили пріобрѣсти на собственныя средства для приходской церкви икону новоявленнаго чудотворца Θεодосія Черниговскаго, стоимостью 100 руб., съ тѣмъ, чтобы ежегодно 14 мая совершаемо было въ названной церкви молебствіе о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ чтеніемъ акаѳиста святителя Θεодосія; прихожане Пятницкой церкви слободы Бакировка, Ахтырскаго уѣзда, пріобрѣли для сей церкви двѣ металлическія хоругви, съ изображеніями святителя чудотворца Николая и святыя мученицы царицы Александры, стоимостью 120 руб.; священникъ Николаевской церкви слободы Кругляковки, Купянскаго уѣзда, Іосифъ Самойловъ, и прихожане сей церкви въ молитвенную память о въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, устроили въ оной большой кіотъ, съ иконою страждущаго Христа

Спасителя, съ тѣмъ, чтобы ежегодно 26 февраля и 20 октября совершаемы были предъ сею иконою, послѣ божественной литургіи, панихиды.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Исполнявшаго обязанности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о таковыхъ выраженіяхъ вѣрно-подданинческихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 12-й день сентября сего года, благоудно было Собственноручно начертать: „Прочель съ удовольствіемъ“.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

15-го ноябріа наступаетъ срокъ взноса денегъ за содержаніе своекоштѣныхъ воспитанниковъ Семинаріи въ общежитіи за вторую треть сего учебнаго года; посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться своевременной высылкой на имя Правленія слѣдующихъ взносовъ въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 25 руб. съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 руб. съ инословныхъ воспитанниковъ.

Ректоръ Семинаріи Протоіерей *Іоаннъ Знаменскій*.

Журналы съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 17 сентября 1897 г.

Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, собравшись въ здаліи училища, въ числѣ десяти человекъ, по молитвѣ, избрали закрытою баллотировкою предсѣдателемъ священника Андрея Базилевича и дѣлопроизводителемъ священника Василя Царевского. Затѣмъ приступили къ чтенію программы занятій съѣзда и приняли оную къ обсужденію въ томъ, именно, порядкѣ, въ какомъ она составлена Правленіемъ училища: 1) *Слушали* журналы предъидущаго Съѣзда духовенства съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Преосвященства. *Постановили*: принять къ свѣдѣнію.

2) *Разсматривали* смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1898 году, изъ коихъ видно, что всей суммы предвидится къ поступленію 25596 р. 25 к., а расхода 25538 р. 5 к., болѣе противъ прошлаго года на 1146 р. 5 к., каковая раз-

ница объясняется поднятіемъ цѣны на хлѣбъ и муку; остатокъ же къ 1899 году выражается въ суммѣ 54 руб. 20 коп. *Постановили:* смѣты прихода и расхода утвердить въ представленномъ видѣ, а Правленіе просить увеличить статью расхода на поцунку рыбы вдвое, т. е. до 60 п. въ годъ, покрывъ расходъ изъ имѣющихся остатковъ, а на будущее время вносить въ смѣты послѣднее назначеніе.

3) *Слушали* докладъ смотрителя училища по возбужденному, частнымъ образомъ, на предыдущемъ Съѣздѣ вопросу о пріобрѣтеніи зданія Куняискаго казначейства и мѣста, къ нему првлегающаго, въ собственность училища. Изъ доклада видно, что зданіе ветхо и непригодно для жительства по причинѣ сырости. *Постановили:* настоящій докладъ принять къ свѣдѣнію, а въ случаѣ продажи сего зданія кому либо на сносъ, пріобрѣтеніе двороваго мѣстечка имѣть въ виду Правленію училища.

4) *Разсматривали* дополнительную смѣту расхода на текуцій 1897 годъ по разнымъ предметамъ, на сумму 286 р. *Постановили:* сверхсмѣтные расходы покрыть изъ имѣющихся быть остатковъ, сумма которыхъ, какъ видно изъ доклада училищнаго Правленія за № 399, къ 1898 году простирается до 1000 рублей.

5) *Слушали* докладъ Правленія училища о томъ, что за болѣзнію учителя Александра Троицкаго, съ 3 марта и до конца учебнаго года, по предметамъ имъ преподаваемымъ, уроки дали: смотритель училища Иванъ Григоровичъ 29, помощникъ его Александръ Малишевскій 35, учитель русскаго языка Николай Александровъ 37 уроковъ и учитель церковнаго пѣнія Николай Василевскій 30 уроковъ бесплатно, а потому, примѣнительно къ § 62 училищнаго устава, не найдетъ ли Съѣздъ возможнымъ удовлетворить означенныхъ лицъ поурочною платою, всего въ суммѣ 133 р. 63 коп. Признавая ходатайство Правленіе законнымъ и подлежащимъ удовлетворенію, *постановили:* просить Правленіе выдать изъ мѣстныхъ средствъ смотрителю училища Ивану Григоровичу 32 руб. 77 коп., помощнику смотрителя Александру Малишевскому 39 р. 55 к., учителю Николаю Александрову 41 руб. 81 к. и учителю Николаю Василевскому 19 р. 55 к.

6) *Слушали* словесный докладъ членовъ Правленія отъ духовенства о томъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ сего года учитель Троицкій былъ безнадежно боленъ и жена его, убитая горемъ, со слезами заявляла Правленію, что она на отправленіе больного мужа въ г. Харьковъ не имѣетъ ни копѣйки, почему просила Правленіе по-

мочь ей, хотя займообразно, выдачею на лечение въ военномъ госпиталѣ 80 руб. и на сопровожденіе больного фельдшеромъ 12 р., всего 92 р. Принимая во вниманіе, что Съѣздъ духовенства прошедшаго года призналъ учителя Троицкаго достойнымъ временнаго вознагражденія, какъ прослужившаго болѣе 10 лѣтъ, и только за израсходованіемъ училищныхъ средствъ не могъ его удовлетворить, Правленіе рѣшило выдать ей просимую сумму займообразно впредь до рѣшенія будущаго Съѣзда, а въ настоящее время предлагается Съѣзду вопросъ, какъ покрыть произведенный расходъ. *Постановили:* вышеозначенный расходъ въ количествѣ 92 руб. на лечение учителя Троицкаго восполнить изъ имѣющихся быть училищныхъ остатковъ.

7) *Слушали* прошеніе учителя приготовительнаго класса Георгія Понова объ увеличеніи ему, по примѣру учителей съ семинарскимъ образованіемъ, содержаніе ежегодно на 200 руб., такъ какъ онъ, по причинѣ дороговизны жизни въ Купянскѣ, необходимости помогать своимъ родственникамъ и, при слабости здоровья, лечиться, признаетъ получаемое имъ содержаніе въ 540 руб. недостаточнымъ. Принимая во вниманіе, что увеличеніе содержанія учителямъ училища съ семинарскимъ образованіемъ постановленіемъ Съѣзда 1891 года отмѣнено, нашли возможнымъ выдать учителю Георгію Попову на лечение изъ наличныхъ училищныхъ суммъ единовременно 100 руб., по утвержденіи журнала сего съѣзда.

8) *Слушают* прошенія: 1) земскаго фельдшера Федора Кузнецова объ уменьшеніи ему взноса за сына на 50 руб.; 2) фельдшера Федора Базилевича объ освобожденіи его отъ взноса за права слушанія уроковъ сыномъ его, имѣющимъ поступить въ духовное училище; 3) священника Захарія Жукова о принятіи внука его, состоящаго въ свѣтскомъ званіи, какъ сына лица духовнаго званія; 4) діакона Венедикта Чиркина о принятіи сына его, рожденнаго въ свѣтскомъ званіи, со взносомъ, установленнымъ для дѣтей духовенства, и 5) діакона Іоанна Христіановскаго о снятіи съ него недоимки за содержаніе сына въ училищѣ въ суммѣ 20 рублей. Принимая во вниманіе, что постановленіемъ прошедшаго Съѣзда внуки духовенства, равно и дѣти діаконовъ, рожденные въ свѣтскомъ званіи, уравниены съ лицами пнословными, а также и то, что Съѣздъ не имѣетъ права освобождать отъ недоимокъ за содержаніе въ училищѣ, *постановили:* въ просьбахъ Кузнецову, Базилевичу, Жукову и Чиркину отказать, а относительно Хри-

стіановскаго просить Правленіе сдѣлать ему отсрочку на уплату долга 20 руб. 9) *Разсматривали* вѣдчивовыя вѣдомости за прошедшій 1896 годъ и нашли, что по всѣмъ вѣдомостямъ поступленіе суммъ за означенный годъ было правильно. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію. На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Октября 3-го. Утверждается“.

Въ вечернее засѣданіе явились всѣ уполномоченные и, по выслушаніи редакціи журнала утренняго засѣданія, продолжали свои занятія.

1) *Слушали* журналы дѣйствій временнаго ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ экономическаго отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по содержанію Купянскаго духовнаго училища въ истекшемъ 1896 году, пзъ коихъ усмотрѣно, что, какъ при провѣркѣ документальной отчетности, такъ и при наблюденіи за правильностію расходованія суммъ въ текущемъ году, все найдено законо, правильно и сомнительнаго ничего нѣтъ; при чемъ ревизіонный комитетъ въ непремѣнный долгъ поставилъ себѣ выразить пріятныя впечатлѣнія, какія онъ всегда выносилъ и выноситъ при своихъ служебныхъ посѣщеніяхъ Купянскаго духовнаго училища. Благодаря постоянной и неослабной заботливости и хозяйственной опытности гг. членовъ училищнаго правленія и въ особенности г. смотрителя училища Ивана Григоровича, общежитіе при Купянскомъ духовномъ училищѣ, при посѣщеніяхъ его ревизіоннымъ комитетомъ, всегда отличается полнымъ хозяйственнымъ благоустройствомъ и примѣрнымъ во всемъ порядкомъ. Постоянная чистота и опрятность всѣхъ училищныхъ помѣщеній и училищной усадьбы, вполне удовлетворительное содержаніе учениковъ пищею, платьемъ и обувью показываютъ, что начальникъ училища зорко и бдительно слѣдитъ за благоустройствомъ ввѣреннаго ему попеченію училища. Экономическая часть училища находится въ отличномъ состояніи. Училищное правленіе не только сумѣло избѣжать какихъ либо передержекъ противъ смѣтнаго назначенія, но и достигло значительныхъ сбереженій. *Постановили:* священниковъ: Іоанна Нечаева, Моисея Петрова и Платона Стаховскаго избрать членами ревизіоннаго комитета и на будущій годъ съ назначеніемъ, по утвержденіи сего журнала, каждому члену, въ восполненіе ихъ расходовъ по поѣздкамъ для посѣщенія учи. ^{бюда} ~~бюда~~, по 4 рубля, за поѣздку, а кандидатомъ къ нимъ избрать священника Θεодора Панкратьева; Правленію же училища, въ полномъ его составѣ, за понесенные ими усердные и полез-

ные труды по благоустройству училища выразить благодарность со внесениемъ въ ихъ послужные списки, о чемъ и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ.

2) Читанъ докладъ смотрителя училища за № 400 о томъ, что онъ, по просьбѣ уполномоченныхъ прошедшаго года, наводилъ справку касательно экипировки учениковъ платьемъ и обувью, и оказалось, что, полагая на ученика, на каждый годъ, три милтоновыхъ пары, двѣ фуражки—лѣтнюю и зимнюю, двѣ пары новыхъ выростковыхъ сапоговъ съ починкою, одинъ кожаный кушакъ и бобриковое пальто на два года, потребно 34 руб.; въ частности: на экипировку блузами, обувью, фуражками и кушакомъ 23 р. и 11 руб. на пальто. При этомъ членъ Правленія отъ духовенства священникъ Θεодосій Навродскій, съ своей стороны, словесно доложилъ Съѣзду, что, въ отлчїе учениковъ духовнаго училища отъ учениковъ другихъ училищъ г. Купянска, производящихъ шалости по улицамъ и тѣмъ возбуждающихъ нареканія на учениковъ нашего училища, слѣдовало-бы установить отличительный знакъ формою фуражки, по образцу, утвержденному для воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, а также верхнимъ носильнымъ платьемъ, однообразнымъ для всѣхъ учениковъ училища. По обсужденіи означенныхъ докладовъ, признавая ихъ полезность, постановили: просить Правленіе съ будущаго 189⁸/₉ учебного года взимать съ учениковъ училища по 23 р. на экипировку платьемъ и обувью, въ вышепоименованномъ количествѣ и достоинствѣ, кромѣ пальто, предоставивъ устройство онаго изъ чернаго бобріка самимъ родителямъ, а также ввести фуражку для всѣхъ воспитанниковъ училища по образцу фуражки воспитанниковъ Семинаріи съ знакомъ К. Д. У.; ношеніе же суконныхъ сюртуковъ и блузъ отмѣнить для однообразія въ формѣ.

3) *Слушали* докладъ членовъ Правленія отъ духовенства, что для сидѣнія учениковъ въ столовой устроены отдѣльныя табуретки, которыми, при сѣданіи и вставаніи, производится шумъ, портится, при передвиженіи оныхъ, поскраска половъ и замедляется входъ и выходъ учениковъ, а потому не найдеть-ли Съѣздъ возможнымъ замѣнить табуретки прилпчными скамьями, распредѣливъ табуретки въ ученическія спальныя комнаты и другія мѣста, гдѣ является недостатокъ въ таковыхъ. Признавая полезность предложенной мѣры, постановили: просить Правленіе устройт^ь хозяйственнымъ способомъ потребное количество скамеекъ для училищ-

ной столовой, по утвержденіи сего журнала, а табуреткамъ дать другое назначеніе, по своему усмотрѣнію.

4) *Слушамъ* прошеніе писмоводителя училища Михаила Погорѣлова о прибавкѣ ему жалованья 60 руб. въ виду того, что онъ, будучи теперь семейнымъ человекомъ, при сложности письменныхъ работъ по училищу, не можетъ себѣ добывать достаточныхъ средствъ къ жизни посторонними занятіями. По заявленію же смотрителя училища и членовъ Правленія отъ духовенства, опъ, Погорѣловъ, въ теченіе семилѣтней службы настолько ознакомился съ дѣлами канцеляривъ, что, при перемѣнахъ дѣлопроизводителей, является человекомъ необходимымъ и просимой надбавки вполне заслуживаетъ; *постановили:* въ виду усердной и полезной службы Погорѣлова, увеличить содержаніе (лично ему) на 60 руб., производя выдачу такового съ октября мѣсяца сего года.

Время собранія будущаго Съѣзда назначить на 23-е сентября будущаго 1898 года. Собраніе закрыто въ 10 часовъ ночи. На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Октября 3-го. Утверждается, за исключеніемъ предположеній о форменной фуражкѣ и одеждѣ, на что нужно распорядиться практичнѣе“.

Епархіальныя извѣщенія.

Иеромонахъ Харьковскаго Покровскаго Монастыря *Иннокентій* назначенъ духовникомъ етавленниковъ на мѣсто священника Петра *Манзюкова*.

— Учитель Люботинскаго двухкласснаго училища Николай *Хомутовъ*, опредѣленный согласно прошенію 23 ноября 1896 г. на штатное діаконское мѣсто къ Вознесенской церкви с. Стецковки, Сумскаго уѣзда, 1 октября н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви зашт. города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Эварнижій*, опредѣленный согласно прошенію, на штатное діаконское мѣсто къ Екатерининской церкви с. Анпиной, Лебединскаго уѣзда, 1 октября н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ Николаевской церкви г. Лебедина Иванъ *Заводовскій*, опредѣленный согласно прошенію 23 мая н. г. на штатное діаконское мѣсто къ Маріе-Магдалининской церкви с. Бобрика, Лебединскаго уѣзда, 30 сентября н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Народный учитель Павелъ *Бондаренко*, 17 іюля н. г. опредѣленный на штатное діаконское мѣсто къ Николаевской церкви с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда, 12 октября рукоположенъ въ санъ діакона.

— Учитель Деркачевскаго народнаго училища Николай *Капустинъ*, по прошенію, 14 сего октября опредѣленъ діакономъ въ сл. Должикъ, Харьковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новый православный храмъ за границей.—Памяти Царя—Миротворца.—Дѣятельность общества распространенія Св. Писанія.—Одно изъ средствъ къ обученію народа вѣрѣ.—Народныя читальни.—Заслуживающее вниманія распоряженіе свѣтской власти.—Учебный надзоръ въ земскихъ школахъ.—Къ вопросу о благотворительности.—Новая отрасль труда для слѣпыхъ.—Дѣйствіе алкоголя на организмъ человѣка.—Некрологъ.

«Прав. Вѣст.» сообщаетъ о закладкѣ новаго православнаго храма за границей, именно въ Дартмштадтѣ, родинѣ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Храмъ будетъ воздвигнутъ въ красивомъ городскомъ паркѣ Матильденгеэ, принадлежащемъ великому герцогу Гессенскому. Мѣсто, отведенное для русскаго храма, является однимъ изъ самыхъ удобныхъ и красивыхъ въ городѣ. Православный храмъ, воздвигаемый въ византійскомъ стилѣ, съ тремя куполами, будетъ расположенъ почти въ центрѣ новой части города и явится лучшимъ украшеніемъ квартала вѣль. Онъ будетъ стоять на открытой площадкѣ и будетъ виденъ со всѣхъ сторонъ. Въ день закладки, 4 (16) октября, почти въ центрѣ парка, на возвышенномъ мѣстѣ, была разбита высокая красивая палатка, украшенная русскими и гессенскими флагами. Въ половинѣ третьяго часа къ палаткѣ прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, ихъ королевскія высочества великій герцогъ и великая герцогиня Гессенскіе и др. высочайшія особы. Тотчасъ по прибытіи Ихъ Величествъ началось торжество закладки. Богослуженіе совершалъ соборне протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, прибывшій для этого изъ Висбадена. Ихъ Величества и ихъ высочества положили первые камни, которые послужатъ основаніемъ для новаго храма во имя св. Маріи Магдалины. Торжество закончилось приглашеніемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ и великому герцогу Гессенскому.

— «Моск. Вѣд.» посвящая памяти почившаго Государя Императора Александра III одну изъ своихъ статей, называютъ Его Царемъ-Учителемъ и слѣдующимъ образомъ разъясняютъ, чему и какъ училъ Онъ Россію. „Онъ прежде всего училъ ее дорожить превыше всего Православною вѣрой, которой Россія обязана своимъ бытіемъ, своимъ раз-

витиємъ, своимъ просвѣщеніемъ. Онъ училъ насъ ограждать нашу Православную Церковь отъ какого бы то ни было нарушенія ея святости, не допускать умаленія ея достоинства, какъ Церкви государственной, сохраняя за Нею принадлежащее ей во всѣхъ предѣлахъ Имперіи Всероссійской первое мѣсто, какъ Церкви освящающей своею благодатью великій подвигъ Русскаго Царя и беззавѣтное служеніе Ему Русскаго народа. Онъ училъ насъ видѣть въ этомъ Царскомъ подвигѣ и въ этомъ беззавѣтномъ служеніи драгоцѣннѣйшую сущность всего государственнаго строя Россіи и всей нашей государственной жизни, сохраняющей въ Самодержавіи Русскихъ Царей великіе завѣты прошлаго и обезпечивающей Русскому народу великое будущее. Онъ училъ насъ любить Русскій народъ и дорожить его незамѣнными государственными качествами: его смиренною вѣрой въ Бога, его безусловною преданностью Царю, его трезвымъ государственнымъ чутьемъ, благодаря которому создалась вся идеальная и реальная мощь Имперіи Всероссійской, собравшей подъ державой Русскаго Царя многія племена, проникающіяся основною зиждительною идеей Русскаго народа. Онъ училъ насъ ясно намѣчать государственныя цѣли Россіи и идти къ нимъ твердыми шагами по открытому прямому пути чистой правды и высшей справедливости. Онъ училъ насъ не забывать великихъ уроковъ прошлаго, со спокойною прозорливостью оцѣнять явленія настоящаго и никогда не терять изъ виду всѣхъ возможныхъ послѣдствій ихъ въ будущемъ. Таково было Его ученіе, имѣвшее то великое преимущество, что оно для всѣхъ было ясно и наглядно и никакихъ сомнѣній не вызывало, никакихъ лжетолкованій не допускало. Враги Россіи негодовали на это ученіе, возродившее богатырскія силы Самодержавной Россіи, друзья ея восторгались этимъ ученіемъ, но враги и друзья ни на минуту не расходились въ своихъ сужденіяхъ о сущности этого ученія: всѣ безъ исключенія ясно знали, чего желаетъ Царь-Самодержецъ, куда Онъ ведетъ Россію, что Онъ считаетъ для нея вреднымъ и что полезнымъ. Эта ясность ученія Александра III является драгоцѣннѣйшимъ его качествомъ и для всѣхъ будущихъ временъ Россіи; вотъ почему 20-е октября, день поминовенія Великаго Царя Самодержца, является для Русскихъ людей днемъ самоиспытанія, днемъ провѣрки своей государственной совѣсти, днемъ сравненія своихъ дѣйствій и помысленій съ непреложными наставленіями великаго Учителя“. Указавъ затѣмъ на то, что Александръ III не оставилъ намъ теоретическаго изложенія Своего го-

сударственного ученія, но что вся Его жизнь, всѣ слова Его и дѣйствія являются для насъ практическимъ, нагляднымъ наставленіемъ, какъ намъ жить, какъ намъ говорить и дѣйствовать, «Моск. Вѣд.» такъ заканчиваютъ свою статью: „Покойный Императоръ оставилъ намъ не только Свой завѣты, но и вѣрнаго Исполнителя ихъ въ лицѣ возлюбленнаго Сына Своего, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Вся Россія знаетъ, какъ Державный Сынъ свято чтитъ завѣты Отца Своего, а потому и вся Россія твердо уповаетъ, что Верховный ея Вождь ведетъ ее все тою же дорогой могущества, единства и славы, которыя такъ же дороги Его Царскому сердцу, какъ и сердцу беззавѣтно преданнаго Ему вѣрноподаннаго Русскаго народа“.

— Высочайше утвержденное 2 мая 1869 года Общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи издало отчетъ о своей дѣятельности въ истекшемъ 1896 году. И дѣятельность общества и плоды ея оставляютъ вообще весьма благопріятное впечатлѣніе. «Цер. Вѣст.» сообщаетъ слѣдующія данныя изъ отчета. Всего въ отчетномъ году распространено книгъ Св. Писанія 87.378 экземпляровъ, въ томъ числѣ подарено въ бѣдныя школы, больницы, тюрьмы и немущимъ людямъ 1,867 экземпляровъ. Какъ видно изъ отчета, священныя книги пріобрѣтались людьми всякаго званія, но особенно охотно и въ особенно значительномъ количествѣ покупались людьми простыми: солдатами, дворниками при городскихъ домахъ, рабочими, которые возвращались съ заработковъ домой въ деревни, сельскими и деревенскимъ жителями наиболѣе глухихъ мѣстностей и лѣсныхъ поселковъ, отстоящихъ отъ ближайшихъ селеній на нѣсколько десятковъ верстъ. Въ такихъ мѣстностяхъ съ особенной иногда охотою были пріобрѣтаемы св. книги и принимались эти книги съ такимъ благоговѣніемъ, что сами книгоноши бывали тронуты до слезъ. Покупались книги не только грамотными, но и безграмотными. Одинъ изъ книгоношъ Общества рассказываетъ слѣдующій характернѣйшій случай. Продалъ онъ въ с. М. неграмотному вотяку экземпляръ русскаго Новаго Завѣта съ Псалтирью, при чемъ вотякъ говорилъ, что у него есть грамотная сестра и что онъ будетъ заставлятъ ее читать. Побывавъ въ сосѣднемъ селѣ и возвращаясь оттуда въ с. М., книгоноша видитъ: у избы, гдѣ продалъ онъ свящ. книгу, стоитъ много народа, а на заваленкѣ избы сидитъ дѣвочка и читаетъ вслухъ купленную книгу обступившимъ ее и сидящимъ на землѣ поселянамъ и паселянкамъ; прочитавъ что нибудь, дѣвочка объясняла прочитанное на

вотяцкомъ языкѣ. Когда книгошоша подѣхалъ къ поселянамъ, они остановили его и купили еще нѣсколько экземпляровъ Новаго За-вѣта. Священныя книги были часто покупаемы людьми крайне бѣдными, употреблявшими на то послѣднія копѣйки, тяжкимъ трудомъ добытыя и иногда приберегавшіяся на погребеніе. Отчетъ свидѣтельствуеть, что въ народной средѣ начинаетъ входить кое-гдѣ въ обычай ежедневное чтеніе свящ. книгъ во время обѣда и по вечерамъ. Замѣчательно и то, что дѣлается болѣе и болѣе популярнымъ „Указатель церковныхъ чтеній на каждый день“, который прилагается къ священнымъ книгамъ и позволяетъ каждому дома прочитывать ежедневно церковныя чтенія. Въ отчетѣ отмѣчается также выражаемое народомъ желаніе имѣть Новый За-вѣтъ со ссылками на паралельныя мѣста и имѣть толкованія на Св. Писаніе, въ особенности на Новый За-вѣтъ. Появленіе дешеваго изданія Новаго За-вѣта съ враткимъ толкованіемъ, по отчету, было бы привѣтствовано съ восторгомъ.

— «Рук. д. с. п.» сообщаетъ заслуживающее вниманія слѣдующее недавнее распоряженіе Смоленскаго епископа Никанора о всеобщемъ обученіи вѣрѣ приходскаго населенія. — „Такъ какъ школы не могутъ быть посѣщаемы всѣми дѣтьми, то необходимо особо собирать дѣтей, не бывающихъ въ школахъ. Чтобы это дѣло поставить болѣе или менѣе твердо, предлагается всѣмъ приходскимъ священникамъ дѣлать ежегодно, чрезъ извлеченіе изъ исповѣдныхъ книгъ, списокъ всѣхъ 12-ти лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ — и въ немъ отмѣчать о наученіи ихъ въ школахъ или при церкви основнымъ предметамъ вѣры, молитвамъ и заповѣдямъ. Этимъ приличіе всего заняться въ посты: рождественскій и великій. Такимъ образомъ, постепенно введется всеобщее обученіе вѣрѣ. Бываетъ, что нѣкоторые доживутъ и до зрѣлаго юношества и однако не знаютъ ни вѣры христіанской, ни молитвъ. Эти лица могутъ быть собираемы на вѣбогослужебныя собесѣдованія, гдѣ и могутъ они быть изустно и совмѣстно обучаемы какъ вѣрѣ, такъ и молитвамъ, по преимуществу подъ руководствомъ діаконровъ и псаломщиковъ“.

— Потребность въ религіозно-нравственномъ чтеніи по мѣстамъ въ весьма значительной степени удовлетворяется при помощи существующихъ средствъ. Но вообще эти средства признаются недостаточными, и въ виду этого всѣ вновь предлагаемые способы, ведущіе къ той же цѣли, обращаютъ на себя живѣйшее вниманіе духовенства. Въ недавнее время заставило заговорить о себѣ слѣдующее предположеніе, выраженное «Херс. Еп. Вѣд.». На

ряду съ школою должна стоять народная читальня и библіотека. Сельская школа и приходская библіотека должны быть связаны между собою, дополнять другъ друга, пбо одна безъ другой немнслмы. Въ каждомъ приходѣ какъ церковнымъ причтомъ, такъ и приходскимъ обществомъ, конечно, при содѣйствіи высшей духовной власти и общественныхъ учреждений, могутъ быть ежегодно ассигнуемы небольшія суммы на церковную и приходскую библіотеки. Ассигновка на образованіе приходской библіотеки, какъ для церкви, такъ и для общества, не составитъ особенно ощутительнаго налога, приблизительно въ размѣрѣ 50 р. въ первый годъ и по 30 р. для ежегоднаго ея пополненія. Въ каждомъ православномъ приходѣ, подѣ сѣнію церкви, создается школа, а рядомъ съ нею должна стоять и приходская читальня. Какъ было бы благодѣтельно, если бы приходскіе причты приняли дѣятельное участіе въ устройствѣ народныхъ читаленъ и библіотекъ, посвящая этому дѣлу свободное время! Ежедневное духовно-нравственное общеніе прихожанъ съ членами причтовъ имѣло бы на прихожанъ большое вліяніе и духъ вѣры, слабѣющій и среди народа, утвердился бы въ немъ крѣпко.

— «Вор. Еп. Вѣд.» сообщаютъ слѣдующее предложеніе г. начальника Воронежской губерніи обществу собранію: — «Воронежское общественное собраніе по уставу имѣетъ цѣлью доставлять членамъ своимъ и ихъ семействамъ возможность проводить свободное отъ занятій время съ удобствомъ, пріятностію и пользою, при чемъ устройство вечернихъ собраній обусловлено соблюденіемъ общеустановленныхъ по сему предмету правилъ. Лѣтомъ вечерніе собранія съ музыкою назначены по средамъ и субботамъ, причемъ большой военный духовой оркестръ играетъ на открытомъ воздухѣ, начиная съ 7 часа и продолжая до 2 часа ночи слѣдующаго числа. Нарушая общественную тишину и спокойствіе на значительномъ районѣ городского пространства, столь необходимая для отдыха и сна людей, особенно трудящихся, музыка ночью имѣетъ еще и то дурное значеніе, что привлекая на ночныя гулянья много публики, большую часть коей составляютъ юное поколѣніе и дѣти, пагубно вліяетъ на здоровье людей вообще, молодежи въ особенности, отнимая у нѣжнаго, неокрѣпшаго умственно и физически, организма столь необходимый ночной отдыхъ и, кромѣ того, переутомляя и раздражая молодое воображеніе, далеко не соотвѣтствуетъ и воспитательнымъ цѣлямъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда родители не могли склонить юныхъ

посѣтителей, не смотря на слабое здоровье, уйти ранѣе часу ночи, только потому, что музыка играла еще въ саду. Съ другой стороны, продолжительное, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ къ ряду, исполненіе музыкальныхъ пьесъ одними и тѣми же музыкантами, притомъ во всякую погоду, не можетъ быть полезно и для здоровья музыкантовъ. Вышеуказанныя обстоятельства, неблагопріятныя вообще, тѣмъ болѣе не желательны въ такое время, какъ наканунѣ воскресеній, когда слѣдовало бы предоставить или облегчить возможность христіанину провести нѣсколько часовъ по христіански, а не въ разсѣянномъ развлеченіи. Едва ли можно отрицать большую пользу для человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, если онъ вечеръ на воскресенье проведетъ въ молитвѣ—въ этомъ ближайшемъ отношеніи къ Богу, а за сямъ—въ тишинѣ домашней обстановки, въ душевномъ и тѣлесномъ спокойствіи, при которомъ наиболѣе возможно сосредоточиться въ самомъ себѣ, укрѣпляя свои душевныя силы для нравственнаго совершенствованія, составляющаго въ жизнедѣятельности задачу первостепенной важности. Стремись въ субботу вечеромъ на гулянья въ садъ и оставаясь тамъ до поздней ночи, легко забыть о христіанскомъ долгѣ и даже трудно его выполнить и потому встать на другой день рано для богослуженія, которое въ приходскихъ церквахъ начинается обыкновенно въ 6—8 часовъ утра. А между тѣмъ, какое важное значеніе имѣетъ для человѣка соблюденіе общаго для всѣхъ христіанъ правила о святости воскреснаго дня, установленнаго Богомъ и постоянно напоминаемаго христіанскою Церковью—этимъ божественнымъ учрежденіемъ, всесовершеннѣйшимъ по высочайшей мудрости и величайшей любви къ человѣчеству! Ежедневными гуляньями съ музыкой въ саду дается возможность ежедневно развлекаться, но ни одного раза не облегчается возможность посѣтить церковь. Для русскихъ солдатъ, изъ коихъ состоятъ всѣ оркестры, играющіе въ городскихъ садахъ Воронежа, нарушеніе правилъ Церкви еще болѣе чувствительно и можетъ имѣть лишь деморализующее вліяніе. На сколько дѣйствительно пагубны послѣдствія такого нарушенія законовъ Церкви, доказываетъ официальное ко мнѣ обращеніе епархіальнаго начальства о содѣйствіи къ устраненію гуляній съ музыкою наканунѣ праздничныхъ дней, какъ во вниманіе указаній закона (ст. 146 уст. о пред. и прес. прес.), допускающаго въ субботы только духовныя концерты, такъ и въ виду малаго посѣщенія храмовъ Божіихъ прихожанами, отвлекаемыми публичными развлеченіями. Такое заявленіе высшей

духовной власти основывается на изслѣдованіи причинъ порчи нравовъ и на сираведливыхъ сѣтованіяхъ людей благомыслящихъ и радѣющихъ объ истинномъ добрѣ и пользѣ общества и подростящаго поколѣнія. Въ виду вышензложеннаго и преклоняясь предъ авторитетомъ христіанской Церкви, я не могу согласиться, чтобы устройство гуляній съ музыкою подѣ воскресенія съ продолженіемъ ихъ за полночь оправдывалось какими либо разумными соображеніями и вытекало изъ мѣстныхъ условій общественной жизни; нарушая законъ Божій и правила Церкви, упомянутыя гулянья, не полезныя въ нравственномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ, если и приносятъ кому либо пользу, то развѣ буфету, да и то сомнительно. Прекращеніе музыки до полуночи и выборъ другого дня вмѣсто субботы не могутъ представлять такихъ затрудненій, чтобы ради нихъ жертвовать правилами Церкви и лучшими условіями для общественныхъ нравовъ, спокойствія и здоровья. Съ своей стороны, признавая общественное собраніе, по необщедоступности, наиболѣе гарантирующимъ общественное приличіе, чѣмъ другія общественныя мѣста, я полагаю, что собраніе оказало бы даже услугу обществу, если бы перенесло музыкальные вечера, напримѣръ, на воскресенье: этотъ день привлекъ бы много лицъ и семействъ, которыя не пойдутъ въ городскіе сады, общедоступные и переполненные праздничною публикою. По всѣмъ симъ соображеніямъ и согласно ст. 314, т. II свода законовъ, считаю долгомъ сообщить вышензложенное совѣту гг. старшинъ и покорнѣйше просить о послѣдующемъ меня увѣдомить“. Постѣ преній, собраніе постановило перенести субботнія гулянья на другой день, а также ограничить оркестровую игру 12 часами вечера.— Нельзя не порадоваться такому блатому начннанію.

— Въ «Рус. Обоз.» напечатана прекрасная статья священника В. Булгакова подѣ заглавіемъ: „Учебный надзоръ въ земскихъ школахъ“. Какъ извѣстно, по существующему законоположенію, надзоръ за земскими училищами въ учебномъ отношеніи принадлежитъ директору народныхъ училищъ, инспекторамъ, членамъ училищныхъ совѣтовъ, предводителямъ дворянства и разнымъ другимъ лицамъ приглашаемымъ въ силу 41 ст. Положенія о народныхъ училищахъ. Въ виду того, что директоръ и инспектора не имѣютъ возможности посѣщать земскія школы болѣе одного раза въ годъ, естественно, что фактической контроль надъ ними сосредоточивается въ рукахъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и другихъ лицъ, среди которыхъ встрѣчаются такіе, которые вовсе

не подготовлены къ школьному дѣлу: здѣсь, напримѣръ, можно встрѣтить исправниковъ, земскихъ врачей, офицеровъ въ отставкѣ, помѣщиковъ-дворянъ, землевладѣльцевъ изъ разночинцевъ и даже фабрикантовъ изъ крестьянъ. Такимъ образомъ, большинство лицъ вѣдающихъ дѣло надзора и руководства въ земскихъ училищахъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, нисколько не вліяютъ и не могутъ вліять на ходъ учебнаго дѣла. Лишенные возможности выкатъ въ тонкости школьнаго обученія, они поневолѣ касаются въ своей ревизіи лишь самыхъ поверхностныхъ сторонъ его: освоиться со внутреннимъ содержаніемъ школьнаго дѣла, понять типичныя отличія въ преподаваніи того или иного учителя такимъ ревизорамъ не подъ силу. Кромѣ того, не усвоившая себѣ хорошихъ и худыхъ сторонъ въ области школьнаго обученія, такіе ревизоры не могутъ дать и не дадутъ и надлежащихъ указаній учительскому персоналу, которыми болѣе неопытные учителя могли бы руководствоваться въ дальнѣйшихъ занятіяхъ съ учениками. Все ихъ руководство состоитъ въ спрашиваніи ученикомъ и подчасъ въ нотаціяхъ учителямъ... И учителя остаются съ тѣми же пріемами въ преподаваніи послѣ такихъ ревизій, съ какими они вели дѣло обученія до нихъ. Другимъ важнымъ недостаткомъ учебнаго надзора въ нашихъ земскихъ школахъ служитъ то, что экзамены въ нихъ производятся людьми далеко не компетентными въ школьномъ дѣлѣ, а между тѣмъ, для того чтобы сдѣлать болѣе или менѣе правильную оцѣнку познаніямъ экзаменующихся, на основаніи ихъ краткихъ отвѣтовъ, требуется основательное знакомство со школьнымъ дѣломъ. Понятно, что экзаменаціонныя отмѣтки при такихъ условіяхъ являются совершенно произвольными, а основанные на этихъ отмѣткахъ доклады уѣздному земству и вовсе фантастичными. Не ясно ли отсюда, замѣчаетъ авторъ, что организація производства экзаменовъ въ школахъ церковно-приходскихъ болѣе совершенна въ принципѣ чѣмъ въ земскихъ. И вотъ почему: тамъ на экзаменахъ присутствуетъ земскій учитель, то-есть, лицо специально знакомое со школьнымъ дѣломъ и вполне отвѣчающее тѣмъ требованіямъ какія должно предъявлять къ экзаменатору. Почему бы и въ земскія школы не приглашать на экзамены учителей церковно-приходскихъ школъ? Пока дѣло надзора въ земскихъ учрежденіяхъ за народными школами находится въ рукахъ лицъ набираемыхъ съ бору да съ сосенки, мы должны признать, что организація такого надзора, въ принципѣ, въ школахъ церковно-

приходскихъ лучше и цѣлесообразнѣе. Прежде всего, здѣсь полное единство: хозяинъ и руководитель въ дѣлѣ обученія вездѣ и повсюду приходскій священникъ. Пусть многіе изъ нихъ стоятъ не на высотѣ своего призванія,—назначеніе въ бѣдные приходы субсидій изъ казны, признаніе заслугъ пастырскихъ съ высоты Престола, возвышеніе значенія духовенства въ глазахъ общества—все это должно привлечь въ села въ священники лицъ со вполне законченнымъ образованіемъ. Такія лица, ознакомившіяся еще въ семинаріи, въ образцовыхъ при нихъ школахъ, съ методами обученія, да притомъ сами лично постоянно преподающія законъ Божій, не рѣдко сами прошедшія школу сельскаго учительства, во всякомъ случаѣ могутъ болѣе успѣшно контролровать дѣло обученія въ начальныхъ сельскихъ училищахъ и руководить учителями чѣмъ теперешніе члены училищныхъ совѣтовъ. «Моск. Вѣд.»

— «С.-Пет. Вѣдом.» въ интересной статьѣ касаются вопроса о томъ, какимъ попечительствамъ можно предпочтительнѣе ввѣрить дѣло благотворенія въ столицахъ. Такъ какъ основаніемъ всякаго воспитанія должна быть религія, идея о Божествѣ, укрѣпленіе въ сознаніи человѣка убѣжденія, что все благое исходитъ отъ Бога, что даже несчастія, обрушивающіяся на насъ, какъ немигнуемое послѣдствіе нашихъ же ошибокъ, по Высшему милосердію, ведутъ насъ къ нашему нравственному совершенствованію, то, говоритъ газета и ясно, что попеченіе о бѣдныхъ должно быть приурочено къ храму Божію, свѣтильнику народному. Каждый изнывающій подъ тяжестью житейскихъ невзгодъ долженъ идти туда съ вѣрою, что ему помогутъ, его успокоютъ; каждый, по внушенію духа милосердія, желающихъ придти на помощь несчастнымъ, долженъ найти въ храмѣ указаніе, гдѣ въ данную минуту—истинное, наиболѣе вопіющее бѣдствіе, въ которомъ его лента можетъ принести существенное облегченіе и душевный покой.

— Директоръ копенгагенскаго института для слѣпыхъ, г. Мольденгауеръ, въ своихъ заботахъ о расширеніи дѣятельности слѣпыхъ въ практической жизни, напалъ, по словамъ «Прав. Вѣст.», на мысль пристроить одну изъ своихъ питомицъ на телефонную станцію. Первый же опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. На основаніи свидѣтельства этой первой слѣпой телефонистки, требованія, которымъ должны удовлетворять слѣпые кандидаты на должность телефонистовъ, сводятся къ слѣдующимъ. Прежде всего нужны сообразительность и расторопность. Затѣмъ условіемъ первостепенной важности является тонко-развитой слухъ, чѣмъ, впро-

чемъ, обыкновенно отличаются всѣ слѣпые. При сигналѣ абонента, на коммутаторѣ, какъ извѣстно, захлопывается клапанъ, что сопровождается дребезжающимъ звукомъ. Этотъ-то звукъ и служитъ сигналомъ для слѣпого телефониста. Бываетъ, однако, что закрытіе клапана вызываетъ лишь слабый шорохъ, поэтому слѣпой телефонистъ, руководствующійся единственно слухомъ, не долженъ пропускать безъ вниманія ни малѣйшаго звука и часто провѣрять свои слуховыя ощущенія осязательными, проводя рукою по коммутатору, чтобы убѣдиться, не спущенъ ли гдѣ клапанъ. Тонкость слуха позволяетъ также слѣпымъ опредѣлять направленіе, въ какомъ именно мѣстѣ спустился клапанъ и, такимъ образомъ избавляетъ ихъ отъ необходимости ощупывать по очереди всѣ клапаны, что заняло бы слишкомъ много времени. Наибольшее затрудненіе связано для слѣпого телефониста съ выключеніемъ соединенія по заявленію абонента, особенно если одновременно находятся въ соединеніи нѣсколько абонентовъ. Во избѣжаніе замедленія въ такихъ случаяхъ, слѣпому телефонисту слѣдуетъ усвоить себѣ необходимый навыкъ путемъ предварительныхъ упражненій. Ради облегченія труда слѣпыхъ телефонистовъ требуются нѣкоторыя измѣненія въ общей системѣ. Въ заключеніе первая слѣпая телефонистка высказываетъ мнѣніе, что слѣпые телефонисты могутъ быть полезными только на службѣ въ небольшихъ телефонныхъ отдѣленіяхъ и притомъ подъ наблюденіемъ зрячаго, такъ какъ не могутъ ни давать абонентамъ справокъ, ради которыхъ нужно взглядывать въ списки или указатели, ни вести письменныхъ работъ по сношеніямъ съ главною телефонною конторою.

— «Вѣст. Трез.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія относительно дѣйствія алкоголя на организмъ человѣка. — „Главное дѣйствіе алкоголя въ нашемъ тѣлѣ заключается въ томъ, что онъ быстро отнимаетъ всю воду отъ всѣхъ тканей, съ коими приходитъ въ соприкосновеніе. И чѣмъ онъ крѣпче, тѣмъ быстрѣе и сильнѣе, рѣзче онъ отнимаетъ воду, напротивъ чѣмъ онъ слабѣе, чѣмъ болѣе онъ разведенъ водою, тѣмъ меньше и медленнѣе отнимаетъ онъ воду отъ нашихъ тканей.—На слизистыя оболочки рта и желудка спиртъ производитъ чувство жженія и вызываетъ чувство тошноты; въ желудкѣ же спиртъ раздражаетъ нервы слизистой оболочки. Большой крѣпости водка или слабо разведенный спиртъ, отнимая воду отъ тканей, вызываетъ ихъ сморщиваніе, сокращеніе, съживаніе; но разведенная водка, слабая и въ небольшихъ количествахъ такого рѣзкаго явленія не вызываетъ. Докторъ Розенталь говоритъ, что въ очень малыхъ дозахъ водка вызываетъ болѣе сильное отдѣленіе желудочнаго сока и, благодаря

этому, можетъ быть полезна для пищева­ренія. Но, при нѣсколько большихъ дозахъ и большей крѣпости, это благотворное дѣйствіе уничтожается и пищева­реніе прекращается до тѣхъ поръ, пока спиртъ остается въ желудкѣ; пища остается невзмѣнною въ же­лудкѣ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Слизистая оболочка подвергается сильному раздраженію, сосуды ея переполняются кровію, на ней отлагается слой вязкой слизи и получается острый катарръ же­лудка. Такъ говоритъ наука устами доктора Розенталя, профессора физиологій въ Эрлангенѣ. Съ строго научной точки зрѣнія, водка въ 20 градусо­въ была бы совершенно достаточной крѣпости для человѣка, какъ гигиеническое подспорье при трудномъ пищева­реніи и обремененіи желудка обильной громоздкой растительной пищей. Но такъ какъ жизнь теперь плохо подвигается впередъ безъ компромиссовъ, то можно согласится на продажу водки въ 25°. Дальше этого никакъ нельзя идти. Теперь же продается ка­зенная водка въ 40°. Это очень крѣпкая водка. Она жжетъ и раздражаетъ ткани не въ мѣру и очень чувствительно. Для населенія она очень вредна и ее смѣло слѣдуетъ замѣнить болѣе слабой. Вино веселитъ сердце человѣка. Отъ чего это происходитъ? Вызванное алкоголемъ суженіе кровяныхъ сосудовъ въ нашемъ организмѣ имѣетъ слѣдствіемъ нарушеніе правильной функціи сердца и при­ливъ крови къ мозгу: этимъ объясняется возвышенное состояніе духа послѣ употребленія вина. Но спросите врача, сколько времени необходимо для того, чтобы сердце опять дѣйствовало правильно?.. Днемъ наше сердце при общемъ нормальномъ состояніи организма дѣлаетъ до 80 ударовъ въ минуту. Во время сна природа по­заботилась и объ нѣкоторомъ отдыхѣ для нашего сердца: число ударовъ уменьшается на 15 въ минуту. Такимъ образомъ во время 8—часоваго сна наше сердце дѣлаетъ на 7200 ударовъ меньше. Выпейте предъ сномъ вина и число ударовъ сердца въ минуту не только не уменьшится на 15, но увеличится, смотря по количе­ству алкоголя, по крайней мѣрѣ, на 15 разъ и такимъ образомъ сердце въ продолженіи ночи дѣлаетъ на 14000 ударовъ больше, чѣмъ природа отъ него требуетъ. Насколько полезно это для ор­ганизма, судите сами. Общепринятое мнѣніе, что спиртные напитки поддерживаютъ теплоту въ нашемъ организмѣ, также невѣрно, какъ и приписываемыя имъ питательныя качества: теплота, кото­рую вы чувствуете вскорѣ послѣ выпиванія извѣстнаго количе­ства вина, быстро смѣняется пониженіемъ температуры. Экспеди-

ціи въ полярныхъ странахъ дали возможность убѣдиться въ томъ, что дольше всѣхъ переносятъ холодъ лица, неупотребляющія во-все спиртныхъ напитковъ“.

Н Е Б Р О Л О Г Ъ.

Съ 9-го на 10 сентября сего года скончался отъ продолжительной и тяжелой болѣзни слободы Епифановки Васильевской церкви, Старобѣльскаго уѣзда, заштатный о. Протоіерей Василій Георгіевичъ Капустянскій, на 82-мъ году отъ рожденія. Онъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1839-мъ году, а въ 1840 г. 19 апрѣля былъ рукоположенъ во священника къ церкви Живоноснаго Источника слободы Рымаровки, Старобѣльскаго уѣзда. Въ 1845 г. 19 февраля онъ былъ переведенъ въ слободу Епифановку того-же уѣзда, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Усопшій вышелъ за штатъ по болѣзни въ 1893 г. 14 августа.

Въ 1850 г. 18 августа усопшій былъ награжденъ набадренникомъ, а въ слѣдующемъ году утвержденъ въ должности депутата, каковую должность и проходилъ до 1860 года. Въ 1856 г. 26 августа онъ былъ награжденъ скуфьею; имѣлъ бронзовый крестъ въ память войны 1853—1856 годовъ и бронзовую медаль въ память той-же войны. Съ 1860 г. и до выхода за штатъ покойный состоялъ окружнымъ духовникомъ. Въ 1863 г. 13 апрѣля онъ былъ награжденъ камилавкою; въ 1866 г. 25 іюня назначенъ блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, каковую должность проходилъ до 1877 года; въ 1868 г. 16 апрѣля награжденъ наперстнымъ крестомъ; въ 1879 г. 1 апрѣля Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 3-ей степени; въ 1887 г. 18 августа возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1890 г. 3 іюля по случаю исполнившагося 50-лѣтія служенія его въ священническомъ санѣ, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Владимира 4-й степени.

Покойный о. протоіерей отличался особенно ревностію въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей. Почти всю свою жизнь онъ прослужилъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, при одной и той-же церкви и прослужилъ такъ, какъ, дай Богъ, прослужить и каждому священно-служителю. Церковною службою покойный особенно дорожилъ. Богослуженіе всегда совершалъ внимательно, благоговѣйно и не спѣшно. По первому зову прихода, усопшій немедленно отправлялся выполнять свою пастырскую обязанность, въ какую бы погоду ни случилось. Къ низшимъ членамъ прихода онъ всегда относился отечески; если замѣчалъ за ними какіе-либо проступки, то кротко дѣлалъ имъ внушенія въ формѣ наставленія и совѣта, почему причтъ любилъ его и старался своими поступками не нарушать

душевнаго мира своего пастыря—отца. Въ теченіе всей своей священнической службы, продолжавшейся 53 года, усопшій о. протоіерей не имѣлъ ни съ кѣмъ спорныхъ и судебныхъ дѣлъ; тоже самое онъ внушалъ и другимъ. Примѣрно отличная служба почившаго, естественно, не могла пройти не замѣченной Епархіальнымъ Начальствомъ и, какъ видно изъ его послужнаго списка, оцѣнена по достоинству. Какъ человекъ, покойный отличался простотою души, незлобивымъ и ласковымъ обращеніемъ, честностію и прямою характера, за что его, какъ сослуживцы священники, такъ и прихожане, искренно любили. Въ домѣ своемъ онъ всегда и для всѣхъ былъ радушенъ и безпримѣрно гостепріименъ. Кто-бы ни явился къ нему въ какое-бы ни было время дня и ночи, тотъ всегда находилъ у него сердечный пріемъ. Въ послѣдніе годы, когда уже, по слабости своего здоровья, усопшій не могъ совершать церковныхъ службъ, онъ большую часть дня и ночи проводилъ за чтеніемъ молитвъ, акаѳистовъ Сладчайшему Иисусу, Божіей Матери и угодникамъ Божиимъ.

Обрядъ погребенія надъ усопшимъ о. протоіереемъ, послѣ заупокойной литургіи, 11-го сентября, былъ совершенъ маститымъ о. благочиннымъ протоіереемъ Николаемъ Шокотовымъ, въ сослуженіи 5-ти сосѣднихъ священниковъ и 4 діаконѣвъ. При погребеніи было произнесено глубокопрочувствованное слово священникомъ о. С. Черняевымъ на текстъ: „Благій и вѣрный рабе, види въ радость Господа своего“, произведшее сильное впечатлѣніе на слушателей. При погребеніи собралось такое множество народа, что просторный храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ, желавшихъ отдать послѣднее цѣлованіе своему духовному отцу.

Миръ праху твоему, добрый и незабвенный о Христѣ собратъ нашъ!

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Свящ. В. Д. Липицкаго

ХЕРУВИМСКАЯ ПѢСНЬ

40 коп.,

и ПОДЪ ТВОЮ МИЛОСТЬ

25 коп.

Харьковъ, музыкальный магазинъ „ЛИРА“ и у автора. Слобода Сватова-Лучка, Купянскаго уѣзда.

Только что отпечатано и поступило въ продажу большов иллюстрированное изданіе

А. Ф. МАРКСА:
„ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“

Соч. Н. Н. Случевского.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ, XX+XII+1064 страницы большого 8^о, съ двумя картами сѣвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Авторъ этого капитальнаго сочиненія имѣлъ счастье сопутствовать Е. И. В. В. К. Владміру Александровичу въ его путешествіяхъ 1884—88 годовъ по сѣверу и западу Россіи. Собранныя во время этихъ 6 путешествій, въ многочисленныхъ посѣщенныхъ городахъ и мѣстностяхъ, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, провѣренныя, обработанныя и дополненыя данными изъ другихъ источниковъ, а равно непосредственныя наблюденія автора—и послужили матеріаломъ для вновь изданной книги, первый изданія которой (1886 и 1888 гг.), подъ заглавіемъ „По Сѣверу Россіи“ и „Балтійская Сторона“, нынѣ совершенно распроданы. Въ новомъ, второмъ изданіи исключены всѣ подробности, имѣвшія лишь временный интересъ, и, напротивъ, сохранены и отчасти дополнены существенныя части книги. Въслѣдствіе исключительно благоприятныхъ условій, въ которыхъ находится авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ наиболѣе выдающимися достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстъ и видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ рѣдко бываетъ доступно. Благодаря этому книга К. К. Случевского заключаетъ въ себѣ чрезвычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этнографическаго и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ. Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно-исполненныхъ гравюрахъ и автотипіяхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. О богатствѣ содержанія книги даетъ понятіе простой перечень описываемыхъ мѣстъ.

Томъ I. По Сѣверу Россіи. Путешествіе первое: Очеркъ пути. Грузино. Боровичи. Устюжна. Череповецъ. Кирилловъ. Бѣлозерскъ. Вытегра. Петрозаводскъ. Поѣздка на Кивачъ. Охота на Клинцкомъ островѣ. Вознесенье. Лодейное Поле. Новая Ладога. Шлиссельбургъ. Путешествіе второе: Очеркъ пути. Городъ Островъ. Святоторскій монастырь. Новоржевъ. Холмъ. Демянскъ. Валдай. Вышній Водочекъ. Вѣжецкъ. Рыбинскъ. Волга отъ Рыбинска до Ярославля. Ярославль. Ростовъ Великій. Вологда. Рѣка Сухона до Тотьмы. Тотьма. Устюгъ Великій. Отъ Устюга до Сольвычегодска. Рѣка Вычегда. Сольвычегодскъ. По древнему Заволочью. Холмогоры. Архангельскъ. Соловецкій монастырь. Отъ Соловокъ до Кемь. Кемь. Отъ Кемь до Териберки. Териберская губа. Отъ Териберки къ Арѣ-губѣ. Арскій китобойный заводъ. Еретики въ Урской губѣ. Кольская губа. Кола. Обратный путь вдоль Мурмана. Юканская гавань. Мезенскій заливъ. Мезень. Отъ Мезени къ Онегѣ. Конецъ морскаго пути. Сумскій посадъ. Отъ Сумскаго посада до Петровскаго Яма. Отъ Петровскаго Яма къ Новѣнци. Новѣнецъ. Пудожъ. Путешествіе третье: Нижний-Новгородъ. Ярмарка. Владиміръ. Усть-Ижорскій лагерь.

Томъ II. По Западу Россіи. Путешествіе четвертое: Очеркъ путешествія. Транзундъ. Вильманстрандъ. Иматра. Выборгъ. Ревель. Балтійскій портъ Гапсаль. Черновъ. Аренбургъ. Виндава. Либава. Отъ Либавы до Мятавы. Рингенъ. Мятава. Рига. Устье Западной Двины. Усть-Двинскъ. Дуббельнъ. Искюль. Штокмангофъ. Якобштадтъ. Крейцбургъ. Двинскъ. Псковъ. Псковское озеро. Талабскіе острова. Гдовъ. Отъ Гдова къ Юрьеву. Чудское озеро. Юрьевъ. Вейсенштейнъ. Везенбергъ. Нарва. Усть Нарова, или Гунгенбургъ. Имбургъ. Прибалтійскій край за послѣднее десятилѣтіе. Путешествіе пятое: Очеркъ путешествія. Луга. Порховъ. Опочка. Невель. Великія Луки. Торонецъ. Отъ Торонца на Холмъ къ Старой Руссѣ. Старая Русса. Крестцы. Путь къ Тихвину. Тихвинъ. Отъ Тихвина къ Новой Ладогѣ. Столбово. Ладожскіе каналы. Александро-Свирскій монастырь. Олонецъ. Валаамъ. Маріинская система. Валаамъ и Обонежье за послѣднее десятилѣтіе: I. Маріинская система. II. Валаамъ. III. По Обонежью. Путешествіе шестое: Очеркъ пути. Ковна. Нѣманъ отъ Ковны до Юрбурга. Гродна. Осовецъ. Варшава. Новогоріевскъ. Ивановгородъ. Брестъ-Литовскъ. Польшье. Несвижъ. Минскъ. Смоленскъ. Калуга. Тула. Троице-Сергіева лавра. Книга издана очень изящно и роскошно, отпечатана на превосходной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. СПб. 1897 г. Цѣна изданія, несмотря на его большой объемъ и на обиліе иллюстрацій, назначена весьма умѣренная—**7 руб.**, за оба тома съ пересылкою—**8 руб.** Съ требованіями просятъ обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ. Мал. Морская, № 22.

Открыта подписка на 1898 г. Издается съ 1889 г. Подписной г. съ 1 Ноября.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

5 РУБ. безъ доставки въ Спб. *на годъ* съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи *шесть* руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 Февраля 1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Юля остальвыя.

Пробный № высылается за 7 коп. марку.

52 иллюстрированныхъ №№ каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 стран. плотной печати) заключаетъ въ себѣ разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе“. Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отзывается сухостью, всего что можетъ наводить скуку на читателя. 12 выпусковъ иллюстрированнаго изданія „ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“ сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго географа Фр. Гельвальда. Большаго формата, на лучшей бумагѣ, съ массою художественныхъ рисунковъ. Давая столь роскошное изданіе редакція увѣрена, что подписчики вполнѣ оцѣнятъ подобное приложеніе, которое въ отдѣльной продажѣ будетъ стоять не менѣе 5 руб.

И кромѣ того новое бесплатное приложеніе 12 томовъ сочиненій

ФЕНИМОРА КУПЕРА

объемомъ каждый отъ 200 до 240 стран., большаго формата убористой печати.

Сочиненія этого извѣстнаго американскаго романиста давно уже пользуются заслуженною репутаціею драгоцѣннаго матеріала для чтенія: въ живой, увлекательной формѣ они даютъ читателю самое вѣрное представленіе о природѣ и людяхъ американскаго материка, о правахъ и жизни индѣйцевъ, о борьбѣ съ ними первыхъ колонистовъ и пр. 1. Звѣробой. 2. Слѣдопытъ. 3. Послѣдній изъ могиканъ. 4. Піонеры. 5. Прерія. 6. Блуждающій огонь. 7. На сушѣ и на морѣ. 8. Хижина на холмѣ. 9. Краснокожіе. 10. Красный корсаръ. 11. Колонія на кратерѣ. 12. Пѣнителъ моря. Здѣсь читатель найдетъ и живописное описаніе американской природы, и занимательные рассказы о приключеніяхъ на сушѣ и на морѣ. По вѣрности изображаемыхъ предметовъ, по глубокому знанію описываемой эпохи и по картинности языка Куперъ до сихъ поръ остается выдающимся писателемъ, котораго съ удовольствіемъ прочтеть каждый членъ семьи, отъ мала до велика.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ № 12.

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ Ф. Груздевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 г.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

политическій, литературно-художественный и сатирический
съ карриатурами.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

развлечение вступаетъ въ 40-й (юбилейный) годъ своего
существованія.

Развлечение въ 1898 году, не возвышая подписной платы, 6 рублей, дастъ своимъ подписчикамъ: 1) Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ каррикатуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества *столицъ и провинціи (провинціальныя злобы дня и курьезы* будутъ помѣщаться въ текстъ и рисункахъ). 2) Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться *юмористическія иллюстраціи въ краскахъ* къ произведеніямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей и, между прочимъ, будетъ иллюстрирована извѣстная поэма *Н. А. Некрасова „Кому живется весело, вольготно на Руси“*. (Иллюстраціи эти полны захватывающаго интереса по своему художественному исполненію). 3) Въ память сорокалѣтняго юбилея будетъ выпущенъ и разосланъ годовымъ подписчикамъ *юбилейный номеръ. Въ будущемъ 1898 году редакция журнала Развлечение устраиваетъ КОНКУРСЪ на лучшіе юмористическіе разсказы. За лучшіе четыре первыхъ разсказа назначаются преміи: за первый разсказъ 500 руб. и золотой именной жетонъ; за второй—300 руб. и такой же жетонъ, за третій и четвертый разсказы по 100 руб. и серебряные именные жетоны. Условія конкурса. 1) Участниками конкурса могутъ быть все желающіе. 2) Выборъ темы предоставляется автору. 3) Тема должна вполне соответствовать цензурнымъ условіямъ. 4) Разсказъ долженъ заключать въ себѣ не болѣе 200 печатныхъ строкъ въ столбецъ журнала (считая два столбца въ страницѣ). 5) Одно и то-же лицо можетъ помѣщать нѣсколько разсказовъ подъ разными псевдонимами (причемъ точный адресъ автора долженъ быть извѣстенъ редакціи). 6) Разсказъ, представленный на конкурсъ, долженъ быть оригинальный и ранѣе нигдѣ не напечатанъ. 7) Срокъ присылки разсказа по 1 мая 1898 года, включительно. 8) Разсказы, присланные на конкурсъ, по выбору редакціи, будутъ печататься въ журналѣ съ 1 Января по 1 Января 1898 года. 9) Авторы напечатанныхъ разсказовъ, на конкурсѣ не удостоившіеся денежной преміи, получаютъ отъ редакціи по серебряному именному жетону. 10) Преміи присуждаются большинствомъ голосовъ подписчиковъ журнала Развлечение. 11) Все имена подписчиковъ, приславшихъ свои отзывы о конкурсныхъ разсказахъ, будутъ напечатаны въ особомъ приложеніи. 12) Отзывы должны быть присланы не позже 15 декабря 1898 года. Головая цѣна журнала ШЕСТЬ рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ три рубля, въ мартѣ одинъ р., въ апрѣлѣ одинъ р. и въ маѣ одинъ р. (Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки). Адресъ Москва журналу Развлечение.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ
на еженедѣльный, религіозно-нравственный, иллюстрированный,
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧІИ“

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

4 рубля за годъ съ пересылкой. 2 рубля 50 копѣекъ, за
полгода съ пересылкой.

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Бажановой, (квартира Протоіерея
Скорбященской церкви).

„Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго *народнаго чтенія*. „Кормчій“ имѣетъ главною своею цѣлью, какъ показываетъ и самое названіе, путевождать православнаго христіанина, т. е., указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковію Православною предначертанъ для всѣхъ чадъ ея. „Кормчій“ и въ 1898 году будетъ издаваться *примыняясь къ событіямъ недѣли*, и такимъ образомъ, можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для мірянъ и христіанскихъ семей—благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни. Кромѣ религіозно-нравственныхъ статей въ журналѣ помѣщается еженедѣльный обзоръ событій текущей жизни. №№ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержания съ соответствующими поясненіями въ текстѣ. Въ 1898 году въ журналѣ „Кормчій“ будетъ принимать участіе *извѣстный Кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ. Въ 1898 г. Редакція „Кормчаго“ дастъ своимъ подписчикамъ бесплатное приложение подъ заглавіемъ: „Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ“*. Поученія будутъ украшаться рисунками и разсылаются заблаговременно. Въ ряду другихъ статей въ 1898 году въ „Кормчелѣ“ будетъ печататься, *„Жизнь современныхъ подвижниковъ благочестія“*, *„Толкованіе на Апостолы“* и *Катихизическія поученія на символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди о блаженствѣ и на 10 заповѣдей Закона Божія*. Въ редакціи имѣются полные экземпляры „Кормчаго“ за 1892, 93, 94, 95 и 96 гг. Цѣна 1892 г. 2 руб., 1893 г. (сброшюрованъ) 2 р. 50 к., 1894 годъ (сброшюрованъ) 3 р., 1895 годъ (сброшюрованъ) 3 р., 1896 годъ (сброшюрованъ) 3 р. съ пересылкой. Въ редакціи имѣется въ продажѣ худож. олеографическая картина: *„молитва Спасителя въ саду Геосиманскомъ“*, цѣна картины 40 к. съ перес. Листки „Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ“ продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 безъ перес. и по 80 к. за 100 съ перес. Есть сброшюрованные листки по 40 к. съ пересылкой. Наложенимъ платежемъ изданія „Кормчаго“ не высылаются. Для церковно-приходскихъ и другихъ начальныхъ школъ, Редакція, при выискѣ журнала за прежніе годы, дѣлаетъ скидку 50% съ объявленной цѣны. Подобная уступка 50% дѣлается также для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ имѣющіеся въ продажѣ годы; при выискѣ же не менѣе 10 экземпляровъ журнала за текущій 1897 и будущій 1898 года, цѣна за каждый экземпляръ 3 р. 50 к. вѣсто 4-хъ рублей.

Редакторы-Издатели: Протоіерей С. П. Ляпидевскій.
Священники { І. Н. Вухаревъ.
В. П. Гурьевъ.

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щихъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоого пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ почетеля школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател. Илага за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1899/00 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1899/00 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Съ открытія школы завѣдующій и законоучитель священникъ Григорій Половъ, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; учитель, диаконъ Андрей Венедиктовъ, съ 20 апрѣля 1887 г., окончилъ курсъ въ Вѣлгородской учительской семинаріи.							—	—	2570		
Съ открытія школы законоучитель и завѣдующій священникъ Данилъ Ветуховъ; уволенъ изъ средняго отдѣленія духовной семинаріи; учитель Димитрій Ветуховъ, изъ духовнаго училища и имѣеть свидѣтельство на званіе учителя.		40			4		Всѣ 44 р. израсходованы.	—	2382		
Съ 1885 года завѣдующій и законоучитель священникъ Павелъ Ветуховъ, изъ низшаго отдѣленія духовной семинаріи; учитель псаломщ. Димитрій Якубовичъ, окончившій курсъ въ духовномъ училищѣ и имѣеть свидѣтельство на званіе учителя.							—	—	1347	1	
Съ 1886 года завѣдующій и учитель священникъ Алексѣй Пинковъ, окончившій курсъ богословскихъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи; законоучитель священникъ Оома Оедоровскій, съ 10 декабря 1895 года, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи.						5	5 р. израсходованы.	—	3239		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Іоаннъ Ковалевскій, съ 19 января 1890 года, окончилъ курсъ въ духовной семинаріи; учитель псаломщикъ Андрей Войтовъ, съ 1894 г., уволенный изъ 2 кл. духовнаго училища.			1 р. 85 к.				Всѣ израсходованы 1 р. 85 к.	—	1638		
Со времени открытія школы завѣдующій и законоучитель священникъ Василій Макаровскій, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; учитель диаконъ Полкарпъ Щелоковскій, съ того же времени, окончившій курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.						3л., отъ н 5 р. стор.	4 руб., отъ завѣд.	—	3012		
Завѣд. и законоучит. священ. Александръ Торанскій, съ откр. школ., оконч. кур. въ Харьк. дух. сем.; и. д. учпт. псал. Андрей Капустинъ, изъ 2 кл. дух. училища			5			5	Всѣ израсходованы 10 руб.	—	2270		

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и насколько оно удобно для школьных занятій.	Число учащихся въ школѣ.		Въ томъ числѣ.	Число окончившихъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или помощителемъ школы?
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.					
373	Въ слободѣ Епифановкѣ, открыта 26 февраля 1893 года.	Въ общественномъ зданіи.	10	—	—	—	6	50	—
374	Въ слободѣ Евсугѣ, открыта 30 октября 1890 года.	Въ церковномъ домѣ, очень удобнымъ.	44	—	—	2	2	918	24
375	Въ слободѣ Зориковѣ, открыта 1 сентября 1892 года.	Въ церковной караулкѣ, не совсѣмъ удобно.	20	—	—	—	5	153	33
376	Въ селѣ Закотномѣ, открыта 1 февраля 1894 года.	Въ церковной караулкѣ, удобно.	8	—	—	—	—	397	—
377	Въ слободѣ Калмыковѣ, открыта въ 1891 году.	Въ церковной сторожкѣ, весьма неудобно.	15	—	—	—	—	108	Съ отк- р. школь- от- ставной рядовой Артемій Несмаш- ный.
378	Въ слободѣ Нлимовѣ, открыта въ 1887 году 10 декабря.	Въ общественномъ домѣ, очень удобнымъ.	30	—	—	—	8	651	80

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ запитій.	Число учащихся въ школѣ.										Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?				
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Православнаго исповѣданія.	Католическаго.	Лютеранскаго.	Съ свид. на льготу.	Безъ свид. на льготу.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Число окончившихъ курсъ.					
379	Въ слободѣ Колядовкѣ; открыта 13 декабря 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ; мало-удобное.	—	13	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92	10	Съ открытія школы церковн. староста Мовсей Бондаревъ.
380	Въ слободѣ Кобычиной; открыта 18 января 1891 года.	Въ церковной сторожкѣ; очень удобно.	18	1	19	—	—	2	—	—	2	—	—	—	140	15	крестьян. Тимофей Бондаревъ съ 17 сентября 1893 г.
381	Въ слободѣ Каменкѣ; открыта 25 октября 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ; удобно.	18	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49	—	—
382	Въ слободѣ Крызской; открыта 16 октября 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ; очень неудобно.	35	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128	—	—
383	Въ слободѣ Курячевкѣ; открыта въ 1893 году.	Въ церковн. сторожкѣ; очень удобной.	23	12	35	—	—	1	—	—	5	6	—	—	166	4	Съ открытія школы крестьян. Федоръ Рыбалка.
384	Въ слободѣ Мооновкѣ; открыта въ 1888 году.	Въ общественномъ домѣ; очень удобно.	44	2	46	—	—	3	—	—	3	—	—	—	364	3	Съ открытія школы Василій Комарный.
385	Въ слободѣ Лашиновкѣ; открыта 16 декабря 1893 года.	Въ церковн. сторожкѣ; удобно.	18	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	96	3	—
386	Въ слободѣ Литвиновкѣ; открыта 9 декабря 1893 года.	Въ церковн. сторожкѣ; тѣсно.	24	1	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	162	25	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоего пола.				
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельского общества.			Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Іоаннъ Шишловъ, съ 13 декабря 1893 г., окончившій курсъ въ Харьковской духовной семина- ріи. Учитель діаконовъ Самуилъ Ба- женовъ, уволенный изъ средняго от- дѣленія духовнаго училища.		4 р. 5 к.				2 р. 45 к.	Израсхо- довано 5 р.; ос- тается 1 р. 50 к.	—	2972			
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Георгій Грековъ, съ 18 января 1891 г., окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учитель діаконовъ Іоаннъ Самойловъ, уволен- ный изъ 2 класса Старобѣльскаго приходскаго училища.							—	—	2882			
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Павелъ Филевскій съ от- крытія школы, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учитель псаломщикъ Георгій Павловъ, изъ среднихъ классовъ Харьковской духовной семинаріи; имѣетъ сви- дѣтельство на званіе учителя.							—	—	3745			
Завѣд. и законоуч. свящ. Дмитрій Пантелеймоновъ съ 1893 г., изъ 2 кл. духовной семинаріи. Учитель діак. Петръ Лаврентьевъ, изъ 2 кл. Ду- ховнаго училища.							—	—	2737			
Завѣд. и законоучит. свящ. Кон- стантинъ Жуковскій, законоуч. съ открытія школы, а завѣд. съ 1 сент. 1895 г.; оконч. курсъ въ Духовной Семинаріи. Учитель діак. Констан- тинъ Федоровъ, изъ Духовнаго учи- лища.		5		5		15 р. отъ завѣд.	Всѣ 25 р. израсход.	—	2901			
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Василій Поповъ съ 1888 года, окончившій курсъ въ Духов- ной семинаріи. Учитель Иванъ За- жарскій съ 1894 года, имѣетъ сви- дѣтельство на званіе учителя.		20				16 р. отъ завѣд.	Израсхо- дованы всѣ 36 р.	Въ вознаграж- деніе учителя отъ діакона 90 р. и отъ церкви 30 р. всего 120 р.	2331			
Съ 1893 года завѣдующій и за- коноучитель священникъ Харлампій Твердохлѣбовъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учитель ді- аконовъ Александръ Камникъ съ 1895 г., имѣетъ свидѣт. на званіе учителя.		5 р. 60 к.					5 р. 60 к. израсхо- дованы.	—	2755		333	
Съ открытія школы завѣд. и зако- ноучитель прот. Іоаннъ Кузнецовъ; окон. курсъ въ духовной семинаріи. Учительна. дѣвица Клавдія Власова, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ.						9 р. отъ завѣд.	Всѣ 9 р. израсхо- дованы.	Отъ завѣд. въ вознагр. учит. 100 руб.	3005			

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.		Въ чемъ знаніи помѣщается школа и насколько оно удобно для школьныхъ занятій.		Число учащихся въ школѣ.		Число окончившихъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.		Число книгъ школьной библиотекы.		Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Православнаго исповѣданія.	Католическаго.	Догерманскаго.	Съ сумм. на льготу.	Безъ сумм. на льготу.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Учебниковъ и пособій.	Книгъ для вывѣдасл. чтен. бібліотекы.		
387	Въ слободѣ (сѣлѣ) Лизинѣ; открыта 1 юня 1894 года.		Въ церковной сторожкѣ; удобно.		24	24	—	3	—	—	88	—	—	
388	Въ слободѣ Лиманѣ; открыта 10 января 1894 г.		Въ церковной сторожкѣ; удобно.		27	229	—	—	—	5	2	175	27	Крестьянинъ Прохоръ Трофименко.
389	Въ слободѣ Морозовѣ; открыта 14 августа 1889 г.		Въ церковной сторожкѣ; неудобно.		18	18	—	2	—	—	89	90	—	
390	Въ слободѣ Мовсеевѣ; открыта 8 Марта 1888 года.		Въ церковной сторожкѣ; тѣсно.		18	422	—	1	—	6	1	265	18	—
391	Въ сѣлѣ Маньковѣ; открыта 20 сент. 1884 года.		Въ церковной сторожкѣ; довольно удобно.		49	1160	—	7	1	1	4	4	—	—
392	Въ слободѣ Мостнахъ; открыта въ 1892 году.		Въ церковной сторожкѣ; весьма удобно.		20	20	—	—	—	—	—	120	—	Крестьянинъ Тимофей Морозъ съ 1893 г.
393	Въ слободѣ Муратовой; открыта 16 октября 1893 года.		Въ церковной сторожкѣ; вполне приспособленной для школы.		25	25	—	4	—	—	—	125	—	Дворянинъ Алексѣй Гардевичъ.
394	Въ слободѣ Михайлиновѣ; открыта въ ноябрѣ 1879 г.		Въ церковной сторожкѣ; тѣсно.		20	20	—	—	—	—	—	880	77	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоого пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечителств.	Отъ почетели школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвовател.		Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Расколнниковъ.
Со дня открытія школы завѣду- ющій и законоучитель священ- никъ Михаилъ Согинъ, окончившій курсъ въ Харьковской духовной се- минаріи. Учительница дѣвица Ека- герина Климентьева съ того же вре- мени, окончившая курсъ въ харь- ковскомъ епархіальномъ училищѣ.		10			10		2	Всѣ 22 р. израсхо- ваны.	—	1523		
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Θεодоръ Поповъ, оконч. курсъ въ духовной семинаріи. Учи- тель діаконъ Петръ Логиновъ, ув. изъ кулянскаго духовнаго училища.				40				40 р. из- расходо- ваны.	—	2806		
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Дмитрій Склабинскій, съ 1894 г. окончившій курсъ въ харь- ковской духовной семинаріи. Учи- тель діаконъ Іоаннъ Грабовскій, окончившій курсъ въ учительской семинаріи.			6					6 р. из- расходо- ваны.	—	3270		
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Іоаннъ Лисенко, съ 1894 года, окончившій курсъ въ духов- ной семинаріи. Учитель діак. Про- копій Поповъ, со дня открытія шко- лы, изъ средняго отдѣленія харь- ковской духовной семинаріи.								—	—	1785	4	
Завѣд. и законоуч. свщ. Василій Поповъ, съ 1884 г., оконч. курсъ въ духовной семинаріи. Учительница, дѣв. Александра Попова, съ 1884 г., окончившая курсъ въ Прогимназіи и утвержденная въ должности учи- тельницы Его Преосвященствомъ.					50	15		65 р. из- расходо- ваны всѣ.	—	1822		
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Евлампій Макушицъ, окон- чившій курсъ въ духовной семина- ріи. Учитель діаконъ Павелъ Ан- друсенковъ, съ 1892 года, изъ 1 кл. духовной семинаріи.								—	—	6248		5 евр.
Завѣд. и законоуч. свщ. Меодій Лядскій, со дня открыт. школы, студ. духовной семинаріи. Учит. псал. Га- врилъ Климентовъ, съ 23 ок. 1894 г., имѣющ. свид. на званіе учителя.		10						Всѣ 10 р. израсходо- ваны.	84 рубля отъ мѣстнаго діакон- а.	2828		
Завѣд. и законоуч. свщ. Василій Владковъ, съ 9 января 1896 г., ок. курсъ въ духовной семинаріи. Учи- тель псаломщикъ Григорій Пасѣд- кинъ, оконч. курсъ въ духовномъ училищѣ и имѣющій свидѣтельство на званіе учителя.								—	—	1220		

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Число учащихся въ школѣ.		Число окончившихъ курсъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?
					Въ томъ числѣ.	Въ томъ числѣ.						
395	Въ слободѣ Марковѣ при Преображенской церкви; открыта 17 октября 1891 года.	Въ церковной сторожкѣ; удобно.	40	—	40	—	3	—	—	15	200	Съ 1895 г. купецъ Василій Бобровниковъ.
396	Въ слободѣ Марковѣ при Троицкой церкви; открыта 7 января 1891 года.	Въ церковномъ домѣ; зданіе ветхо, темно и сыро.	38	—	38	—	—	—	—	8	144	Съ 18 февраля 1893 г. отставной бомбард. Іаковъ Меженский.
397	Въ слободѣ Марковѣ при Успенской церкви; открыта 16 іюля 1891 года.	Въ церковной сторожкѣ; неудобно.	26	—	26	—	3	—	—	2	159	18
398	Въ слободѣ Ново-Бѣленькой при Мурносицкой церкви; открыта 1 ноября 1890 года.	Въ церковной сторожкѣ; темно.	20	—	20	—	—	—	—	—	150	50
399	Въ слободѣ Ново-Бѣленькой при Рождество-Богородичной церкви; открыта 15 октября 1891 года.	Въ церковной сторожкѣ; темно.	29	5	34	—	—	—	—	—	215	—
400	Въ слободѣ Ново-Псковѣ; открыта 16 октября 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ; не вполне удобно.	12	5	17	—	—	—	—	2	96	—
401	Въ слободѣ Ново-Россоши при Рождество-Богородичной церкви; открыта 5 ноября 1892 года.	Въ церковной скорожкѣ; удобно.	20	—	20	—	3	—	—	8	116	—
402	Въ слободѣ Новой-Айдары при Николаевской церкви; открыта 22 сентяб. 1884 года.	Въ церковной сторожкѣ; неудобно.	31	—	33	—	—	—	—	—	64	10

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религиозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религиозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованіе еврея въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религиозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Изычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Приципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная аналогія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича — „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ едиговѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли integritationem, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, Ц. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.